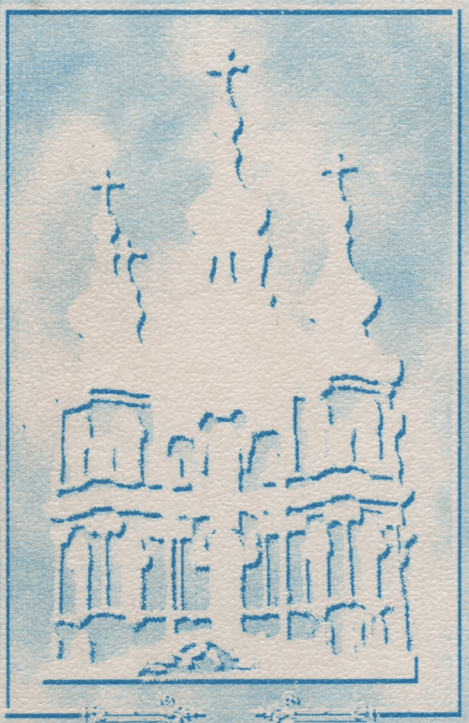
А.В. Мангилева

Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века

(на примере Пермской епархии)

А.В. Мангилева

Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в.

(на примере Пермской епархии)

УралНАУКА
Екатеринбург
1998

ББК Т3 (2р36)5 + Э372.24 (2р36)
М-23

Мангилева А.В.

Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). — Екатеринбург: УралНАУКА, 1998. — 252 с.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук В.И. Байдин

Монография посвящена исследованию жизни духовного сословия на Урале в перв. пол. XIX в. Изучаются церковные штаты и структура управления Пермской епархии, система духовного образования, внутрисословная система социальной защиты, положение женщин в духовном сословии. Исследуется сложный комплекс взаимоотношений духовенства и приходской общины. Интересен очерк о внутрисословной жизни духовенства. Автор полагает что сословная культура духовенства имела одно из определяющих значений в формировании облика русской интеллигенции. Исследование выполнено на богатом архивном материале. Книга адресована всем интересующимся историей России.

М $\frac{0403000000}{004(04)98}$ заказное

© УралНАУКА, 1998.
© Мангилева А.В., 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Состав и численность сословия: методы регулирования 24

1.1 Церковные штаты и структура управления Пермской епархии в первой половине XIX в. 24

1.2 Система духовного образования как главный регулятор численности сословия 35

1.3 Внутрисословная система социальной защиты и положение женщин в духовном сословии 76

Глава 2. Духовенство и приходская община . . . . .

2.1 Духовенство и приходская община как хозяйственная единица 97

2.2 Приходская община и духовенство в решении церковных вопросов 118

2.3. Духовенство в условиях разноконфессионального состава приходской общины 129

2.4 Роль приходского духовенства в сакральном мире крестьянской общины 144

2.5 Духовенство как проводник культурно-просветительской политики правительства 150

Глава 3. Внутрисословная жизнь духовенства 168

3.1 Материальный уровень жизни духовенства 171

3.2 Образовательный уровень духовенства 178

3.3 Награды и наказания духовенства 186

3.4 Формирование сословной культуры 195

Заключение 212

Список сокращений 218

Приложения

ВВЕДЕНИЕ

В 1917 г. доктор богословия Н.Н. Глубоковский так оценивал ситуацию в церковной историографии: «Русская церковно-историческая литература чрезвычайно богата ценными работами монографического характера по всем отраслям и более или менее важным вопросам. Лишь приходское белое духовенство, наряду с государственным влиянием высшей иерархии, наиболее содействовавшее проведению христианства в глубину народной жизни на всем пространстве России, исследовано неполно и недостаточно, как это верно касательно состояния народа в истории по его религиозно-духовной стороне: в этом направлении открываются широкие перспективы и точнее обрисовываются благодарные задачи, обещающие объективное научное разрешение»[1].

Едва ли не основной причиной подобной ситуации было неприязненное в целом отношение интеллигенции к духовенству («религиозный ренессанс» начала XX вв. был обращением интеллигенции к церкви, а не к священнослужителям). Как известно, разночинная интеллигенция формировалась во многом за счет выходцев из духовного сословия, но они редко сохраняли привязанность к взрастившей их среде. Публицистика, художественная литература, начиная с 60-х гг. XIX в. довольно часто обращались к теме духовенства, но их оценки были, как правило, негативны. Даже защищающие духовенство авторы, например, А.И. Розанов и Д.Н. Мамин-Сибиряк, зачастую упрекали

его в том, что оно мирится со своим униженным положением. Немногочисленные научные труды выходили чаще всего из самой духовной среды, и авторам их редко удавалось сохранить беспристрастность и не впасть в самообличение или самооправдание.

После революции наблюдается кратковременный всплеск интереса к теме духовенства, связанный с обновленческим движением: взвешенная критика в публицистике весьма скоро уступила место огульным обвинениям духовенства, затем наступает период почти абсолютного молчания: официально власти перестали замечать существование в стране религии, церкви, духовенства. Изменения в государственной политике по отношению к церкви на это положение не влияли; некоторое оживление интереса к церковной тематике наметилось только в связи с подготовкой к тысячелетнему юбилею крещения Руси. А судя по публикациям последних лет, тема духовенства начала вызывать живой интерес ученых.

* * *

Традиционно считается, что интерес представителей общественных наук к теме духовенства был вызван прежде всего появлением очерка священника И.С. Белюстина «Описание сельского духовенства»[2], вышедшего в 1858 г. в Русском заграничном сборнике, запрещенном в России. Здесь впервые было проанализировано положение, в котором находилось белое духовенство в первой половине XIX в., его взаимоотношения с другими социальными группами, с государством в целом. Интересно, кстати, что автор основную вину за унижение духовенства взваливает, вопреки всей последующей традиции по-

добных сочинений, на Синод, который, якобы, тормозит и извращает все благие начинания правительства. Слово «монах» употребляется только что не как бранное. Конкретных предложений по изменению существующего положения в работе Белюстина мало, но выводы из написанного напрашивались сами собой: автор предлагал перевести духовенство на денежное жалование, распространить на сословие действие гражданского законодательства, значительно сократить состав сословия (вывести из него причетников, в сельских церквях убрать из штата диакона). Священник, по мысли Белюстина, должен быть единственным официальным духовным лицом на приходе, независимым ни от прихожан, ни от других членов клира. В целом работа И.С. - Белюстина должна была способствовать переходу от простой критики духовенства к более глубокому анализу его положения, к изучению истории формирования духовного сословия.

Следующей значимой публикацией в этом направлении стала книга профессора богословия Д.И. Ростиславова «О православном белом и черном духовенстве в России», также выпущенная за границей в 1866 г. [3] Хотя в целом эта работа носит публицистический характер, в ней имеются элементы научного исследования: анализируются статистические данные из отчетов обер-прокуроров, прослеживаются исторические корни противостояния двух групп духовенства. Здесь еще отчетливей, чем в «Описании сельского духовенства», ощущается неприязненное отношение белого духовенства к черному, хотя нет никаких следов «наивного монархизма» Белюстина. Прямо об отношении правительства к духовенству Ростиславов не говорит, но, отмечая разницу в общественном положении белого и черного духовенства, он подчеркивает, что именно служащее духовенство

обречено на «общее неуважение» не только из-за собственных пороков, но и потому, что оно искусственно исключено из общественной жизни.

Первое собственно историческое исследование, посвященное приходскому духовенству — докторская диссертация профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского «Приходское духовенство со времени реформы Петра»[4]. То, что тема вновь привлекла внимание представителя именно духовной интеллигенции показательно — первым импульсом к ее разработке по-прежнему было желание защититься от «двустороннего пресса»[5] «образованного общества» и правительственной политики. Однако позиция Знаменского существенно отличается от принципиальной субъективности его предшественников. Каркасом работы Знаменского являются общероссийские законодательные акты, касающиеся духовного сословия, и их анализ, затем рассматриваются практические последствия правительственных мероприятий. Такой подход позволил более четко определить роль государства, степень его влияния на ту или иную сферу жизни духовного сословия. Так, например, Знаменский приходит к выводу, что наследственность приходов начала складываться стихийно еще в XVII в., а искусственная регулировка численности сословия лишь углубила этот процесс.

Духовенство, по мнению П.В. Знаменского, не только смирилось с навязанной ему государством замкнутостью, но и усилило ее, уже самостоятельно перекрывая представителям своих низших групп доступ в высшие: церковные должности становятся наследственными по воле самого духовенства. Государство не решается затронуть основ жизни духовенства, но в то же время требует от духовенства сближения с другими соци-

альными группами, что только сильнее подчеркивает неестественность положения духовного сословия в обществе.

В целом автор оценивает правительственную политику XVIII — первой половины XIX вв. по отношению к духовенству негативно, причем отмечает, что и проводимые в период написания книги мероприятия не привели еще к существенным сдвигам в лучшую сторону (впрочем, в том он винит и инертность самого духовенства).

Стремление охватить как можно больше сторон жизни духовенства привело к некоторой «распыленности» исследования, но, с другой стороны, сделало работу П.В. Знаменского фундаментом всех дальнейших исследований. Отдельные темы, рассмотренные Знаменским, подсказаны, скорее всего, все той же публицистикой. Это — образование, регулировка численности сословия, материальная обеспеченность клириков (а в связи с этим — взаимоотношения с прихожанами), сословная администрация и судопроизводство. При этом, однако, среди источников преобладают материалы по центральным и юго-западным районам страны, так что специфика восточных епархий осталась неучтенной.

Концепция П.В. Знаменского сближает его прежде всего с историками государственной школы, но их больше интересовало духовенство XVIII в., так как этот период более ярко, чем какой-либо другой, иллюстрирует тезис о закрепощении сословия (в данном случае — духовного) государством. Показательна в этом отношении докторская диссертация М.Ф. Владимирского-Буданова «Государство и народное образование в России XVIII в.» [6] В основе этой работы лежит тезис о том, что государство XVIII в. вовсе не было заинтересовано в распрост-

ранении образования: расширение сети учебных заведений связано с желанием правительства как можно раньше «взять на учет» всех «обязанных службой» и подготовить их к этой службе. Чисто утилитарный подход к обучению подлинного образования не обеспечивал.

Тема образования, как наиболее показательная для определения отношения государства к духовенству, становится ведущей у исследователей, занимающихся историей духовного сословия (повлияла на выбор этой темы и публикация значительного числа «Историй» различных семинарий и духовных академий, связанная с юбилеями епархий и их учебных заведений). В целом все авторы (П.В. Знаменский, К.П. Дьяконов, И.А. Чистович, Б.В. Титлинов [7]) придерживаются весьма сходных точек зрения по данному вопросу, положительно оценивая создание централизованной сети духовных учебных заведений в царствование Александра I и отрицательно — те изменения в жизни этих учебных заведений, которые были проведены при Николае I: сближения духовенства с прихожанами (как о том мечтали реформаторы) не произошло, а качество подготовки клириков ухудшилось. Большинство дореволюционных историков, вслед Знаменскому и Владимирскому-Буданову считало образовательную замкнутость защитной тактикой духовных властей. Подобные взгляды не выходят за рамки концепции государственной школы. Наиболее полно и подробно исследована система духовного образования в работе Титлинова, который рассматривает такие вопросы, как разработка законодательства о духовной школе, ее материальное положение и источники финансирования, программы, преподавательский состав, качество преподавания и воспитания. Однако именно эта работа страдает и

самыми значительными недостатками: слишком обильно цитируются источники, причем сходные по содержанию. Подбор цитат целиком диктуется личными пристрастиями автора — будущего идеолога обновленчества. Крайняя субъективность Титлинова обнаруживается например, при сравнении текстов его монографии и «Истории Пермской семинарии» И.Е. Лаговского, которую он широко использовал: из комплекса документов, предложенных будущим архимандритом Иеронимом, Титлинов отбирает только те, которые свидетельствуют о неблагополучном положении в духовной школе.

Интересна работа И. Знаменского «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I» [8]. Автор сравнивает законодательство двух царствований, привлекая в качестве показателя эффективности того или иного указа местные материалы. Отмечая преемственность правительственной политики в таком, например, вопросе, как наследственность мест в церковных штатах, И. Знаменский, однако, считает, что при Павле происходит перелом в отношении правительства к духовенству: начинается его постепенное уравнивание с дворянством. Правда, автор не отрицает прагматических соображений, заставивших сменить курс: духовенство возвышали прежде всего в глазах крестьянства; еще неосознанно, интуитивно к этому стремилось и екатерининское правительство.

Еще одна тема, привлекавшая внимание историков последней четверти XIX — начала XX вв. в связи с ее практической актуальностью, — взаимоотношения церковных властей и приходского духовенства с приходской общиной. Близок по взглядам к П.В. Знаменскому А.А. Папков[9], считавший замкнутость духовного сословия причиной разрыва между духовен-

ством и приходом. Превращение приходских клириков в государственных служащих нанесло удар не только по ним, лишив их доверия со стороны пасомых, но и по самой приходской общине, которая, отказавшись признать в духовных лицах своих руководителей и полноправных членов, постепенно утратила самостоятельность и подчинилась епархиальным властям. Учитывая, что про-народнически настроенный автор практически не отделяет приходскую общину от крестьянской, можно понять, почему он считал сложившееся положение нетерпимым. Очень близка по настроениям и выводам к этой работе анонимная брошюра «К вопросу о приходе»[10], приписываемая П.В. Знаменскому.

Уральские исследователи касались темы духовенства либо в связи с вопросом о развитии сети учебных заведений (Дмитриев А.А., Шишонко В.Н., Верхоланцев В.С. [11]), либо в связи с историей отдельных храмов (очерки в церковной периодике). Работы, посвященные собственно духовенству, — «Великопермская и Пермская епархия (1379 — 1879)» протоиерея Евгения Попова и уже упоминавшаяся «История Пермской семинарии» И.Е. Лаговского [12] — также не выходят за рамки простого изложения событий. Лаговский даже специально оговаривает это в предисловии к своей работе, которая, тем не менее, до сегодняшнего дня сохранила большое значение в связи с исчезновением архива семинарии.

В советское время о духовном сословии написано крайне мало. Тема была забыта настолько основательно, что стало возможным появление в солидном научном сборнике статьи С.А. Рейсер «Родословные изыскания», где девицы из духовных семей выходят замуж за диаконов (хотя заключение брака воз-

можно только до рукоположения в сан), а некоторым архиереям удается дослужиться до епископства[13].

Ценные статистические данные приводятся в монографии Б.Н. Миронова «Русский город в 1740 — 1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие»[14]. Здесь впервые проанализированы изменения в социальной мобильности белого духовенства на протяжении XVIII — XIX вв.; что же касается собственно исторического очерка о духовенстве, то он повторяет основные положения дореволюционной историографии (что духовенство было замкнутым сословием, численность которого регулировалась государством, что замкнутость привела к оторванности духовенства от общественной жизни и т.п.). Отдавая дань советской традиции, автор пишет об отсталости, косности и консерватизме православного духовенства, но, с другой стороны, признает, что большое число детей духовенства пополнило ряды интеллигенции (которая столь же традиционно косной не считается) — подобные несоответствия требуют все-таки какого-то комментария. Кроме того, автор практически не делает различия между политикой правительства и церковных властей в отношении приходского духовенства.

Действительно глубоким анализом сословных проблем отличаются монографии Н.Д. Зольниковой, посвященные сибирскому духовенству XVIII в. [15] Территориально-временные рамки не умаляют значения этих работ для нашей темы, поскольку они впервые полноценно восстанавливают преемственность с дореволюционной историографией и обогащают ее благодаря привлечению неиспользовавшегося ранее сибирского материала и новым подходам к традиционной тематике.

Достаточно емко охарактеризован интересующий нас период в статьях С.В. Римского, посвященных церковной реформе Александра II. Автор отмечает рост роли светских чиновников не только в Синоде, где господствовал обер-прокурор, но и на епархиальном уровне (секретари духовных консисторий). Особое внимание автор уделяет параллелям в светской и церковной политике государства. Пожалуй, впервые обращено внимание на то, что в первой половине XIX в. у приходского духовенства «сложился особый сословный менталитет. Возвышаясь над массой подданных империи своим уровнем образования, льготами и привилегиями, оно тянулось к «образованному обществу» — дворянам, чиновникам, подражая их быту, но не встречая отношения к себе как к равным»[16]. Так как статьи в целом посвящены 60-м гг. XIX в., предшествующему периоду отводится в них лишь незначительное место, а увлечение параллелями приводит автора к парадоксальному выводу о том, что система духовных учебных заведений была скопирована со светской, так как духовная школа должна была готовить чиновников и учителей[17] — на деле взаимоотношения между духовной и светской системами образования представляются более сложными.

Что касается общих трудов по истории церкви, как дореволюционных[18], так и написанных в советское время[19], то в них приходскому духовенству отводится крайне незначительное место. Обычно оно упоминается только в связи с различными законодательными актами. То же самое касается и русских исследователей, работавших за рубежом[20]. Единственным исключением является монография И.К. Смолича «История русской церкви. 1700—1917», две объемные главы которой посвящены приходскому духовенству и духовному образованию. Автор не

имел доступа к российским архивам, поэтому его книга базируется лишь на опубликованном материале. В историографическом обзоре автор наиболее благосклонно отзывается об исследованиях П.В. Знаменского по данным вопросам [21].

Большой интерес представляет монография американского историка Г.Л. Фриза «Приходское духовенство в России XIX в.» [22] По широте проблематики она единственная может сравниться с книгой П.В. Знаменского (хронологически они «пересекаются» как раз на первой половине XIX в.). Собственно, XIX в. Фриз «начинает» с правления Николая I, касаясь предыдущего царствования лишь в связи с реформой системы духовного образования. Происходит это от того, что проблема взаимоотношений церкви и государства сужена им до предела, он видит в государственных мероприятиях, связанных с духовенством, исключительно утилитарное основание, в его концепции «государственный интерес» действительно господствует, а «посторонние соображения» отметаются начисто. Такой, несколько схематичный, подход позволил, однако, по-иному осветить некоторые известные факты, поставить новые вопросы. Так, например, автор вскользь отмечает, что всеобъемлющие николаевские бюрократизация и упорядочивание так ничего и не смогли сделать с анархией епархиального судопроизводства, тогда как в российской историографии вообще не ставилось вопроса о том, почему при Николае епархиальный суд остается бесконтрольным, хотя вся логика правления требовала вмешательства государства в эту сферу. Спорным с точки зрения российской исторической традиции (никогда не отождествлявшей приходскую общину с государством) представляется вывод о том, что в XIX в. конфликт между церковью и государством

становится комплексным, поскольку перёходит на уровень «приход-духовенство». Зато вывод о том, что все мероприятия николаевского царствования провалились из-за того, что ни у государства, ни у церкви не было денег на их реализацию, не вызывает возражений. Интересные статистические таблицы составлены на основе архивных материалов — они частично были использованы Б.Н. Мироновым, также как и выводы Фриза, основанные на этом материале. К сожалению, и здесь неучтенной оказалась специфика восточных районов страны.

Таким образом, несмотря на возрастающий в последние годы интерес историков к теме духовного сословия[23], она попрежнему не может считаться достаточно разработанной, из поля зрения исследователей ускользает специфика отдельных регионов империи, мало внимания обращается на внутреннюю эволюцию сословной жизни.

Целью настоящей работы является анализ различных аспектов жизни духовного сословия в первой половине XIX в. на примере Пермской епархии, определение его подлинного места в социальной структуре Российской империи. В связи с этим основными задачами исследования стали определение состава духовного сословия и степени устойчивости положения в нем различных групп, изучение внутрисословной системы социальной защиты, а также системы регулирования численности сословия и степени эффективности правительственных мероприятий в этой области, взаимоотношений духовенства с приходской общиной как в религиозной, так и в экономической, культурной, бытовой областях, и, наконец, анализ различных аспектов внутрисословной культуры. Некоторые из этих вопросов уже поднимались в историографии, но уральский материал для их ис-

следования не привлекался. Другие (положение женщин в духовном сословии, роль духовенства в сакральном мире традиционного общества, степень воздействия иносословных культур на бытовую культуру духовенства) — в научной литературе ставятся впервые.

Географические рамки исследования определяются границами Пермской епархии в первой половине XIX в. В этот период границы епархии совпадали с границами Пермской губернии и охватывали Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский, Шадринский уезды. До выделения самостоятельной Екатеринбургской епархии (1885 г.) вся эта территория находилась под управлением Пермского архиерея, который имел право самостоятельно решать многие хозяйственные, юридические, культурные вопросы в жизни подведомственного ему духовенства.

Нижней хронологической границей исследования является 1799 г., когда была образована Пермская епархия, а верхней (достаточно условной) — 1855 г., конец правления Николая I, когда становится очевидным, что государственная политика зашла в тупик и требуется смена правительственного курса во всех областях, в том числе — в церковной[24].

Источниковой базой исследования послужили документы из архивохранилищ Екатеринбурга, Перми, Санкт-Петербурга, а также опубликованные источники. По типологическому принципу их можно разделить на несколько групп:

I. Законодательные материалы и распоряжения

1) центральных светских и духовных властей;

2) указы консистории и духовных правлений.

Первая подгруппа этого круга источников дает представление о нормативном положении в областях взятых для освещения вопросов. Законодательные акты центральных органов управления цитируются в основном по изданию «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания»[25]. К этой же подгруппе можно отнести «Устав духовных консисторий»[26], различные сборники по церковному праву. Документы второй подгруппы позволяют проследить как конкретизировались различные положения государственной политики в отношении приходского духовенства в Пермской епархии. К сожалению, архивы Пермской духовной консистории (ГАПО. Ф.63) сохранились очень плохо. Некоторые утраты удалось компенсировать за счет материалов архива Пермского архиерейского дома (ГАПО. Ф.198) и канцелярии Пермского губернатора (ГАПО. Ф.65), второго благочинного округа Камышловского уезда (ГАСО. Ф.251), а также канцелярии Синода (РГИА. Ф.796). Надо отметить, что архив камышловских благочинных содержит не только копии указов консистории и духовного правления, но и рапорты приходских клириков, так что некоторые документы этого фонда относятся уже к следующей группе источников:

II. Деловая переписка

1) между представителями церковных органов управления Пермской епархии;

2) рапорты благочинных и приходских клириков.

Эти материалы имеют большое значение для изучения действия законов на местах. Они помогают восстановить сложности, возникавшие в процессе реализации политики правительства (отклонения от нее; приспособление результатов за-

конотворчества центра к местным условиям). Из использованных в работе источников этой группы многие были опубликованы в церковной периодике последней трети XIX — начала XX вв.: письма пермских иерархов Аркадия (Федорова), Иустина (Вишневского) — в Пермских епархиальных ведомостях, письма екатеринбургских викариев Евлампия (Пятницкого) и Ионы (Капустина) — в Екатеринбургских епархиальных ведомостях. О взаимоотношениях местных церковных властей дают представление письма к архиепископу Аркадию екатеринбургских викарных епископов (РГИА. Ф.834 — рукописи Синода). Пермские епархиальные ведомости активно публиковали также миссионерскую переписку 30 — 40-х гг. XIX в.

III. Статистические материалы — взяты в основном из клировых ведомостей уездов, располагавшихся на территории нынешней Свердловской области.

Клировая ведомость на каждую церковь составлялась ежегодно и включала в себя следующие сведения:

«Имена священно- и церковнослужителей, жен их и детей, кто в каком году, месяце и числе родился.

Сколько кому ныне от роду лет.

Священно- и церковно служители исправны ли в пении и знании Катехизиса, способны ли к произношению поучений, обучались ли в семинарии и говорят ли проповеди, и говоренные проповеди присылали ли в семинарское правление. Доброго или худого поведения. Здравы или больны и справляют ли в Церкви всегда службу в великие праздники, торжества и молебствия соборные, и поют ли по царским фамилиям, панихиды и мирские требы. Имеют ли все нужное домостроительство. Их дети как мужеска так и женска пола чему обучаются. Какое

между собой имеют родство и где, и сколь далече они живут, достаточно или недостаточно. уволенные от должности, вдовы и сироты чем содержатся.

Когда и в какое звание произведен, или откуда переведен, не несет ли должность благочинного или депутата, не был ли когда и за что штрафован и не был ли от должности отставлен или уволен и ныне не под судом и за что. И не исположен ли в подушный оклад.

Священно- и церковнослужители коликою ругою или каким жалованием содержатся и имеют ли церковную землю и сенокос, и сколько нив и каковы земля и луга, и на сие имеют ли межевые планы и книги или крепости, и сверх сего получают чего от доброхотодателей, то есть от прихожан.

Прихожане государевы или господские, чем промышляют себе пропитание, и достаточны или скудны. И сколько приходских дворов. Сколько мужеска пола и женска. сколько дворов прибавилось или убавилось. Сколько старообрядцев. Сколько иноверных, то есть лютеран, католиков и реформатов, некрещеных, например, татар, калмыков и других»[27].

Таким образом, клировые ведомости позволяют судить об уровне образования и профессиональной подготовки клириков, о материальных условиях жизни, о домашнем обучении детей, о распространенности тех или иных видов наказаний и наград. Необходимо отметить, что не на все вопросы давались подробные ответы, те или иные пункты ведомости вообще могли опускаться, так что проследить по этому источнику изменения в той или иной сфере жизни духовенства не всегда удается.

IV. Судебно-следственные дела.

Документы этой группы позволяют судить о взаимоотношениях клириков между собой и с прихожанами, но использование этих источников требует осторожности, так как они сообщают об экстраординарных ситуациях, а не о "норме" во взаимоотношениях. Источников подобного рода сохранилось не очень много: как уже было сказано, архив Пермской духовной консистории сохранился плохо, а в Синод направлялись лишь те дела, по которым местные власти затруднялись с вынесением решения, а также те, которые требовали лишения обвиняемого духовного сана.

V. Повествовательные источники: личные письма, дневники, воспоминания, исторические и биографические очерки.

Эта наиболее «субъективная» по характеру группа источников служит дополнением к документам других групп, позволяя наиболее наглядно представить жизнь духовенства, выявить такие аспекты, которые не могли получить отражения в документах «официального» происхождения. Основными источниками в данном случае послужили дневники екатеринбургского протоиерея Ф.Л. Карпинского [28] и архимандрита Антонина (Капустина)[29], который приложил к дневниковым записям также отрывки из семейной хроники и наброски воспоминаний, мемуарные очерки Д.Н. Мамина-Сибиряка[30] и статьи профессора Пермской семинарии М.И. Капустина.

Подобный круг источников представляется достаточным для решения поставленных в исследовании задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. [Б.М.]. 1992. С.83–84.

[2]Описание сельского духовенства//Русский заграничный сборник. Т.IV. Лейпциг, 1858.

[3]О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866.

[4]Знаменский П.В. Приходское духовенство со времени реформы Петра. Казань, 1872. См. также другие его работы: Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870; Основные начала духовно-училищной реформы в царствование Александра I. Казань, 1878; Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881; Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885; История Казанской духовной академии. Казань, 1891.

[5]Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С.19–20.

[6]Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ярославль, 1874.

[7]Дьяконов К.П. Духовная школа в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907; Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894; Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908.

[8]Знаменский И. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.

[9]Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII — XIX века). Историческая справка. М., 1899. Его же: Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя (1855 — 1870). СПб., 1902.

[10]К вопросу о приходе. Казань, 1905.

[11]Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994: Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года. Пермь, 1889; Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879.

[12]Лаговский И.Е. История Пермской семинарии//ПЕВ, 1870 — 1876.

[13]Рейсер С.А. Родословные изыскания (К 150-летию со дня рождения Н.А. Добролюбова).//Вспомогательные исторические дисциплины. Т.XVIII. Л., 1987. С.145–148. Впрочем, подобные работы появляются и сегодня. Удивительный пример сочетания незнания историографии и эклектичности содержания. см.: Сушко А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.)//Вопросы истории. 1996. №11–12. С.107–114.

[14]Миронов Б.Н. Русский город в 1740 — 1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

[15]Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981; Ее же: Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

[16]Римский С.В. Церковная реформа Александра II//Вопросы истории. 1996. №4. С.35.

[17]Там же. С.37. См. также: Римский С.В. Церковная реформа 60 — 70-х годов XIX века//Отечественная история. 1995. №2. С.166–175.

[18]См., например, Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901; Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. М., 1893. Верховский П.В. Очерки по истории русской церкви 18 — 19 столетия. Варшава, 1912.

[19]Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. Литвак Б.Г. Русское православие в XIX веке//Русское православие: вехи истории. М., 1989. С.309–380.

[20]Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., Наука, 1991; Тальберг Н. История русской церкви. М., 1994

[21]Смолич И.К. История русской церкви. 1700—1917. —М., 1996. — Т.1. С. 52–53.

[22]Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, New Jersey, 1983.

[23]Есипова В.А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ и контрреформ второй половины XIX века (на материалах Томской епархии)/Автореферат дисс., ...к.и.н. Томск, 1996; Макарчева Е.Б. Источники по истории духовного сословия Западной Сибири первой половины XIX в. в ТФ ГАТО//Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С.104–118; Православная церковь Южного Зауралья в досоветский период/Краеведческий сборник. вып.16; Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1996.

[24]Именно в этом году зафиксировано появление новых настроений в церковной периодике. См.: Освальт Ю. Духовенство и реформа приходской жизни. 1861 — 1865//Вопросы истории. №№11–12. 1993. С.140–141.

[25]ПСП. Т.1. СПб., 1869; ПСП(П.).Пг, 1915; ПСП(Н.) Пг, 1915.

[26]Устав Духовных Консисторий. СПб., 1871.

[27]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.420. Л. 1об.–2.

[28]Там же. Ф.101. Оп.1. Д.470.

[29]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118–1125. Подробное описание см.: Салмина М.А. Дневник архимандрита Антонина Капустина//ТОДРЛ. Т.XXVII. Л., 1972. С.420–430. Подробная библиография об Антонине: Фонкич Б.Л. Антонин Капустин как собиратель греческих рукописей//Древнерусское искусство. М., 1983. С.368.

[30]Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого. В кн.: Повести. Рассказы. Очерки. М., 1975. С.387–513.

ГЛАВА 1

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ СОСЛОВИЯ: МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

1.1 Церковные штаты и структура управления Пермской епархии в первой половине XIX в.

Православное духовенство делится на белое (служащее на приходах) и черное (монашество). Постригаться в монашество могли представители всех сословий Российской империи (разумеется, православные), поэтому социальный состав этой группы духовенства был довольно пестрым, реальный облик каждого монастыря зависел от того социального «расклада», который в нем сложился. В целом по стране среди принявших ту или иную монашескую степень мужчин преобладали выходцы из среды белого духовенства, тогда как в женских монастырях жены и дочери бельцов значительно уступали по численности крестьянкам, купчихам и мещанкам[1]. Подробно о причинах возникновения этой диспропорции будет сказано ниже, здесь же следует отметить, что, поскольку из «бельцов» уходили в монахи по преимуществу для того, чтобы избегнуть наказания или исключения из сословия, а также из карьеристских соображений, то среди белого духовенства стала распространенным явлением неприязнь к монашеству, проявившаяся как в публицистике, так и в повседневной жизни[2].

В связи с разнообразием источников пополнения монашества, в данной работе речь о нем будет идти лишь постольку, поскольку в его состав попадали представители других групп духовного сословия.

Белое духовенство, в свою очередь, делилось на священнослужителей (священники и диаконы) и церковнослужителей, называемых также причетниками (дьячки и пономари). Различия между дьячками и пономарями незначительны, касаются только богослужебной практики. В первой половине XIX в. они составляли низшую группу, безусловно входящую в сословие. Остальные лица, обслуживающие церковь и церковную службу (псаломщики, певчие, звонари, сторожа, просвирни) принадлежали к сословию только в том случае, если происходили из семей духовенства (дети или жены клириков).

Диакон — низшая степень священства, сам он не совершает таинств, но прислуживает при их совершении. Священник (иерей) имеет право совершать шесть из семи таинств: крещение, миропомазание, покаяние (исповедь), евхаристию (причащение), брак (венчание), елеосвящение (соборование). Старшие священники (протоиереи) никаких дополнительных прерогатив не имели, это было просто почетное звание. Обычно протоиереи являлись настоятелями соборных церквей и благодаря этому получали более высокое жалование, чем остальные соборные священники. К концу рассматриваемого периода званием протоиереев стали награждать и священников рядовых церквей, что вызывало недовольство центральных духовных властей, поскольку ставило эти церкви в один ряд с городскими соборами. Но епархиальные архиереи, в распоряжении которых было

слишком мало способов награждать духовенство, не отказались от этой практики.

Территориально-административное деление епархии совпадало с общегосударственным. В начале века все церкви одного уезда входили в состав «заказа», но в дальнейшем это название исчезает, так как заказы были разделены на более мелкие территориальные единицы — благочинные округа. Тем не менее, уезд как территориально-административная единица не утрачивает значения. В каждом уездном городе учреждались духовные правления, состоявшие из нескольких местных священников. Духовные правления служили связующим звеном между епархиальным центром и благочинным округами, могли самостоятельно решать незначительные местные вопросы (сообщая о своих решениях в консисторию).

Во главе благочинного округа стоял один из местных священников. В 1820 г. императорским указом были отменены выборы благочинных окружным духовенством, отныне благочинные назначались епархиальным архиереем. Должность благочинного не оплачивалась, несмотря на то, что круг его обязанностей был довольно широк. Он должен был регулярно объезжать свой округ (10 — 15 церквей, находящихся на значительном расстоянии друг от друга), следить за взаимоотношениями духовенства между собой и с прихожанами, за поведением клириков и членов их семей, за домашним обучением детей духовенства и правильностью ведения церковной документации. Разумеется, выполнение такой работы безвозмездно представлялось многим благочинным несправедливостью, борьба с которой велась за счет средств подведомственного духовенства: «Помимо угощения, иные благочинные не брезговали и осязательной благо-

дарностью за посещение в виде трехрублевки, а то и целой десятки, смотря по той или другой исправности церковных документов [...]. А привязаться всегда найдет к чему: либо петь заставит что-нибудь помудренее, либо устав станет спрашивать, а то вынет из кармана белый платок, да и станет водить им по иконостасу, — не пристанет ли пыль, а как ей там не быть?» [3] Жаловаться на благочинного архиерею было, как правило, бесполезно: архиереи назначали на эту должность в качестве награды.

* * *

Все более высокие должности в церковной иерархии могли занимать представители только черного духовенства. Во главе каждой епархии стоял архиерей. От его непосредственного сана зависел и ранг епархии в составе Русской Православной церкви. Пермская епархия со времени основания (1799 г.) до учреждения Екатеринбургского викариатства (1833 г.) возглавлялась епископами. С появлением же викариев Пермскую кафедру стали возглавлять архиепископы, правда, утверждали их в этом звании после нескольких лет управления[4] — что свидетельствует о несколько неопределенном положении крупной, богатой, но отдаленной Пермской епархии в глазах центральной власти. Архиерей имеет право совершать седьмое таинство — священства (рукоположения в священнослужители).

В связи с открытием викариатства изменился титул правящего архиерея: епископ Пермский и Екатеринбургский превратился в архиепископа Пермского и Верхотурского. Викарный епископ Екатеринбургский обладал ограниченными полномочи-

ями, распространявшимися на Екатеринбургский, Камышловский и Шадринский уезды Пермской губернии.

Первым епископом Пермской епархии был назначен в 1799 г. Арсений (Москвин), но в Перми он даже не появился. В 1800 г. в город приехал новый епископ — Иоанн (Островский). Он управлял епархией меньше года и скончался 24 декабря 1801 г. в Перми. Оставшиеся после него в крайне незначительном количестве документы показывают его как рачительного и разумного руководителя[5].

Его преемником на кафедре был Иустин (Вишневский). В отличие от Иоанна, окончившего Киевскую духовную академию, Иустин обучался лишь в семинарии (Рязанской), но, пожалуй, был наиболее широко образованным среди пермских архиереев первой половины XIX в. В молодости Иустин был законоучителем в Инженерном кадетском корпусе, затем был назначен священником российской дипломатической миссии в Венеции. Столичная и зарубежная служба превратили его в типичного представителя поколения «просвещенных епископов просвещенной монархии». На Пермскую кафедру Иустин был назначен в начале 1802 г. и служил здесь до 1823 г. Обыкновенно среди его заслуг указывают постоянное внимание к семинарии и заботу о развитии в епархии церковной проповеди. Семинарии Иустин завещал свою библиотеку, здесь же хранилась рукопись его учебника по славянской грамматике для духовных учебных заведений. Либерализмом Иустина излишне широко пользовались его приближенные, что привело к ревизии епархии в 1822 г. По результатам ревизии Иустин был «уволен на покой». Скончался в Перми в 1826 г.

Следующий пермский епарх, епископ Дионисий (Цветаев), прославился, в основном, разгульным образом жизни, излишней снисходительностью к подчиненным, а также щедрой и не всегда обоснованной раздачей наград (разумеется, «небезвозмездно»). В 1826 г. Дионисий был отрешен от управления епархией и отправлен в Московский Богоявленский монастырь.

Назначенный на его место Мелетий (Леонтович) был прямой противоположностью своему предшественнику. Последовали не просто наказания черными трудами и штрафами, но даже исключения из сословия провинившихся клириков. «Кстати» пришелся на этот период и последний военный разбор духовенства, когда особо провинившихся отдали в солдаты. Несмотря на это, Мелетий пользовался уважением, так как и сам вел очень строгую жизнь. В 1831 г. Мелетий был произведен в архиепископы и назначен в Иркутскую епархию, а в Пермь переведен из Оренбурга епископ Аркадий (Федоров).

Об Аркадии, в отличие от его предшественников, воспоминания остались самые противоречивые. Властный, честолюбивый, одаренный очень большими способностями, Аркадий правильно уловил основное направление церковной политики Николая I и основной своей задачей сделал борьбу со старообрядчеством. Долгое время это приносило крупные дивиденды: Синод не вмешивался в дела Пермской епархии, несмотря на все росший поток жалоб от местного духовенства на притеснения со стороны архиерея (в 1841 г., например, в Синод поступила жалоба на Аркадия трех пермских протоиереев и ректора семинарии, а в 1843 г. — екатеринбургского викария [6]). Дело было не только в огромном числе обращенных в православие старообрядцев (они тоже жаловались — на насильственное присоединение), но и в

том, что Аркадию очень долгое время удавалось «не забываться»: он твердо помнил, кому он должен оказывать уважение, а на ком можно и «отыграться». К первым относились все светские лица и неподчиненное Аркадию духовенство, ко вторым — духовенство Пермской епархии. В пределах своей епархии Аркадий делал все, что хотел. На лучшие места переводились его родственники из Владимирской епархии, местные же клирики, имевшие несчастье не понравиться владыке, не просто переводились на худшие приходы, но и переводились с прихода на приход по нескольку раз за короткий период, что полностью их разоряло. «Рекордом» Аркадия стало тринадцать переводов одного клирика с места на место в течение года; это даже сделало пермского архиерея персонажем церковного фольклора или, по крайней мере, одним из его прототипов[7]. Понятно, почему Аркадий вызывал ненависть не только у местного духовенства, но даже, например, у петербургского священника М.Я.Морошина, самые сдержанные слова которого об Аркадии — «опытный делец»[8].

В 1833 г. для борьбы с расколом в составе Пермской епархии было открыто Екатеринбургское викариатство. Теперь для соблюдения субординации пермский архиерей, в подчинении которого находился викарный епископ, должен был получить сан архиепископа, что и произошло в том же 1833 г. (вполне возможно, что именно с этой целью Аркадий и просил открыть викариатство). Быстрое продвижение Аркадия насторожило митрополита Московского Филарета. Не имея причин протестовать против открытия викариатства, он, однако, добился назначения в Екатеринбург «своего человека» — ректора Вифанской семинарии Евлампия (Пятницкого). Инструкция новому викарию, составленная в Синоде на основании предложений

Аркадия, сильно урезала традиционные полномочия, оставляя на распоряжение помощника епарха лишь миссионерскую деятельность и очень незначительные вопросы внутренней жизни викариатства[9], но Евлампий, имея столь влиятельного покровителя, повел себя по приезде в Екатеринбург достаточно независимо. Насколько серьезный конфликт возник в связи с этим, свидетельствует письмо Филарета к Аркадию от 14 января 1839 г.: архиепископ при проезде через Екатеринбург не останавливался в доме викария, не служил с ним, консистория отменяла распоряжения викария, Евлампий по вопросам, требующим санкции начальства, обращался не к Аркадию, а прямо в Синод[10]. В конце концов Евлампий был назначен самостоятельным епископом на Орловскую кафедру, а на его место прислан Анатолий (Мартыновский), который был екатеринбургским викарием в 1840 — 1841 гг. и, по-видимому, настолько боялся Аркадия, что сам попросил о переводе в монастырь. Мелхиседек (Золотницкий) «продержался» в Екатеринбурге до 1846 г. При нем вновь возникает конфликт между Пермью и Екатеринбургом, причем Мелхиседек привлекает на свою сторону горные и военные власти Екатеринбурга, чьи амбиции были всерьез ущемлены более высоким светским и церковным статусом Перми[11]. Епископ Иона (Капустин) был гораздо осмотрительнее, а потому управлял викариатством до 1859 г., когда сам попросил о переводе в Далматовский Успенский монастырь из-за старости.

Почти двадцать лет «епархиального самовластья» вскружили голову архиепископа Аркадия, и он решился на крайне безрассудный поступок: попросил заменить другим чиновником секретаря духовной консистории Архарова. Секретари духовных консисторий были светскими чиновниками, назначаемыми

Синодом, власть их в епархиях росла пропорционально тому, насколько возрастала власть обер-прокурора в Синоде, ссориться с ними было уже опасно. Архаров, кстати, и поведением своим подражал обер-прокурору Протасову, что не могло не раздражать Аркадия. Обе стороны копили друг на друга компрометирующий материал, причем Архарову в этом помогало не только рядовое духовенство, но и сами члены консистории. И, хотя Аркадий первым вступил в открытую борьбу, он полностью проиграл, был обвинен в завышении числа обращенных старообрядцев, необоснованных переводах духовенства с прихода на приход и незаслуженных повышениях и награждениях своих родственников и земляков[12]. В 1851 г. Аркадий был переведен в Олонецкую епархию, что означало значительное понижение.

При Неофите (Соснине) (1851 — 1868 гг., архиепископ — с 1854 г.) Пермская кафедра утрачивает свое ведущее положение в урало-сибирском регионе.

* * *

Уже неоднократно упоминавшаяся духовная консистория была коллегиальным органом при архиерее. Организована она была по образцу Синода — в состав ее входило духовенство (несколько постоянных членов), секретарь же первоначально лишь заведовал канцелярией. С превращением Синода из высшего административного учреждения в «ведомство православного исповедания» во главе с обер-прокурором, круг полномочий консисторских секретарей значительно расширяется, хотя и не вполне официальным путем. Главное преимущество их положения заключалось в непосредственной подчиненности обер-прокурору, который через них проводил свою политику на епар-

хиальном уровне, минуя архиерея. Тем не менее, власть архиереев оставалась очень значительной: консистория была обязана предоставить свои решения по различным вопросам на утверждение архиерея, который был вправе отклонить их и заменить собственными постановлениями. О несогласии обязательно сообщалось в Синод. Члены консистории утверждались и смещались архиереем с утверждения Синода.

Служащие канцелярий духовных консисторий занимали в духовном сословии пограничное положение. Они считались государственными служащими и получали чины по Табели о рангах, но происходили, как правило, из семей белого духовенства. Более того, в некоторых епархиях представители податных сословий добивались своего зачисления на причетнические места для того, чтобы потом получить должность в консисторской канцелярии[13]: без формальной принадлежности к духовному сословию поступить туда было невозможно. В 1832 г. и для служащих духовных канцелярий переход на другое место службы (выход из сословия) был несколько ограничен: денежные штрафы «за медленность и нерадение по службе» были заменены письменными выговорами[14], которые вносились в послужные списки. Эта мера препятствовала перемещению выходцев из духовенства в другие ведомства государственной службы.

С основания Пермской епархии канцелярским служащим духовной консистории выплачивали следующее жалование: секретарю — 180 рублей в год, старшему канцеляристу — 100, трем канцеляристам — по 80 рублей в год, трем подканцеляристам — по 60, четырем копиистам — по 40, девяти сторожам и приставам — по 20 руб в год. В 1828 г. оклады были удвоены [15]. Но и новые оклады были слишком незначительны, поэтому вла-

сти узаконивают практику сборов с духовенства на канцелярии консисторий и духовных правлений, существовавшую в Пермской епархии до 1838 г. В 1840 г. были закрыты Шадринское и Ирбитское духовные правления, а выделявшиеся на них средства переведены на консисторию[16]. Кроме того, канцелярские служащие пользовались всеми правами членов духовного сословия, они могли получать часть доходов, которые приходились на долю временно свободного штатного места в церкви[17] (такое место называлось «зачисленным» за тем, кто получал деньги), их сыновья могли обучаться в духовных учебных заведениях. Но, по общему отзыву современников, главным источником их доходов были взятки с духовенства. Кстати, Пермская епархия изначально пользовалась у консисторских чиновников дурной репутацией. При учреждении новой епархии в нее были направлены из расформированной Старорусской духовной консистории секретарь Максим Юрьев, подканцелярист Лаврентий Береговский и копиист Степан Тяжелов. После долгих проволочек они подали просьбу в Синод о том, чтобы их не отправляли в Пермь[18]. Между тем, пермское духовенство было богаче новгородского[19], но, возможно, именно в связи с этим зарекомендовало себя гораздо более строптивым. В 1833 г. обер-прокурор Синода князь П.С.Мещерский писал Аркадию: «В секретари [консистории — А.М.] к вам нет желающих отсюда, за отдаленностью. Почему не угодно ли будет Вашему Преосвященству избрать достойнейшего к определению на сие место из своих Чиновников и представить о том Святейшему Синоду»[20]. Подобное разрешение свидетельствует о крайне затруднительном положении обер-прокурора, которому гораздо выгод-

нее было иметь на местах секретарей своих чиновников, не связанных ни с архиереями, ни с местным духовенством.

1.2 Система духовного образования как главный регулятор численности сословия

В начале XVIII в. государство закрывает доступ в ряды белого духовенства представителям податных сословий, а число духовных лиц при каждой церкви ограничивает введением церковных штатов (начало 20-х гг.). Не обладающие профессиональной подготовкой и оказавшиеся излишними клирики исключаются из сословия и направляются в солдаты. В дальнейшем предполагалось создать систему учебных заведений, выпускники которых могли бы занимать места в церковном штате. Очень рано учебные заведения, готовящие кадры священнослужителей, получают узкую специализацию и превращаются в строго сословные. С самого начала обнаружилось также и то, что государство не намерено тратиться на духовную школу, так что секуляризация 1764 г. поставила находившиеся при архиерейских домах школы в крайне неустойчивое материальное положение. Слабо развитая система духовной школы не могла обеспечить церковь образованными кадрами, автоматического отсева не получивших образования детей клириков из сословия не происходило, поэтому основным регулятором численности духовного сословия на всем протяжении XVIII в. оставались военные разборы духовенства.

Последние указы о разборах издавались в 1796, 1806 (отменен в следующем году, так что разбор фактически не произ-

водился) и в 1831 гг. Согласно последнему указу разбору подлежали «праздные лица духовного звания и из служащих церковников негодные и неисправные в возрасте от 15 до 40 лет». Исключение было сделано для обучающихся и окончивших философский и богословский курсы семинарии, «из прочих же дозволено оставить при отцах по одному для прокормления в старости»[21]. Разумеется, сложно себе представить, чтобы в XIX в. был отдан в солдаты какой-нибудь сорокалетний, обремененный семьей причетник — на практике в разбор попадали молодые люди.

Разборы XIX в., напрямую связанные с военными действиями (война с Францией и подавление восстания в Польше), вызваны желанием правительства привлечь в армию дополнительные людские резервы, а в последнем случае, возможно, — и припугнуть вольнодумцев, каковых во множестве порождала принудительно-благочестивая атмосфера духовной школы. Регулирующая же функция наконец-то полностью переходит к духовной школе, причем связано это было с изменением официального статуса духовенства.

Государство XIX в. отнюдь не отказывается от бюрократических и фискальных функций, которыми оно наделило духовенство в предыдущем столетии. Но теперь на первый план выходит другая, традиционная функция духовенства, которому надлежало быть проводником правительственной политики в народе. В соответствии с этим было необходимо изменить культурный облик духовенства, и государство всерьез принимается за духовную школу.

Создание единой, централизованной сети духовных учебных заведений с четко определенной программой связано с

реформой 1808 г. В плане административного деления предложения Комитета о усовершенствовании духовных училищ (время работы — 1807 — 1808 гг.) отчетливо перекликались со светской системой образования. На территории России создавалось четыре учебных округа, центрами которых были духовные академии (в Петербурге, Москве, Киеве, Казани). Академиям подчинялись семинарии в епархиальных центрах. В каждой епархии предполагалось открыть до 10 уездных и до 30 приходских духовных училищ (в зависимости от реальных потребностей, но не больше).

Курс обучения в приходском училище занимал два года и включал в себя чтение и письмо на русском языке, четыре правила арифметики, церковное нотное пение, первые начала русской грамматики, заучивание сокращенного Катехизиса. Рассчитанная на четыре года программа уездных училищ включала изучение русской грамматики, арифметики, церковного пения, начал языков греческого и латинского, пространного Катехизиса и церковного устава. Кроме того, предусматривалось привитие навыков работы с документами (метрическими книгами, исповедными ведомостями и т.п.)[22]. Составители правил предполагали, что окончание уездного училища может давать право на получение должности причетника, так как именно на дьячков и пономарей обычно возлагалась ответственность за ведение церковной документации. Таким образом, средний возраст посвящения в низшие церковные должности был бы 13 — 14 лет: восьмилетний возраст считался максимальным для поступления в приходское училище, срок обучения в начальных учебных заведениях — 6 лет.

В семинарии обучались в течение 6 лет, два года предполагали отвести на усовершенствование тех выпускников, которые не продолжали обучение в академии. Курс включал в себя три отделения (по два года в каждом):

– низшее — словесные науки. В программу входили риторика и филология, учили писать сочинения на русском, греческом, латинском языках, читать с разбором классических авторов. Здесь же изучали «науки исторические», к которым относились история и география всеобщие, русские и библейские;

– среднее — философские науки: логика, метафизика, теоретическая и опытная физика, нравоучение (этика). В этом же отделении изучался физико-математический курс: алгебра, геометрия, прикладная математика, начала механики, математической географии и пасхалии;

– высшее — богословские науки: богословие догматическое и нравственное, герменевтика (методика толкования древних текстов), церковная археология, красноречие.

Все шесть лет преподавали греческий язык, последние четыре года обучения — еврейский. Кроме того, все шесть лет семинарист изучал один из новых языков — немецкий или французский по собственному выбору. Предполагалось, что после уездного училища ученики должны были достаточно свободно владеть латинским языком, на котором велась большая часть занятий в семинарии[23].

«Преобразование» духовных школ по этому плану было произведено по всей стране в 1818 г. В дальнейшем программы несколько менялись, шло постепенное сокращение преподавания на латинском языке. Более радикальное вмешательство в систему духовного образования произведено в 1840 г. Новая

реформа была связана с попыткой государственных властей приблизить духовное образование к потребностям сельской жизни, дабы повысить авторитет священника в глазах крестьянства. По мысли правительства, выпускники семинарии должны были уметь «нисходить к понятиям простого народа и беседовать с ним о спасительных истинах веры и христианских обязанностях языком простым и вразумительным, а между тем и по части вспомогательных наук получали такие познания, какие могли бы с пользою для себя и для будущих своих прихожан прилагать к их сельскому быту»[24]. В программу семинарии (изменения коснулись прежде всего ее) были введены естественная история, сельское хозяйство, начала медицины, руководство к употреблению церковнослужебных книг, учение о вероисповеданиях, ересях и расколах — «применительно к местным и современным потребностям», богословие пастырское и богословие собеседовательное, патристика. В целях освобождения времени для новых курсов в перегруженной программе семинарии был значительно сокращен курс философии, в котором оставлены только логика и психология, превращены в факультативные курсы еврейского и новых языков. Бесспорным плюсом новой программы было преподавание всех предметов только на русском языке[25].

Выпуск и исключение из духовного училища любого уровня чаще всего служили поводом для выхода из сословия. 23 мая 1800 г. вышел именной указ, которым запрещался выход из сословия всем учащимся академий и семинарий[26] (а семинария в это время дает и начальное, и среднее образование). Разрешение на переход семинаристов в светское сословие мог дать только сам император. В мае следующего года этот указ был

отменен, в 1803 г. Синод, которому было передано право увольнения семинаристов, потребовал, чтобы вместе с прошением об увольнении из духовенства подавалось и медицинское свидетельство о том, что проситель не может занимать церковные должности по состоянию здоровья. При медицинском осмотре должен был присутствовать епархиальный архиерей. В 1832 г. право увольнять семинаристов до философского класса включительно было передано епархиальным архиереям.

Именным указом от 6 декабря 1829 г. казеннокоштные семинаристы обязывались по крайней мере в середине учебного курса заявить о своем желании покинуть сословие и в дальнейшем сами оплачивать свое обучение; в противном случае они не имели права выхода в течение четырех лет по окончании семинарии[27].

Наиболее легко было выйти из сословия тем, кто не кончил обучения, не получил места при церкви, а также причетникам. В 1816 г. было уточнено, что исключенные ученики низших духовных училищ могут выходить из сословия с разрешения местного духовного начальства, не запрашивая Синод[28]. Но переход в гражданское ведомство означал для них все ту же армию или приписку к податному сословию, так что в условиях Пермской епархии, где получить причетническое место было сравнительно легко, такой переход особых выгод не сулил. В податные сословия предпочитали переходить те, у кого были существенные основания бояться разбора. В 1841 г. на «избрание рода жизни» после увольнения из духовенства был установлен годичный срок, по прошествии которого уволившиеся считались праздношатающимися и наказывались соответствующим образом[29].

В 1826 г. детям белого духовенства, поступающим в военную службу не по преступлениям и порокам, а по нехватке мест и по собственному желанию, были даны права вольноопределяющихся (через четыре года беспорочной службы унтерофицерами они могли получить офицерский чин и, следовательно, дворянство). Но в 1830 г. правительство ограничило действие своего указа: вольноопределяющимися могли поступить в армию только дети священнослужителей, окончившие, по крайней мере, философский класс и представившие доказательства, что на момент их рождения их отцы уже имели священнослужительский чин, а не получили его позднее[30]. Такая же оговорка действовала и при приеме священнослужительских сыновей на гражданскую службу. Церковнослужителям и их детям было в 1827 г. запрещено поступать на службу в канцелярии, в 1830 г. им было предоставлено право поступать на канцелярские должности в консистории и духовные правления[31]. До выслуги первого чина (не раньше, чем через 12 лет службы) они не имели права переходить в иные гражданские ведомства. Эти ограничения не распространялись только на тех, кто окончил семинарию по первому разряду — они пользовались теми же правами, что и дети священнослужителей.

С 1850 г. начинаются заметные изменения в отношении светских и духовных властей к выходу из сословия в связи с его перегруженностью кадрами. В этом году было отменено обязательное обучение детей духовенства в духовных учебных заведениях, в следующем году были регламентированы ученические штаты духовной школы[32]. В 1850 г. выходит указ, согласно которому уволившиеся, но пожелавшие вновь вступить в сословие считались исключенными с гражданской службы лишь

с момента принятия духовного сана: таким образом у них оставалась возможность еще раз изменить свое решение[33].

Однако радикально способы регулировки численности духовного сословия изменились лишь в царствование Александра II, когда семинарии и духовные академии перестали быть замкнутыми учебными заведениями, а из духовного звания были исключены все не имеющие священно-церковнослужительских должностей (певчие, сторожа, звонари и т.п.), а также все дети духовенства. Всем им было разрешено поступать на церковные должности (следовательно, возвращаться в сословие), но уже на основании общегражданских прав[34].

* * *

Открытие Пермской семинарии состоялось 11 ноября 1800 г. В отличие от других семинарий, Пермская имела довольно обширный курс физико-математических наук (алгебра, геометрия, тригонометрия, механика, опытная физика), который изучался в классе философии. В то же время до 1810 г. в Перми не было класса богословия[35], поэтому курс обучения в этой семинарии не мог считаться законченным. По сведениям, поданным в Синод, в новую семинарию должны были быть переведены 23 ученика философского и богословского классов Вятской и Тобольской семинарий. Однако в связи с отсутствием богословского класса и нехваткой образованного духовенства в епархии (об этом — ниже), вряд ли кто из них продолжил обучение. По крайней мере, напротив десяти фамилий сразу же были поставлены пометки, что эти ученики получили места при церквях. Из этих 23 человек 18 были сыновьями священников, один — сыном диакона, три — дьячков и один — пономаря. Возраст —

от 19 до 26 лет. В классы риторики и поэзии должны были поступить 24 ученика в возрасте от 15 до 21 года. Сыновьями священников были 17 человек, диаконов — 5, дьячков — 2 человека. В высший грамматический класс должны были поступить 53 человека (сыновья священников — 34, диаконов — 7, дьячков и пономарей — по 6 человек). Младшему из них было 11, старшему — 17 лет. В низший грамматический класс поступал 101 человек в возрасте от 9 до 16 лет. Среди них было 58 сыновей священников, 16 — диаконов, по 13 сыновей дьячков и пономарей и один сын сторожа духовного правления[36]. Таким образом в каждом классе абсолютное большинство учеников принадлежало к священническим семьям, что объясняется и более высоким материальным достатком священников, и, по-видимому, большей предусмотрительностью: занимая хорошие места, они и своим сыновьям хотели обеспечить такие же и понимали, что гарантировать это может лишь семинария. Видно также, что количество учащихся уменьшается от младших к старшим классам: содержание сыновей в семинарии в течение нескольких лет требовало слишком больших затрат, тем более, что некоторые семинаристы подолгу «задерживались» в одном классе — об этом свидетельствует и значительная разница в возрасте между учениками одного и того же класса. Вместо 201 человека, о которых было уже заявлено в докладе Синоду (и из которых, как было сказано, как минимум десять уже получили места при храмах), начали обучение в Пермской семинарии 152 ученика; переведенных из Вятки и Тобольска среди них было 34 человека[37]. Именно переведенные должны были составить контингент старших классов; вряд ли их родители не смогли оплачивать их пребывание в Перми, если оплачивали проживание сыновей и в

более отдаленных городах. Вероятнее всего, и они были вскоре направлены на приходы: даже незаконченное семинарское образование было ценимо.

Многие родители не хотели отдавать своих детей в семинарию по причине отдаленности их приходов от Перми. Правда, речь при этом шла не о сентиментальности (или не только о ней). Большую часть доходов клирика в это время составляли сельскохозяйственные продукты, тогда как за обучение сына и его проживание в Перми приходилось платить деньгами, которых было очень мало даже у «достаточных» сельских священников. В связи с этим епископ Иустин разрешил духовенству отдавать сыновей вместо младших классов семинарии в горные школы поблизости от приходов, где часть платы за частную квартиру и стол можно было вносить продуктами. Наибольшее число таких учеников было в Екатеринбургской горной школе, так что в 1813 г. «Екатеринбургское заводское начальство, находя очень значительное количество священно- и церковнослужительских детей, обучавшихся в своей школе, обременительным для учителей, просило духовное начальство уменьшить число их»[38]. В это время в Екатеринбургской горной школе обучалось 54 ученика из «духовных».

Кроме того, на всем протяжении XVIII в. действовала школа при Далматовском монастыре, хотя статус ее был не вполне определен и время от времени менялся. В связи с открытием в Перми семинарии готовившая причетников русская школа в Далматове была в 1800 г. закрыта, но в 1812 г. игумен Никандр по собственному почину вновь открыл в монастыре ученические классы[39]. 12 марта 1816 г. Далматовской школе придан официальный статус уездного духовного училища[40], в которое

переведены из Перми ученики из зауральских приходов. В связи с этим Иустин сообщал в Екатеринбург, что ученики в горную школу больше посылаться не будут, и выражал признательность за то, что «доселе позволяемо им было обучаться в оном училище»[41].

Реформа системы духовного образования 1818 г. включила Пермскую семинарию в состав Казанского учебного округа, но уровень преподавания в старой Казанской академии оказался далеко не соответствующим предъявляемым требованиям, поэтому академия была закрыта, а на ее основе создана Казанская семинария. Открытие новой Казанской духовной академии произошло лишь в 1842 г., а до того времени учебный округ был подчинен Московскому академическому правлению[42], которое не имело возможности должным образом следить за состоянием дел на столь обширной и отдаленной территории. Хотя это, конечно, не единственная причина, почему Пермская семинария никогда не была образцовой.

Из низших классов дореформенной семинарии были образованы уездное и приходское училища, в которые поступили ученики из Соликамского, Чердынского и Кунгурского уездов. Ученики из Екатеринбургского, Верхотурского, Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов обучались, как уже было сказано, в Далматовском уездном духовном училище[43]. Позднее начальные училища были открыты и в других уездных городах.

Пермская духовная школа носила строго сословный характер. Лишь с 1816 по 1833 гг. в семинарию и Пермское уездное училище принимались по просьбе горного начальства иносословные ученики для подготовки их к поступлению в медико-хирургическую академию, после окончания которой они должны

были служить врачами при горных заводах[44]. Но число таких учеников было крайне незначительно.

Вместо отправки сыновей в приходские училища духовенство предпочитало обучать их дома. Официально это было разрешено, но в семи — восьмилетнем возрасте мальчика необходимо было «представить» в училищное ведомство, после чего отец забирал его домой. Через два года мальчик должен был сдать экзамен и поступить в уездное училище. Но даже такую формальность как «представление» некоторые умудрялись игнорировать. Семинарское правление регулярно рассылало требования о составлении списков детей, «достигших восьмилетнего возраста»[45], но сами эти списки свидетельствуют о том, что «устрашали» они не слишком сильно. Например, по второму благочинному округу Камышловского уезда в 1837 г. числилось 14 непоступивших в училищное ведомство детей от 7 до 14 лет. А то, что руководствовались родители при этом не только материальным расчетом, доказывает тот факт, что среди «непредставленных» были и те, кто имел право на казенное содержание[46].

Но и родители, вовремя записавшие своих сыновей в училищное ведомство, не всегда заботились о должном их обучении. Ректор семинарии Никодим писал о состоянии начального обучения в епархии в 1840 г.: «Иные священно-церковнослужители, записав детей своих в училище, и взяв их к себе в дом по билетам для обучения, не представляют их в назначенное время в училище на испытание, [...] есть поразительный пример и на то, что священно- и церковнослужители, записав детей своих в училище и взяв их в дом для обучения, не обучают. Это священник Чердынского уезда, села Г., Троицкой церкви, С.С. Он,

записав сына своего Максима в училище 6-го октября 1833 года, представил его в 1839 году двенадцатилетнего необученным и чтению»[47].

В уездное училище и семинарию ученики часто возвращались после каникул с опозданием, причем «опоздания» эти могли длиться по полгода и больше[48]. Правда, в таких случаях речь шла об осознанном желании быть исключенным из училищного ведомства: при задержках на менее длительный срок причины могли быть другими. Большая часть детей духовенства обучалась за счет своих родителей, которые и без того обладали скудным достатком и не могли зачастую обеспечить своих детей даже самым необходимым — это касалось в первую очередь причетников. Семинарское правление вынуждено было рассылать списки учеников, не имеющих учебников, «для побуждения родителей» выслать деньги[49]. «Побуждали» родителей и к покупке детям одежды и обуви[50]. В 1840 г. дьячок Илья Капустин и пономарь Василий Новопашенных объясняли, что не представили своих сыновей в училище «по неурожаю хлеба и недостаточному состоянию»[51], а пономарь Василий Правдухин просил зачислить за его сыном Иваном, учеником среднего отделения семинарии, диаконское место, так как отец не мог его содержать, а прав на казенное содержание он не имел[52].

В 1841 г. семинарское правление сообщало консистории, что ученики низших училищ "проживают в домах своих родителей или родственников долее назначенного в билетах срока, иные очень долгое время; родители детям своим обучающимся в училищах не посылают нужной и приличной одежды и обуви и не снабжают их учебными книгами [...] Подобное бывает и по семинарии». Консистория приняла решение о наложении штра-

фов на родителей за эти «упущения»: «а именно со священников будет взыскиваемо от 3 до 6 руб. серебром, сообразно получаемых ими доходов от занимаемых мест, с диаконов от 2 до 5 руб., с причетников от 1 до 2 рублей тоже серебром»[53]. Эти меры оказались не слишком эффективными, и в следующем году консисто́рия в ответ на новую жалобу семинарского правления принимает решение, что провинившиеся родители помимо штрафов «будут посылаемы еще и в Архиерейские домы или в Монастыри в черные труды равно и местные священно и церковнослужители если оне по истечении срока на какой уволен ученик или по выздоровлении от болезни ученика тотчас не донесут о самовольном его проживании благочинному». На благочинного, не принявшего мер к высылке ученика, накладывался штраф от 7 до 10 руб. серебром[54]. Но и сами священнослужители иногда сообщали, что причетник не в состоянии отправить сына в училище по бедности[55].

Частыми были жалобы хозяев квартир, на которых жили ученики, на неуплату денег. С диакона Адриана Плотникова деньги за проживание на квартире его брата Евграфа требовали в продолжение 1834 г. пятикратно, причем два последних требования пришли уже после того, как окончивший семинарию Евграф был рукоположен во священника[56]. Дело о взыскании денег за содержание сына со священника Тарарина продолжалось с 1844 по 1847 г. [57] Правда, в подобных случаях не всегда причиной была родительская бедность. В 1838 г. помощнику инспектора семинарии было приказано вести учет присылаемых ученикам денег и их расходованию, поскольку «от квартиросодержателей многократно бывали жалобы училищному начальству на то, что им квартиросодержателям обещана была роди-

телями известных учеников уплата денег в известное время и деньги сии присланы, но им учениками не выдаются»[58]. Показательна ситуация, сложившаяся в октябре 1830 г., когда из-за угрозы холерной эпидемии семинаристов распустили из Перми по домам. Хотя с начала учебного года прошло не так много времени, маленькие дети успели растратить выданные им деньги по пустякам и не имели средств на дорогу домой. Архимандрит Антонин вспоминал: «Вообще все мы были так бедны, что не стыдились питаться всем, что Бог послал, и что рот достал. Некоторые, особенно дети, то распродали, то растеряли почти все, что везли с собою, и спасались единственно шубами, которыми милостивое начальство наделило бурсаков на дорогу. Занимательнее всех в этом отношении вообще были два брата первокурсника Пономаревы, из них меньший назывался Крискент, а проще Клеспия, ростом с пуговицу (он потерял даже шапку свою и ехал завернувшись в шубу). Но когда достигли Кунгура, их там пригрела какая-то родственница и дала по рублю на брата на дорогу. Что же? Голяки зашли в харчевню и все сполна деньги проели на пельменях!!»[59]

Иногда за бедными учениками, не имевшими права на казенное содержание, «зачислялись» места в церковном штате: доходы с зачисленного места делились между теми, кто временно служил на этом месте, и родителями ученика[60]. Права на занятие места после окончания обучения «зачисление» не давало. При избытке свободных мест в первой трети XIX в. семинарское правление могло просить архиерея о зачислении места за учеником в качестве поощрения за хорошую учебу[61].

Более радикальным способом решения проблемы было зачисление бедного ученика в училищное ведомство на казен-

ный счет. В таком случае училище должно было обеспечить его одеждой, обувью, питанием и помещением. Деньги на содержание духовных училищ и казеннокоштных учеников выделялись централизованно. Первоначально казенное содержание предусматривалось только для учеников семинарии. На одного такого ученика в епархиях первого разряда (к которым была отнесена и Пермская) полагалось по штату 1814 г. 100 руб. в год, по штату 1820 г. — 200 руб. [62] В каждой семинарии полагалось содержать по 100 казеннокоштных учеников.

Правительство субсидировало духовную школу лишь до 1817 г., после чего основным источником финансирования становятся так называемые «свечные доходы». Продажа церковных свеч стала с началом реформы духовного образования монополией православных храмов, которые были подотчетны в полученных средствах семинарским правлениям. Но семинарские правления этими суммами не распоряжались, а пересылали их в Комиссию духовных училищ при Синоде, которая и занималась их распределением по епархиям в соответствии с назначенными семинариям окладами, так что в случае получения при продаже свеч «излишков» рассчитывать на их возвращение в епархию не приходилось, зато за уменьшением «свечноприбыльной суммы» семинарское правление следило и требовало в таких случаях подробных отчетов[63].

Поскольку денег на содержание учеников в приходских и уездных училищах не нашлось, министр духовных дел и народного просвещения кн. А.Н.Голицын предложил создать по образцу «свечных сумм» «венчиковые суммы», предоставив церквям монопольное право продажи погребальных венчиков и листов с текстом разрешительной молитвы, возлагаемых на по-

койников. В 1819 г. Пермской епархии было назначено по 35 бурсачных и полубурсачных оклада. Бурсаку (казеннокоштному ученику низшего училища) полагалось в год 80 руб., полубурсачный оклад составлял, соответственно, 40 руб. В 1820 г. оклады в епархиях первого разряда были увеличены до 120 и 60 руб. в год, но количество окладов оставалось прежним. Дополнительные оклады (по 20 полных и половинных) были выделены Пермской епархии лишь в 1826 г., следующее увеличение числа окладов произведено в 1836 г. [64] При этом реально для училищ требовалось казенных окладов даже больше, чем для семинарии, поскольку многие бедные ученики «отсеивались» именно из уездного училища.

Официально право на получение казенного содержания имели сироты или дети из семей многодетных причетников, но, поскольку отбор производился строго, первоначально число назначенных казенных окладов в Пермской семинарии превысило число казеннокоштных учеников. Поэтому в 1822 г. семинарское правление обратилось к Московскому академическому правлению с просьбой разрешить зачислять на казенный счет и священнослужительских детей. Обосновывалась просьба тем, что «самые доходы от предоставленных за учениками священно- и церковнослужительских мест, неравные по различию местных обстоятельств, вообще по малочисленности и скудости приходов в Пермской епархии так были малы, что никак не могли и не могут удовлетворить и самым необходимым нуждам учащихся в содержании, именно самое большое количество доходов на часть священническую может простираться от 10 до 30 или 40 рублей в год, между тем, как одна только квартира со столовым содержанием, кроме одежды и других необходимых

принадлежностей к содержанию, стоит каждому ученику от 9 до 10 и более рублей в каждый месяц». Разрешение на прием на казенное содержание священнослужительских сыновей было получено, но в каждом конкретном случае надо было испрашивать одобрения у епархиального архиерея[65]. К 1834 г. казенных окладов в семинарии уже не хватает, поэтому семинарское правление переходит к регулярной проверке сведений об изменениях в материальном положении семей казеннокоштных[66]. Перед приемом на казенное содержание наводились справки о родственниках, которые могли бы содержать ученика за свой счет[67]. С казенного семинаристов переводили на полуказенное содержание (только питание и помещение) по «их родителей званию, количеству домашнего их семейства, числе содержимых ими в училищах детей и наконец, успехам и поведению сих последних». С духовенства была взята подписка, что оно не будет просить о возвращении сыновей на казенное содержание[68].

Деньги, которые выделялись семинаристам, семинарское правление частично переводило в низшие пермские училища, где число нуждающихся было гораздо выше. В связи с этим же семинарское правление просило духовенство тех уездов, которые обслуживало Далматовское училище, перевести туда своих детей из Перми, так как в Далматове меньше казеннокоштных учеников[69]. Запрещенному в священнослужении духовенству не разрешалось подавать просьб о приеме детей на казенное содержание[70]. Правда, к концу периода от этой практики отказываются[71], видимо потому, что запрещенным просто неоткуда было взять денег для обучения сыновей, и здравый смысл победил экономические соображения.

«История Пермской духовной семинарии» И.Лаговского весьма подробно повествует о всех неприглядных сторонах быта казеннокоштных учеников, но наиболее отчетливое представление об уровне их жизни дает описание одежды. В отчете ревизовавшего Пермскую семинарию в 1850 г. ректора Казанской академии архимандрита Григория сказано следующее: «некоторые воспитанники казеннокоштные не подходят к Евангелию во время всенощных, совершаемых в семинарской зале, потому что не имеют приличной одежды; к литургии же таковые вовсе в собор не ходят»[72].

В этом же 1850 г. окончил семинарию сын причетника из Чердынского уезда Евфимий Попов. «Во первых он кончил курс в нанковом самом простом сюртуке, жил в бурсе, куда был принят на половинное казенное содержание по бедности родителя и за хорошие успехи и отличное благоповедение. Во-вторых, когда родитель его услышал об окончании сыном его курса семинарии и притом студентом, то послал ему 1 руб., тогда как ранее никогда не посылал более 25 коп». Потрясенный родительской щедростью, «он прибегал с этим рублем ко многим из своих товарищей и высказывал свой восторг»[73].

Большую роскошь могли себе позволить на казенном или полуказенном содержании сыновья священнослужителей. В июле 1839 г. правление семинарии сообщало консистории о смерти ученика богословского класса Ивана Попова, сына умершего священника из Камышловского уезда. Здесь же была опись оставшихся после него вещей: «пять ситцевых рубашек; шесть подштанников; три косинки две шелковые; и одна полушелковая. подгалстушник; два платка ситцевый и кашемировый; две манишки зимняя шелковая и летняя коленкоровая белая, три

жилета один полушелковый, другой из [1 сл. неразб.], а третий из сукна; два сертука, один дардидамовый Голубого цвета и другой нанковый, полупуховая подушка; кожаный чемодан, небольшой деревянный ящик, без замка крашеный красною краскою столик». Кроме того покойный был обладателем двух учебников, нескольких тетрадей и 46 руб. 94 коп.[74]

Впрочем, и своекоштные семинаристы порою выглядели не самым пристойным образом. Будущий протоиерей Михаил Кузовников, родившийся в 1800 г. в семье дьячка из Камышловского уезда, «ходил в классы в одной рубашке и босиком и только для праздников имел халат из синего крестьянского холста. Домой же на вакационное время и обратно в училище и после в семинарию ходил всегда пешком»[75].

Бедность была одной из причин низкой успеваемости семинаристов. Тот же самый Евфимий Попов был первым учеником из бедного Чердынского уезда, который окончил семинарию по первому разряду со времен ее основания[76].

Другой причиной была излишняя сложность и перегруженность программы обучения. Но против этого зла ученики духовных училищ применили вполне разумное средство: из всех предметов они выбирали те, которые могли пригодиться им в дальнейшей жизни, проявляя к остальным полное равнодушие. При епископе Иустине семинария достигла значительных успехов в изучении математики, но объяснялось это, по-видимому, не только талантом преподавателей, но и особым пристрастием архиерея к этому предмету: сказывалось, возможно, его долгое пребывание в Европе, охваченной физико-математическим «бумом». Неофициальное поощрение успевающих в математике было подкреплено специальным указом епископа: «Успехи уче-

ников в арифметике, геометрии, тригонометрии, механике и экспериментальной физике сделали великую честь Пермской семинарии, и нам, и родителям их полное удовольствие, радость и веселие. Мы ими любуемся. Объявить им, что дается им от нас право поступать на лучшие места и перепрашиваться из худших в лучшие приходы, ежели только представят, что кроме прочих знаний в философии и богословии и кроме сочинения проповедей содержат твердо в памяти математику»[77]. После Иустина заниматься математикой становится «невыгодно», и математический курс в семинарии приходит в упадок. В 1843 г. учитель математики жаловался на лень учеников, на то, что еще в училище ими плохо усвоена арифметика, и они не могут заниматься алгеброй. При этом обращал внимание на весьма симптоматичную деталь: «самые упорные лентяи, особенно и в большом количестве находятся между теми учениками, которые по другим предметам удостоены первого разряда». После разбирательства, вызванного этой жалобой, с учеников была взята подписка, что они будут заниматься математикой[78].

Ректор Никодим I, вступивший в управление семинарией в 1840 г., отмечал, что наименьшие успехи показаны учениками по математике, хотя особых причин для этого нет никаких. Но даже подобная оценка показалась ему слишком мягкой для другого предмета: «латинский язык найден мною в жалком упадке»[79]. Плохое знание латыни — постоянный мотив в отчетах семинарского правления и ревизоров, в жалобах преподавателей. И здесь, по-видимому, была виновата не только «сухость» предмета, но и нежелание учеников заниматься «бесполезным» делом. В том же отчете Никодим отмечал, что наибольших успехов семинаристы достигли в изучении богословия, православного

исповедания и словесности[80] — в разряд «легких и занимательных» здесь мог попасть разве что последний предмет, первые же два изучались явно с практической целью.

Интересно в связи с этим то, что попытка приблизить обучение в семинарии к реальным потребностям сельской жизни не встретила сочувствия у семинаристов: естественная история, сельское хозяйство и медицина сделались в Пермской семинарии столь же одиозными предметами, как латынь и математика. Даже ректор семинарии в 1848 г. прямо заявил ревизору, что эти предметы бесполезны[81]. Зато когда в 1854 г. был открыт класс рисования и иконописания, в нем пожелали обучаться 65 семинаристов и 24 ученика уездного училища[82] — очевидно, они трезво оценивали свои возможности на продолжение обучения до богословского класса и заранее искали приработка к скудным причетническим доходам.

Практицизм мог доходить до вполне осознанного желания быть исключенным из «училищного ведомства в епархиальное». В 1826 г. семинарское правление сообщало: «По сведениям, имеющимся в правлении, известно, что некоторые из учеников, исключенные из семинарии, по окончании предшествовавших учебных годов, кроме безуспешности в учении, за леностию и по другим причинам происшедшей, неоднократно замечаемые в самых противных доброй нравственности поступках, о коих в свое время даваемо было знать из правления в Пермскую духовную консисторию, при отсылке их в оную, поступили к местам в епархиальном ведомстве, конечно по уважению к особливым обстоятельствам, впрочем не по соображению с образом нравственности их в бытность в семинарии, так что иногда замеченные в худых поступках и нерадивые ученики в получе-

нии старших и выгоднейших мест предупреждали учеников благонравных и, хотя безуспешных, но или по недостатку способов к содержанию, или по слабости способностей; равно ученики, уволенные из семинарии в епархиальное ведомство с замечаниями о нравственности и поступках с невыгодной стороны, переходили потом в гражданское ведомство и помещались в гражданские должности без обращения, по-видимому, должного внимания на нравственное поведение их в семинарии, — отчего, при всех неослабных действованиях со стороны правления, инспектора и учащих, ученики большею частию берут случаи явно отступать от порядка и обязанностей своих по нравственной и учебной части в предположениях и надеждах, по исключении из семинарии по чему бы то ни было, поместиться на место в епархиальном ведомстве, или перейти в гражданскую службу по разным видам своим, и чрез то предупредить в должности тех и лучших учеников, с коими они обучаются в семинарии». В связи с этим семинарское правление предлагает определять к церковнослужительским местам исключенных за безуспешность при плохом поведении учеников лишь через два и более года, вовсе не определять их к священнослужительским должностям. «А желающие поступить в гражданскую службу отсылаемы были в губернское правление собственно для определения в род жизни, предоставленной порочным людям»[83]. Предложение это никак не повлияло на епархиальные и гражданские власти, как и на поведение и успеваемость учеников. На последних не действовали даже телесные наказания, введенные в семинарии в 1821 г. и применявшиеся там до 1823 г. [84] (в училищах телесные наказания были предусмотрены уставом и существовали в течение гораздо более длительного време-

ни). В отчете о ревизии семинарии в 1829 г. отмечалось, что сами родители желали исключения своих сыновей, так как надеялись, что, получив причетническое место, те смогут помогать им; то же самое отмечал ректор семинарии в 1840 г., добавляя, что ученики надеются получить хорошие места, которых прежде было много[85].

Вообще, пермскому духовенству так и не удалось внушить мысль о необходимости образования для священника: некоторые семинаристы отказывались поминать во время службы имя архиепископа Аркадия, объясняя это тем, что «отцы их — причетники»[86], хотя формально их отцы и не могли претендовать на большее, так как не имели достаточного образования. В 1849 г. Аркадий отказал дьячку Дмитрию Сильвестрову в производстве в диаконы, мотивировав это тем, что «есть окончившие учение в семинарии и без места»[87]. Интересно здесь не то, что мест «наконец-то» не хватило, а то, что даже в это время не окончившие семинарии причетники чувствовали себя вправе претендовать на священнослужительские места.

Однако, несмотря на «объективные и субъективные» препятствия, уровень образованности пермского духовенства вырос за рассматриваемый период весьма значительно (см. табл. 1, 2, 3, 4, 5, 6). Наиболее впечатляющим оказался рост числа священников — выпускников семинарии. Для рукоположения во диакона вполне хватало окончания философского класса, а большинство причетников покинуло училищное ведомство после уездного училища. До конца периода продолжают служить и представители старых поколений, вообще избежавшие школьной повинности, но успевшие получить священнослужительские чины в первой трети века. А попадающиеся в конце периода

сведения о причетниках с достаточно высоким уровнем образования (среднее отделение семинарии) свидетельствуют о том, что в епархии действительно появляется дефицит мест, и выпускникам высших классов приходится ждать их освобождения. Выпускников же духовных академий служило на приходах Пермской епархии крайне мало.

В связи с повышением требований к профессиональному уровню духовенства растет и возраст посвящения клириков в стихарь (табл. 7). Выпускники семинарии в большинстве рукополагались во священники, несколько человек назначались после каждого выпуска преподавателями в приходские и уездные духовные училища, один или два человека, изредка — три отправлялись в духовную академию. Из светских высших учебных заведений им были доступны прежде всего медицинские. Впрочем, не всегда это означало выход из сословия. Одним из первых был отправлен из Перми в медико-хирургическую академию выпускник семинарии Михаил Флоровский — его отправка была связана с предполагавшимся открытием в семинарии медицинского класса. Сохранилось его письмо к Иустину от 16 февраля 1806 г.[88], написанное, судя по всему, вскоре после его поступления в академию. В письме он сообщает различные сведения о ректоре академии, но ничего не пишет о своей учебе. В конце письма он просит прислать ему денег, так как он не имеет одежды и книг. На письме есть и резолюция Иустина: «Флоровскому выдать, или паче послать в Петербург двадцать пять рублей при письме с объяснением о прочем, что пишет. А для содержания его в Петербурге посылать к нему диаконское кафедрального собора жалование, которое за ним и числить». В 1809 г. в связи с закрытием в семинарии медицинского клас-

са Михаилу Флоровскому было отказано в получении доходов с зачисленного за ним уже священнического места[89]. Дальнейшая судьба его неизвестна, но вряд ли он вернулся в духовное сословие после нескольких лет учебы в светском учебном заведении.

Поскольку курс семинарии давал лучшую подготовку к занятиям медициной, чем другие училища того времени, гражданские власти охотно принимали семинаристов на вакантные места в медицинские учебные заведения. В 1820 г. для воспитанников семинарий Казанского учебного округа было предоставлено 29 мест в московском отделении медико-хирургической академии. В Пермской семинарии не оказалось соответствующих всем требованиям выпускников, поэтому на два вакантных места в академии были направлены учителя уездного духовного училища Павел Буров и Матвей Серебренников. Во время экзаменов в Пермской гимназии они «оказались довольно сведующими», после чего были отправлены к Пермскому гражданскому губернатору — больше ничего о них неизвестно[90].

Одно из писем члена Пермской духовной консистории, будущего епископа Иннокентия (Коровина) за 1826 г. позволяет предположить, что для того, чтобы добиться отправки в медицинское учебное заведение, необходимо было иметь протекцию среди епархиальных властей. Иннокентий сообщает матери о своем племяннике: «М. учится медицине весьма прилежно. Сказывают, что день и ночь сидит за лекциями. Здесь уже нельзя надеяться на дядюшку»[91].

Несмотря на то, что примеры эти единичны, представление о том, что медицина является наиболее престижным и легким (ниже конкуренция со стороны светских лиц) путем выхода

из сословия, прочно закрепилось в сознании пермского духовенства: после того, как ограничения на выход из сословия были сняты, дети духовенства устремляются именно в эту область, и именно в медицине и биологии их успехи были наиболее значительны[92].

Менее удачной оказалась предпринятая правительством попытка подготовить из семинаристов преподавателей для светской школы. В 1828 г. был учрежден педагогический институт, в котором предполагалось обучать прежде всего семинаристов, окончивших, по крайней мере, среднее отделение. «Правило сие почтено нужным в том предположении, что молодые люди из духовного состояния, руководимые примерами благочестия и получившие под строгим надзором духовных властей твердые начала нравственного и классического обучения, будут способны докончить с успехом образование свое в институте и вступить потом с пользою в важное и почтенное звание учителей»[93]. Письмо это, адресованное епископу Мелетию, доказывает, что министр народного просвещения гр. Ливен был идеалистом: на первом же курсе института (1829 г.) у нескольких студентов были обнаружены венерические заболевания, в том числе — у одного из пермских семинаристов[94]. В связи с этим была проведена ревизия Пермской семинарии, в ходе которой выявилось крайнее неблагополучие по части дисциплины.

Для подготовки преподавателей по естественной истории и сельскому хозяйству выпускники направлялись в Горыгорецкую школу. Поскольку предполагалось, что они останутся в сословии, духовное ведомство оплачивало их учебу[95]. По окончании учебы они должны были шесть лет отработать преподава-

телями в семинарии, после чего стать священниками в лучших сельских приходах, а те, кто по слабости здоровья не мог принять сан, могли перейти в гражданскую службу, но уже после десяти лет работы в семинарии. В 1843 г. в Горыгорецкую школу был отправлен из Перми Василий Пономарев, в 1846 г. он был назначен преподавателем естественной истории и сельского хозяйства в семинарию. Представленная им программа по этим предметам была очень обширна, подробна и максимально приближена к практике (давались конкретные сведения по Пермской губернии)[96], но судьба этих предметов оказалась плачевной.

Медицину в семинариях после «преобразования» 1840 г. преподавали уже врачи-профессионалы, а не специально подготовленные учителя «из духовных». При этом, однако, все врачи, преподававшие в Пермской семинарии с 1845 г. до середины XIX в. (три человека), оказались выходцами из семей духовенства, правда, других епархий[97].

Выпускники семинарии, поступившие в духовную академию, после ее окончания становились преподавателями семинарий. Что касается преподавателей духовных училищ, то ими, как уже было сказано, становились наиболее «успешные» выпускники семинарии, не удостоившиеся, однако, отправки в академию. Поскольку в духовной школе сложилась традиция занятия административных и преподавательских мест черным духовенством, то через несколько лет службы профессор семинарии либо постригался в монахи, либо (чаще) подавал прошение о переводе на приход — он имел право покинуть семинарию после четырех лет преподавания в ней. Чаще всего уходили на приходы преподаватели духовных училищ, и дальнейшая их ка-

рьера была, как правило, вполне благополучна: как лучшие ученики они, согласно законодательству, имели преимущественное право на выбор прихода по своему желанию[98].

Сама по себе преподавательская работа была не слишком заманчива. Из-за нехватки денег школьные уставы предусматривали минимальное количество штатных окладов при значительной преподавательской нагрузке. На жалование преподавателям перворазрядных епархий выделялись следующие суммы (в рублях в год на человека):

	штат 1814 г.	**штат 1820 г.**	**штат 1836 г.**
семинария: профессор	600	750	1125
уездное училище:			
старший учитель	250	450	650
младший учитель	200	400	600
Приходское училище:			
старший учитель	150	300	450
младший учитель	125	260	350

(Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908. С.296, 299, 301, 302).

В этот же период преподаватели светских учебных заведений в губерниях первого разряда (в том числе — Пермской) получали следующее жалование:

	1828 г.	**1804 г.**
учитель гимназии	1875	750
учитель уездного училища	750	300

(Титлинов Б.В. Указ. соч. С.310).

Можно привести для сравнения и еще одну цифру: в 1824 г. служитель Пермского архиерейского дома Егор Ряпа-

сов просил отпустить его на год на оброк, обязуясь сверх суммы своего жалования (23 руб. 50 коп.) внести в течение года 120 рублей. Просьбу свою от объяснял тем, что не мог на жалование прокормить семью[99], значит, сверх суммы оброка он надеялся добыть деньги, достаточные для содержания семьи в течение года. При всей сложности выявления материального положения приходских священников, любое собственное хозяйство, видимо, казалось прибыльным по сравнению с учительским заработком. Помимо жалования преподаватели семинарии могли получать некоторые льготы (казенная квартира, дрова), но постепенно получение их обрастало ограничительными условиями. Полагалась дополнительная плата и за совмещение должностей[100]. В Пермской епархии практиковалось зачисление мест на приходах за учителями[101]. Приглашать на учительские должности монахов было выгодно также и потому, что они не имели семей, а за содержание их в Перми платили монастыри, в которых они числились[102].

Требование поступления в монашество могло быть вызвано желанием духовных властей закрепить за своим ведомством квалифицированных специалистов. Формально преподаватели (как и ученики) принадлежали к училищному ведомству, а не епархиальному, потому занимали в сословии «пограничное» положение. Они получали гражданские чины по Табели о рангах, и у духовных властей могли возникнуть подозрения, что именно здесь сложатся условия, когда выход из сословия станет выгодным для наиболее ценных кадров. В конце концов это и произошло: в 1848 г. Синод издал указ о зачете наставникам духовных училищ при производстве их в гражданские чины в выслугу всего времени преподавания «до увольнения их от обя-

зательства поступить в духовный сан». Таким образом, уход из сословия становился выгодным прежде всего для выпускников академий, которые уже при поступлении в преподаватели семинарии получали по Табели о рангах чин 9 класса[103]. Сроки подачи прошения теперь роли не играли — преподаватель мог уйти в любое время, карьера его не прерывалась. «Академистам» легче было заранее найти место в светских учреждениях. Обязательство поступить в духовный сан, которое заставляли давать поступающих в духовные академии как раз для предотвращения их ухода из сословия, не давало все-таки столь прочных гарантий, как монашество.

Секретным императорским указом от 28 ноября 1799 г. было разрешено постригать вдовцов-священнослужителей, «достойных занимать высшие в монастырях и других местах должности», и учителей духовных училищ «без трехлетнего искушения» — усилия государства по распространению среди монашества «благочестивого и примерного жития»[104] вполне укладываются в общее русло новой политики государства по отношению к духовенству. Преподаватели духовных учебных заведений представлялись в этом отношении наиболее удачным образцом для всеобщего подражания, поскольку они получили хорошее образование. Об условиях пострижения преподавателей можно судить по прошению, которое подал на имя императора иеромонах Далматовского монастыря Геннадий. В 1811 г. у него, тогда еще приходского священника, умерла жена, и он получил от епископа Иустина предложение постричься в монахи. «Получив я таковое Преосвященнейшего приглашение и зная, коль строга быть должна монашеская жизнь, хотя мыслил учинить отзыв от поступления в число братства, но также будучи небе-

зызвестен и о том, что Его Преосвященство против отзывающихся от монашества нередко делает гнев и чрез то подвергает многих неблаговолению своему, а от того и многие приходят в неблагополучие». Он пробыл под искусом 9 месяцев и, якобы, хотел от поступления в монашество отказаться, но Иустин «обещавши многие выгоды, приохотил к оному и постриг во иеромонахи, несмотря на несовершенство лет моих к монашеству». После пострижения Геннадий был назначен комиссаром в семинарию, хотя сам окончил только риторический класс[105]. Более способным преподавателям могли обещать в случае пострижения и быстрое продвижение на недоступные «бельцам» верхи церковной иерархии. Из преподавателей Пермской семинарии первой половины XIX в. епископами стали Иннокентий (Коровин), Иона (Капустин), Палладий (Пьянков).

В то же время, духовные власти удерживали в сословии и тех, кто, казалось бы, никакой ценности для него не представлял. Малообразованные великовозрастные дети духовенства могли назначаться сторожами при консисториях, духовных правлениях, соборах и училищах духовного ведомства: они считались освобожденными от военных разборов. После объявления очередного разбора Синод в 1797 г. издает указ о том, что сторожевские должности при духовных правлениях надлежит «наполнять из малолетних, которые после ревизских сказок не достигли еще и ныне пятнадцатилетнего возраста, да семинаристами, которые поведения порядочного, но к высшим наукам малую оказывают способность»; праздно живущие же пятнадцатилетние подлежали разбору[106]. Таким образом, контингент тех, кто имел право на получение места сторожа, сокращался: даже здесь требовалось получить хотя бы минимальное образование,

но, с другой стороны, законодательно было закреплено освобождение сторожей от разборов. Кроме того, в 1799 г. было разрешено определять на священно- и церковнослужительские места сторожей и приставов «из духовного звания», состоявших при консисториях, духовных правлениях и семинариях, а также их детей, «особенно семинаристов»[107]. Это позволяло сторожам (а тем более — их детям) вновь закрепиться в сословии, поэтому «безуспешные» могли сами просить о назначении на место сторожа[108]. К сторожевской должности могли назначить не желавшего учиться семинариста, видимо, давая ему время подумать о своем поведении[109]. Но епархиальные власти следили за тем, чтобы сторожа получали причетнические места не просто «по выслуге лет». Так, в 1810 г. епископ Иустин определил в сторожа семинарии исправляющего в Перми при архиерейском доме епитимью екатеринбургского пономаря Якова Могильникова, причем ему надлежало «между прочим обучить прочих сторожей чтению и пению и нам ежемесячно об успехах их репортовать». Семинарскому правлению надлежало снабдить сторожей книгами, а пономарю в случае успеха было обещано, что он «определен будет к выгодному месту, где мог бы жениться на сироте и управлял бы домом»[110].

Материальное положение сторожей было не блестяще: в 1806 г. регент архиерейского хора сообщал, что сторож семинарии Федор Коровин мог бы петь в хоре, «но по бедности своей не имеет он порядочной одежды, обуви и даже рубашек»[111].

Гораздо хуже было положение служителей духовных училищ и семинарии, хотя на должности эти также первоначально принимались ученики, исключенные за «неуспешность». Они, в отличие от сторожей, не обладали юридической защитой от раз-

боров, хотя после реформы духовной школы 1818 г. назначение служителем не считалось наказанием или штрафом. Могли назначать в служители и для «отработки» предоставленного прежде казенного содержания[112]. Да и реальное положение служителя в школе было ближе всего к положению «казеннокоштного». Жалования они получали от 7 руб. 50 коп. до 10 руб. 50 коп. на человека за три месяца службы.

В 1830 г. исключенных учеников заменили отставные солдаты, так как бывшие семинаристы были неспособны к тяжелым и требующим профессиональной подготовки работам[113], почему часто спасались бегством с места службы[114].

Если же исключенный ученик не попадал в сторожа или служители, он назначался на причетническое место в приходскую церковь. «Неуспешных» обычно не посвящали в стихарь (богослужебное одеяние, право ношения которого присваивается при посвящении в низшие церковные должности), а лишь «определяли к исправлению должности». За время испытательного срока (обычно — год) они должны были освоить необходимые причетнику практические навыки, после чего отправлялись в архиерейский дом «для испытания в знаниях». Успешно прошедшие экзамен посвящались в стихарь, получали постоянное место в церковном штате и разрешение жениться[115]. Не прошедшие экзамен либо определялись к церкви на второй срок, либо лишались даже временного места[116] (следовательно, и средств к существованию); угроза отдачи в солдаты была равной в обоих случаях. Даже незачисленнный на должность обязан был учиться дома, если хотел поступить в церковный штат[117].

В 1843 г. вышел указ Аркадия о том, что непрошедшие экзамена будут исключаться из духовного сословия и отсылать-

ся гражданским властям «для избрания рода жизни»[118], но и это предупреждение не подействовало, и епископ Екатеринбургский Иона в 1851 г. издает указ о том, что находящиеся при исполнении должности должны обучаться необходимым причетнику предметам у желающих служащих или заштатных клириков за условленную между ними плату (чтобы учитель был более заинтересован в проведении занятий), если же и в этом случае ученик оказывался неподготовленным, его обучали при архиерейском доме, причем платил в этом случае не только ученик, но и весь штат церкви, при которой он исправлял должность, — «за общее нерадение»[119].

Не видевшие возможности сдать когда-нибудь экзамен подавали прошение об исключении из духовного ведомства и переводе их в ведение светских властей. Так, исключенный из Далматовского приходского училища Иван Луканин был «уволен» по собственной просьбе из сословия после двух попыток сдать экзамен, причем вторую он предпринял после того, как прошел дополнительный курс обучения при Далматовском монастыре[120]. Другие и исключения из училища добивались с целью покинуть духовное сословие[121]. Без собственной просьбы исключали из сословия «за дурное поведение»[122].

* * *

В отличие от старых епархий Центральной России, Пермская гораздо меньше страдала от избытка претендентов на места в церковном штате, поэтому государственная политика, направленная на сокращение численности духовного сословия, далеко не во всем соответствовала местным интересам. Особо серьезная ситуация возникла в связи с ростом официального

образовательного ценза для клириков. Требование обязательного окончания полного курса семинарии для рукоположения во священника резко сократило количество кандидатов на священнические места. В августе 1830 г. епископ Мелетий сообщил Синоду, что «в Пермской епархии недостаточно окончивших курс семинарского учения для занятия праздных священнических мест, и что таковых окончивших курс излишних и в ближайших епархиях не оказалось». В октябре того же года Мелетий вновь обратился к Синоду с рапортом о том, что все выпускники семинарии «уже распределены на священнические места, и еще остается праздных священнических мест при церквах Пермской епархии 63, а из диаконов и причетников, обучавшихся в среднем и низшем отделениях семинарии оказалось только 12 человек, кои по летам и поведению могут быть удостоены священнического сана», и просил разрешить в порядке исключения рукополагать «и из необучавшихся в школе диаконов»[123]. Разрешение было дано, но и это проблему не решило. Священников не хватало прежде всего в бедных уездах, разница же в уровне жизни по различным приходам Пермской епархии была весьма значительна. В 1803 г. жена священника Алексея Конева, переведенного за пьянство из Екатеринбурга в с.Кышерское Кунгурской округи, просила об оставлении мужа «в городе Екатеринбурге на каком-нибудь причетническом месте»[124], но ей было отказано. Наиболее печальной славой пользовался Чердынский уезд. В одном из своих писем член Пермской духовной консистории Иннокентий (Коровин) сообщал родственникам, что пока не может найти причетнического места для их исключенного из семинарии сына: «В Чердынь или в Верхотурье вероятно Вы не согласитесь его отпустить. Что же остается?»[125] Таким образом,

избыток мест в епархии был лишь относительный, духовенство предпочитало служить пусть в более низких чинах, но на богатых приходах, чем получить священническое место в бедном.

В декабре 1831 г. уже епископ Аркадий обратился в Синод с подробным рапортом о кадровых проблемах в епархии: «окончивших академический и семинарский курс учения, не произведенных еще в священнослужители, в Пермской епархии нет ни одного человека; учеников, имеющих в 1831 году окончить курс Богословского учения только 30 человек, из коих некоторые поступят в академию и к учительским при низших духовных училищах должностям; исключенных учеников без мест трое; между тем праздных мест в епархии священнических 78, диаконских 66, дьячковских и пономарских по 60; некоторые прихожане просьбами своими настоят о даче им священно- и церковнослужителей и в особенности священников, изъявляя опасение, чтобы слабые из собратий их, без пастырского назидания не были увлечены беглыми раскольническими попами и раскольническими лжеучителями в пагубный раскол, и сверх того некоторые и духовные правления представляют необходимость в наличных священно- и церковнослужителях; по таковым представлениям епархиальное начальство вызывало беспорочных и от роду 30-летних диаконов на священнические праздные места, но они туда, где особенная есть нужда, идти не соглашаются; предместник его, Мелетий, сообщал о количестве праздных священнослужительских мест соседственным епархиальным архиереям — Казанскому, Тобольскому, Вятскому, Вологодскому и Оренбургскому, и просил прислать для замещения оных, буде есть, сколько нибудь безместных, окончивших семинарский курс, но от всех их получил одинаковые уведомления, что в их епархи-

ях таковых учеников нет, и что сами они должны заимствовать их из других епархий». В связи с этим Аркадий просил разрешения на перемещение окончивших семинарский курс из отдаленных епархий[126].

Синод не только дал согласие на это, но и назначил денежное пособие переезжающим: священнику — прогонные на двух лошадей и 200 руб. асс., диакону — прогонные на двух лошадей и 100 руб., причетнику — прогонные на одну лошадь и 50 руб., кроме того, на путевые издержки выдавалось по одному рублю на каждый день пути.

Аркадий обратился к архиереям Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Тульской и Владимирской епархий, но просьбы о переводе поступили также из Киевской, Минской, Псковской, Тверской и Костромской епархий. Официально все места в епархии были заняты только через восемь лет[127]. При этом местному духовенству пришлось основательно потесниться: лучшие места отдавались переселенцам, полностью зависевшим от Аркадия, прежде всего — выходцам из его родной Владимирской епархии, причем далеко не всегда переселенцы превосходили "аборигенов" основательностью своего образования. Местные уроженцы переводились при этом на худшие приходы.

Тем не менее, не слишком привередливые молодые люди всегда могли найти себе место службы. А благодаря антистарообрядческой политике того же Аркадия у них появилась возможность продвинуться по иерархической лестнице вопреки своему недостаточному образованию. Одной из льгот, предоставленной правительством единоверцам (староверам, перешедшим в подчинение Синоду и архиереям официальной церкви, но сохранившим собственные книги и обряды), было назначение

клириков по выбору прихожан, и православные причетники не замедлили воспользоваться этим в своих интересах. Об их вполне отработанной тактике Аркадий писал в 1847 г. епископу Ионе: «опыты показали, что причетники, ненадеющиеся быть диаконами при православных церквах, стараются достигать сана диаконского чрез ходатайство единоверцев, и только достигнуть, а не служить при единоверческих церквах [...]. Причетник, который домогается диаконства, все меры употребит, чтобы на свою сторону привлечь ходатаев, а после знает мзду, как удалиться от них»[128]. Но, при равнодушном отношении к церкви большинства прихожан, насильно загнанных в единоверие, все призывы серьезнее подходить к выбору клириков оставались тщетными. Тем же способом можно было получить и священнический сан.

О сравнительном благополучии пермского духовенства свидетельствует и тот факт, что, когда по стране началось закрытие церквей на малолюдных приходах, Пермской епархии это практически не коснулось. На 1840 г. здесь было 11 упраздненных церквей и 531 действующая, а в 1850 — соответственно 15 и 606. Даже в 1880 г. Пермская епархия занимала пятое место в империи по числу прихожан на одну церковь (в среднем 2777 человек)[129]. Так что, несмотря на дробление доходов при открытии новых церквей, местное духовенство находилось в более выгодном положении, чем клирики центральных епархий.

Не вполне ясно, насколько распространена была в Пермской епархии практика передачи штатных мест на приходах по наследству. Прошений, в которых, как в центральной России, принадлежность места отцу выдвигалась бы в качестве аргумента в пользу передачи его сыну[130], среди изученных архивных материалов не встречается. Вполне возможно, что в связи со срав-

нительной неперегруженностью епархии передача мест по наследству не стала устойчивой традицией, к подобной практике прибегали чаще всего тогда, когда после умершего клирика оставалась дочь-невеста: в таком случае место в церковном штате доставалось ее жениху в качестве «приданого» — но эта форма «наследственности» была связана уже с заботой о судьбе девушки, а не с «безработицей». Многое зависело и от богатства прихода. Так, на Кудымкорском приходе Соликамского уезда за весь период XVIII — первая половина XIX вв. был только один случай передачи священнического места от отца сыну[131], тогда как в Батуринском селе Шадринского уезда сменилось несколько поколений семьи Капустиных[132].

Таким образом, несмотря на то, что Пермская епархия на всем протяжении рассматриваемого периода могла обеспечить местами всех представителей местного духовенства, количество действительно выгодных мест постепенно сокращалось. Неудовлетворенность своим материальным положением могла бы заставить некоторых искать счастья вне сословия, но те варианты, которые предлагало на этот случай правительство, были столь же бесперспективны, что и служба причетником на бедном приходе, к тому же выход из сословия лишал тех социальных гарантий, которые оно давало. Поэтому до снятия ограничений на «избрание рода жизни» решались на столь рискованный шаг немногие, тем более, что местные епархиальные власти не слишком-то стремились к сокращению числа своих подчиненных.

* * *

Параллельное развитие систем светского и духовного образования в начале XIX в. показывает, что правительство,

стремясь к повышению внешнего престижа духовенства, вовсе не было намерено разрушать сословную замкнутость: система организации духовного образования копировала светскую, но не соприкасалась с ней. Духовенство в глазах правительства остается специфической группой чиновников, которых необходимо должным образом подготовить к выполнению их обязанностей. Сословная замкнутость даже усиливается, поскольку государство поддерживает (и даже опережает) Синод в его стремлении не допустить выхода из сословия наиболее квалифицированных кадров. Лицам с более низким уровнем образования и социального происхождения выход из сословия не возбранялся, но ставились ограничения для поступления их в гражданскую службу — для того, чтобы предотвратить конкуренцию с их стороны представителям светских сословий (об этом прямо говорилось в указе, запрещающем принимать детей причетников вольноопределяющимися[133]).

Если образованную элиту «не выпускает» из сословия государство, то для сословия в целом замкнутость является защитной тактикой. Значительная часть сословия находилась вне государственного контроля, так как не была «обязана службой». Изменения в положении этих людей отражают трансформацию не столько официального, сколько реального социального статуса духовенства, а также позволяют оценить степень и быстроту изменения самооценки сословия.

1.3 Внутрисословная система социальной защиты и положение женщин в духовном сословии

То, что духовенство в целях собственной защиты принимает замкнутость, навязанную ему государством, достаточно отчетливо демонстрируют изменения в социальном происхождении жен белого духовенства. В 1803 — 1805 гг. в Ирбитском уезде из 246 жен и вдов клириков из духовного сословия происходили 127 (51,6%), из крестьянства — 77 (31,3%), были дочерями мастеровых — 12 (4,9)%, мещан — 11 (4,5%), купцов — 7 (2,8%), — солдат — 6 (2,4%), ямщиков — 3 (1,2%), канцеляристов — 2 (0,8%), одна была дочерью приказчика (0,4%)[134]. Таким образом, приток женщин из других сословий в духовное в начале века был весьма значителен, их происхождение косвенно указывает и место духовенства в реальной социальной иерархии: абсолютное большинство иносословных пришли из семей государственных крестьян и мастеровых. Но преобладающими были браки внутрисословные, именно они начинают поощряться в это время и епархиальными властями.

Епископ Иоанн предписывал, чтобы «желающие вступить в священно-церковно-служительские чины, вступая в брак, не брали за себя невест, как только из священно-церковно-служительских дочерей и наипаче из остающихся бедных, но честное и непорочное житие препровождающих сирот. Обучавшиеся же в семинарии, с отличным успехом, богословии, — могут брачиться и на сторонах, но не иначе, как только с нашего пастырского

позволения»[134]. Это постановление должно было бы существенно сократить приток женщин из других сословий, но те же самые материалы по Ирбитскому уезду показывают, что молодые причетники продолжали жениться на крестьянках, мало внимания обращая на епископские запреты. Постепенно, однако, преграды межсословным бракам становились все жестче[136]. В 1816 г. из 191 жены служащих клириков Ирбитского уезда из духовного сословия происходили 176 (92,1%)[137].

Особую заботу церковные власти проявляли о сиротах «из духовных»[138]. В 1808 г. выходит «Положение о содержании бедных учеников уездных и приходских училищ и об образе призрения остающихся духовных сирот». Согласно этому документу, преимущественное право при определении на причетнические места имели те исключенные ученики, «которые пожелают взять за себя, из сиротского семейства, оставшегося с одними дочерьми, одну из таковых сестер, с обязательством питать вдову по смерть, а дочерей до их замужества»[139]. На практике женившийся на сироте получал, как правило, место, занимаемое прежде ее отцом. На священническое и диаконское место, естественно, и в этом случае могли претендовать только выпускники старших классов семинарии[139], так что большинство «пристраиваемых» таким образом сирот происходило из причетнических семей: «философы» и «богословы» получали места и без таких ухищрений. Однако при растущем общем уровне образованности и росте числа претендентов на причетнические места, для многих такой выход мог считаться удачей. Об этом свидетельствует, например, прошение Николая Третьякова о вступлении в брак «с которою-нибудь из двух дочерей» вдовы Натальи Правдухиной с тем, чтобы получить пономарское место: види-

мо, так нетерпелось вступить в должность, что на сравнение личных достоинств невест времени не оставалось. «Посчастливилось» Дарье Правдухиной — и на ее свадьбу попечительство о бедных духовного звания выдало в 1842 г. 70 рублей [141].

Иногда провинившиеся клирики сохраняли свои места до тех пор, пока на найдут женихов своим дочерям, хотя в иной ситуации они должны были бы подвергнуться отсылке в труды на длительный срок или запрещению в служении[142]. Характерна в этом отношении и такая резолюция Аркадия: «Хорошо бы, если бы кто из окончивших курс семинарского учения согласился взять за себя дочь священника Пантуева Анну и поступить на его место во священника, сему вдовому священнику лучше бы жить в монастыре»[143]. За невыдачу дочери замуж могли и оштрафовать: священника Якова Протопопова приговорили к положению 2000 земных поклонов «за невыдачу дочерей своих, имеющих возраст выше 20-ти лет в замужество»[144].

Забота о судьбе девушек из бедных семей и сирот проявлялась также в стремлении властей дать им образование и привить навыки ведения хозяйства, что должно было увеличить их шансы выйти замуж. Первое училище «для девиц духовного звания» было учреждено в Царском Селе в 1843 г. под попечительством великой княжны Ольги Николаевны. Обучение было 6-летним, программа включала в себя грамматику, арифметику, историю и географию, Закон Божий и церковное пение, а также рукоделие и домашнее хозяйство. Штат училища состоял из 60 воспитанниц и 60 пансионерок, содержалось оно за счет средств духовного ведомства[145]. В 1853 г. было открыто Казанское училище для духовных девиц на средства, завещанные гр. А.Г.Орловой-Чесменской различным монастырям, которые к середине

века оказались упраздненными. Таким образом, и в этой сфере правительство не несло никаких расходов, несмотря на всю свою озабоченность повышением авторитета духовенства. Программа Казанского училища была заимствована у Царскосельского, причем в указе Николая I об учреждении училища в Казани специально подчеркивалось, что оно должно «готовить девиц для светской жизни, а не для затворнической». В штат училища входили 60 пансионерок из Казанской, Пермской, Вятской епархий[146].

4 сентября 1838 г. было открыто женское училище при Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре, однако устав его был утвержден лишь в 1848 г. Согласно этому уставу, в училище принимались девочки всех сословий. Оплачивали их содержание в училище монастырь, попечительство о бедных духовного звания или родители. Исходя из этого, можно сделать вывод, что устроители ориентировались прежде всего на духовное сословие: только его представителям могло выдать деньги попечительство и предпочел бы выдать монастырь. Программа обучения была весьма ограниченной: письму обучали «по желанию», вопрос о преподавании «начал арифметики» зависел от решения самого учителя[147]. Зато монахини должны были обучать воспитанниц рукоделию и домоводству, что для большинства девочек было актуальнее «чтения гражданской и церковной печати». Попечительство специально обращалось в 1848 г. ко вдовам, предлагая отдавать дочерей в училище, поскольку сироты принимались на казенное содержание[148], для служащего же духовенства плата за содержание дочерей в монастыре была слишком велика - деньги требовались для обучения сыновей.

Вообще, несмотря на предписание Синода «обучать не только сыновей, в домах остающихся, но и дочерей грамоте»

(1800 г.)[149], уровень образования дочерей духовенства оставался очень низким. В Екатеринбургском уезде в 1806г. неграмотность среди девочек старше 10 лет и девушек составляла 84,9% (90 из 106 человек)[150], а в 1844 г. — 71,9% (92 из 128) [151] в Шадринском уезде в 1808 г. — 92,9% (105 из 113) [152], в 1833 г. — 86,1% (105 из 122)[153], в Верхотурском уезде в 1806 г. — 90,9% (110 из 121)[154], в 1844 г. — 78,9% (75 из 95)[155], в Ирбитском уезде в 1803 г. — 94,8 (183 из 193)[156], в 1847 г. — 72% (95 из 132)[157], в Камышловском уезде в 1807 г. — 99,2% (128 из 129)[158], в 1824 г. — 74,4% (116 из 156) [159] — к сожалению, подробных сведений по этому уезду за более поздние годы нет. Таким образом, рост грамотности среди девушек духовного сословия хотя и происходил, но очень медленно. Эти цифры несколько корректируют впечатление, которое складывается при изучении изменения образовательного уровня самого духовенства - там сравнительно быстрый рост объяснялся принуждением со стороны властей, желанием получить более высокую должность; там же, где эти стимулы отсутствовали, в образовании по-прежнему не видели необходимости[160].

Некоторым стимулом к получению образования женщинами могла быть возможность выхода из сословия, которому церковные власти, казалось бы, не должны были препятствовать: это помогло бы освободить сословие от «излишков». Действительно, никаких формальных препятствий для выхода замуж за иносословных не существовало, но брак был, кажется, единственным способом добровольного выхода из сословия для женщин. Опека, которую оказывали власти женщине в остальных случаях, показывает уже не столько осознанную политику по замыканию сословия, сколько выработавшийся на ее основе инстинктивный

страх перед внешним миром. В 1856 г. епископ Иона отказал в выдаче паспортов «для занятия у чужих людей» дочерям умершего священника Ивана Дерябина с такой резолюцией на их прошении: «Священническим дочерям девицам искать работы и пропитания на чужой стороне у людей всякого поведения, без надзора Духовного и своего Начальства, жалко, неприлично и предосудительно: поэтому поискать для них в здешнем и Шадринском уездах просфорнических мест»[161]. Подобное чересчур заботливое отношение должно было препятствовать и заключению браков с иносословными.

В архивных делах отразились в основном случаи нарушений обычного хода семейной жизни, поэтому по ним трудно судить о нормах семейных отношений у духовенства, но уже само внимание к «криминалу» свидетельствует о том, что власти стремились урегулировать и эту сферу жизни. В 1832 г. Аркадий вообще запретил жениться тем, кто был плохо подготовлен к службе в церковном штате. Он объяснял свое решение тем, что после прошедшего только что разбора многие женатые причетники (точнее - исправлявшие причетническую должность) были записаны в солдаты «потому, что не были исправны в чтении и пении», на будущее же время епархиальные власти хотели избежать «отягощения от несчастных семейств, кои остаются после неисправных причетников». Дети отданного в солдаты по разбору оставались в составе сословия[162].

Семейные ссоры также могли вызвать вмешательство духовных властей: священник Александр Протопопов был запрещен в служении помимо прочего и за «непослушание Благочинному, родителю своему и обиду жене своей»[163], диакон Григорий Голубчиков был отдан под суд за «жестокое обхождение

со своими домашними»[164]. Диакон Лев Тюшев из Баженовской слободы Ирбитского уезда в 1813 г. «за пьянство, буйство, картежную игру и битие отца своего с запрещением был в Архиерейском доме в трудах». К 1816г. Лев сошел с ума, и служить на его место был поставлен его отец, заштатный диакон Никифор Тюшев. Хотя отец был отправлен заштат «по слабости здоровья», теперь он был вынужден содержать две семьи[165]. Пьющим клирикам жалование на руки не выдавали, а отсылали в духовное правление «дабы оно по требованию жены выдавало деньги на самонужнейшие надобности»[166].

В конце XVIII в. в Соликамском духовном правлении началось дело по жалобе пономарского сына Григория Демина на своего брата — священника Ивана. Слепой от рождения Григорий значился по документам живущим с отцом, но состарившемуся пономарю все труднее было его содержать. Тогда Иван забрал брата к себе, женил его, но затем неожиданно отказал от дома. Священник же объяснял, что не может содержать брата с женой, так как у него самого большая семья, и добавлял при этом: «как он есть сварливой, буду всевозможные меры прилагать о высылке его в свое жительство» (т.е. к отцу). Занимавшаяся разбором жалобы Вятская духовная консистория пришла к такому решению: «Если бы он к содержанию брата своего не имел достатка, то бы он священник и от женитьбы брата своего удержал, а как он сего не соблюл, то и обязан он [...] при старости и недостатке своего отца содержать реченого брата своего Григория яко от рождения слепого на своем пропитании [...] Просителю Григорию Демину [...] если он желает быть при доме брата своего священника Иоанна на пропитании ево, то б как он так и жена ево священнику Иоанну были во всем послушны и

никаких бы грубых поступков, противоречий и огорчений отнюдь ему не чинили»[167].

Разумеется, решающим образом сказывалась на судьбе женщины смерть мужа. Семья сразу же лишалась источников существования, причем серьезность положения всегда признавалась властями: дьячку Ивану Суворову простили даже самовольный уход из монастыря, где он отбывал наказание, так как он заявил, что ушел к семье, которая оставалась «без всякого призрения»[168]; что же говорить о тех случаях, когда потеря кормильца не была временной. Вдова либо оставалась в том селе, где прежде служил ее муж, либо переезжала на постоянное жительство к тем родственникам, которые могли ее содержать. Власти весьма настойчиво «побуждали» родственников к обеспечению «сиротствующих»: пономарю Моисею Попову было разрешено жениться, так как он обязался выдать замуж свою сестру Агриппину, «если сыщется жених», с выделением ей 100руб.асс.[169] «Сиротствующим» разрешалось переезжать и к иносословным родственникам, при этом они оставались в духовном сословии, имели право на льготы[170]. Сенатским указом от 27 февраля 1808 г. разрешалось также отправлять «на пропитание» к родственникам исключенных из духовного звания за пороки, но негодных к военной службе и заводским работам. Если же родственники отказывались содержать такого исключенного, «тогда предоставить распоряжению гражданского губернатора, для определения таковым неспособным из подведомственных Приказу Общественного Призрения мест, пристанища и пропитания посильными их трудами»[171]. Если вдова оставалась на прежнем месте жительства, она сохраняла права на собственность своего мужа. Если оставшееся имущество оце-

нивалось достаточно высоко, то над «имением» устанавливалась опека, но в любом случае распоряжение собственностью было затруднено и требовало специального разрешения властей[172]. В то же время власти стремились внушить уважительное и ответственное отношение к должности опекуна. При назначении на эту должность опекуны приводились к присяге, они должны были давать ежегодные отчеты о вверенном им имуществе; сведения о несении опекунских обязанностей заносились в формулярные списки как отличие[173].

Единственная оплачиваемая работа, которую могли предоставить вдове — печение просфор. В упомянутом «Положении о содержании бедных учеников» предлагалось «вдов бездетных и оставшихся с малолетними или увечными дочерями определять на места просвирнические»[174], а в 1839 г. женщинам из других сословий было вовсе запрещено занимать эти места[175], поэтому теперь при отсутствии при какой-либо церкви подходящих кандидатур на место просфорни нуждавшаяся в пособии женщина из «духовных» могла переехать к этой церкви из другого места[176]. Вообще же передвижение «сиротствующих» было значительно затруднено, поскольку церковные власти ни в коем случае не выпускали их из-под своей опеки[177]. Особо строго следили как раз за просвирнями, поскольку они входили в церковный штат. Так, в 1845 г. была «удалена от должности» просвирня Варвара Иваницких из Талицкого завода (Камышловский уезд) за «остановку в Богослужении непечением просфор по причине пьянства», причем Консистория предупредила ее, что «если не исправит своего поведения будет исключена из духовного звания»[178]. Видимо, для предотвращения подобных случа-

ев, просвирня могла быть утверждена в должности не сразу, а после проверки[179].

Вдовы и престарелые могли просить для себя и своих незамужних дочерей пособия от попечительства о бедных духовного звания. Разработанный митрополитом Филаретом (Дроздовым) проект Положения об епархиальных попечительствах был высочайше утвержден в 1823 г. Синод отпустил в фонд попечительств 150 тыс. руб., объявлен был сбор пожертвований[180]. Согласно Положению, попечительство определяло размеры каждого пособия с учетом местных цен и своих собственных ресурсов. Священнослужители и их семьи получали пособие большее, нежели причетники. Перед назначением пособия сотрудник попечительства должен был собрать сведения о материальном положении просящего пособия и о его родственниках, которые могли бы его содержать. Тем просителям, которые могли зарабатывать на жизнь своим трудом, выдавалось единовременное пособие для приобретения необходимых инструментов и материалов, выходящим замуж сиротам — в качестве приданого. Тем, кто не мог работать, назначалось ежегодное пособие, но каждый год списки призреваемых проверялись, сведения о них собирались заново, и те, чье положение изменилось к лучшему, из списков исключались[181].

Капитал попечительства составлялся из пожертвований, специальных кружечных сборов и денежных штрафов с духовенства. Рассчитывать на пособие могли лишь очень немногие, а размеры пособий были мизерными. В 1834 г. в Ирбитском уезде получали пособие 9 семей, причем на каждого члена семьи приходилось от 20 до 60 рублей в год [182].

Нарушение предписанных норм поведения могло лишить «сиротствующих» положенных им льгот (так, попечительство отказало в пособии престарелым мужу и жене Плотниковым из Красноярской слободы потому, что они «в поведении не рекомендуются, долг Христианской исповеди и Причащения Святым Христовым Тайнам оставляют по лености»[183]). Крайней мерой наказания было исключение из сословия: дьячковская вдова Александра Попова была исключена «как опорочившая свое поведение беременностью»[184].

Необычной льготой, предоставленной только вдовам духовенства, было разрешение на торговлю[185].

Смерть жены также серьезно влияла на служебное положение мужа. Дьячкам и пономарям разрешено вступать в повторные браки, хотя действия второбрачных во время церковной службы значительно ограничиваются, а на вступивших в третий брак накладывается епитимья. Священнослужителям вторые браки запрещены безусловно. На вдовцов, независимо от их поведения, сразу же начинали обращать особое внимание, статус их становился несколько «неполноценным». Уже на рапорте о смерти жены священника Симона Протопопова стояла резолюция архиерея: «Рассмотреть, надежен ли сей священник для данного прихода»[186].

Часто вдовцов принуждали к переселению в монастырь, хотя, естественно, о пострижении в таких случаях речи не было: невольные насельники репутацию монастыря, как правило, не улучшали[187]. Возможно, именно поэтому епископ Екатеринбургский Анатолий, подбирая людей в братство архиерейского дома, не захотел обращаться к монастырям. Комизм ситуации заключался в том, что, не желая связываться с монастырями, жизнь ко-

торых постоянно осложнялась различными «эксцессами», Анатолий вновь стал просить постричься вдовцов: «Перебрал я здешних вдовцов, из которых есть хорошие и способные люди напр.: Священник Николай что в тюремном замке, старый дьячок Екатерининского собора... что ж? не хотят»[188]. От монастыря вдовцы пытались избавиться, приводя различные хозяйственные резоны, ссылаясь на необходимость устроить судьбу своих детей[189].

С другой стороны, некоторые вдовцы сами изъявляли желание постричься в монахи, дабы избежать возросшего контроля за их жизнью или избавиться от хозяйственных проблем. К таким просьбам и епархиальные власти относились настороженно, опасаясь, что проситель скоро «одумается» и заберет свою просьбу обратно. Епископ Иустин, выражая согласие на прием в монастырь пономаря Ивана Кобелева, предупреждал его, что если он изменит свое решение и не захочет быть монахом, то будет направлен причетником в пресловутый Чердынский уезд. Малолетнюю дочь Кобелева соглашался взять к себе священник Смолинской слободы Екатеринбургского уезда Федор Киселев[190]. Вдовцам, которые сами желали постричься в монахи, предоставляли некоторые льготы при пострижении[191], но большинство стремилось любой ценой удержаться на приходе. Иногда вдовцы подавали в Синод просьбы о снятии с них сана[192] для того, чтобы быть определенными на причетническое место и жениться вторично.

* * *

Создание системы специального образования ускоряет процесс расслоения духовного сословия. Как правило, пройти

полный курс обучения в семинарии удавалось детям наиболее обеспеченных отцов (священнослужителей), так что и они в первую очередь получали священнослужительские места. Таким образом, наследственность духовных званий проникает и в те районы, где не успела сложиться наследственность мест при церквах. Уже на внутрисословном уровне начинают замыкаться отдельные группы. В то же время духовная школа, которая должна была не только обеспечивать профессиональную подготовку будущих клириков, но и регулировать их численность, вторую свою функцию выполняла лишь относительно. В Пермской епархии, где до 30-х гг. XIX в. имелось большое количество незанятых священнослужительских мест, духовенство стремилось ограничить образование своих сыновей минимумом и даже в более поздние времена считало себя вправе претендовать на повышение, несмотря на недостаток образования. Правительственный запрет принимать церковнослужителей и их детей на гражданскую службу привел к тому, что отток из сословия лиц с низким уровнем образования был меньше необходимого. Сохранению их в составе духовного сословия способствует также достаточно развитая система внутрисословной социальной защиты. «Перегруженность» сословия заставляет церковные власти брать под контроль все больше сфер жизни духовенства, дабы обеспечить заданный ритм существования системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Ростиславов Д.И. Указ. соч. С.93.

[2]Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С.429.

[3]Прежде и теперь. Духовенство и благочинные. Оренбург, 1909. С.1–2. См. также: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.107. Л.85об.–86.

[4]Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителя. М., 1993. Т.2. С.1408.

[5]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.7.

[6]РГИА. Ф.796. Оп.122. Д.857. Оп.124. Д.1383. См. также: Оп.119. Д.90, 977. Оп.121, Д.261, 1253, 1787. Оп.122. Д.4, 188.

[7]Розанов. А.И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб., 1882. С.187.

[8]Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I. СПб., 1902. С.151.

[9]ПСП(Н). С.772–776.

[10]Материалы для истории церквей города Екатеринбурга//ЕЕВ, 1901. С.385–386. См. также: РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.867. Л.105–106 об.

[11]РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.894. Л.61.

[12]ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.417. Л.208–220. ГАСО. Ф.75. Оп.1. Д.24. Л.1–4об.

[13]Материалы для истории православной церкви... С.420.

[14]ПСП(Н). С.592.

[15]Там же. С.116, 222.

[16]Знаменский П.В. Приходское... С.667. РГИА. Ф.796. Оп.107. Д.487. Оп.119. Д.1433.Оп.121. Д.48. Оп.124. Д.300.

[17]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.49. Л.386. Д.64. Л.117. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.63.

[18]РГИА. Ф.796. Оп.81. Д.7. Л.10 об.–11. Лаврентий Береговский, переведенный-таки в Пермь, дослужился здесь до секретаря консистории.

[19]К биографии преосвященного Иннокентия (Коровина)//ПЕВ, 1871. С.602.

[20]РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.895. Л.1 об.–2.

[21]Доброклонский А. Указ. соч. С.155–156.

[22]Доклад Комитета о усовершенствовании Духовных Училищ. СПб, 1809 С.45–50.

[23]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.28–29, 185.

[24]Лаговский И.Е. Указ.соч.//ПЕВ, 1874. С.166 (из отношения обер-прокурора).

[25]Там же. С.168–169. Новая программа встретила самое горячее сопротивление среди высших духовных иерархов. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) считал, что духовенство лишь понизит собственный профессиональный уровень, но не заменит ни настоящих врачей, ни агрономов (Титлинов Б.В. Указ. соч. С.84–85). Для противодействия Филарету обер-

прокурор гр.Протасов вызвал в Петербург ректора Вятской семинарии архимандрита Никодима (Казанцева), но тот «увидел, что его хотят сделать орудием уничтожения и расстройства нашей ученой части. Возражал против введения в семинарии медицины и сельского хозяйства и представлял, что разместясь между ныне существующими науками, из коих ни одной нет бесполезной, оне стеснят их и сократят, от чего произойдет потеря, а не приобретение». Никодим «долго препирался, защищая философию»: она развивает мышление, «самое откровение делается сознательным и твердым после правильного разумения истин натуры» (Чистович М.А. Указ. соч. С.322).

Уже в 1859 г. Казанское академическое правление выражало сожаление, что присылаемые для поступления семинаристы (в том числе из Перми) совершенно не знают философию, а потому не умеют рассуждать об отвлеченных предметах (Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1875. С.274.).

[26]ПСП(П). С.581–582.

[27]ПСП(Н). С.269, 634; Знаменский П.В. Приходское... С.323–324, 333–334.

[28]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.254.

[29]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.215. Л.14.

[30]Там же. Д.159. Л.185–186.

[31]ПСП(Н). С.398–390, 423.

[32]Там же. С.116.

[33]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.119. Л.179–180.

[34]Рункевич С.Г. Указ. соч. С.139.

[35]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.9, 11.

[36]РГИА. Ф.796. Оп.82. Д.947. Л.18–31. Необходимо отметить, что разделение на классы в дореформенной семинарии не соответствовало тому, которое будет установлено в 1808 г., когда низшие классы будут преобразованы в приходские и уездные училища.

[37]Шишонко В.Н. Материалы для описания... С.34.

[38]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1870. С.57.

[39]Первоначальная история бывшего Далматовского духовного училища//ЕЕВ, 1888. С.856–861.

[40]Там же. С.861; Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1870. С.57.

[41]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1870. С.58.

[42]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.96–97.

[43]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1870. С.121.

[44]Там же//ПЕВ, 1871. С.371–377.

[45]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.158, 235; Д.52. Л.225–226 об.; Д.86. Л.209–212об.

[46]Там же. Д.34. Л.249об.

[47]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1875. С.177–178. См. также: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.71. Л.13. Д.75. Л.16.

[48]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.64. Л.75–77. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Л.15. — сообщение о бегстве ученика уездного училища. Ф.251. Оп.1. Д.14. Л.76, 95–95об. Д.24. Л.75. Д.52. Л.173 (два ученика семинарии не являются в течение года); Д.58. Л.5–5об. Д.67. Л.115–118об. Д.86. Л.278–278об. Д.98. Л.3.

[49]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.67. Л.208–210.

[50]Там же. Д.14. Л.103.

[51]Там же. Д.52. Л.125–125об.

[52]Там же. Л.75–75об.

[53]Там же. Д.58. Л.384об.

[54]Там же. Д.67. Л.116об.–117об.

[55]Там же. Д.58. Л.7.

[56]Там же. Д.14. Л.99, 164–164об., 177, 205, 292, 235.

[57]Там же. Д.102. Л.180–181об.

[58]Лаговский И.Е.Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.100–101.

[59]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.33.

[60]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.67. Л.218–218об.; Д.102. Л.230–230об. (в данном случае причиной стала не бедность, а то, что проситель был одним из протеже архиепископа Аркадия); Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.168, 215–215об.; ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.40. Л.10.

[61]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.92.

[62]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.296. ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.25. Л.201об.

[63]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.307–309. Д.67. Л.122–123. РГИА. Ф.796. Оп.110. Д.423.

[64]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.356.

[65]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.268.

[66]Там же//ПЕВ, 1877. С.294. См. также: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.14. Л.69–69об. Д.24. Л.45.

[67]Там же. Д.52. Л.229–230. Д.71. Л.22–22 об.

[68]Там же. Д.14. Л.77–78.

[69]Там же. Л.170–170об.

[70]Там же. Л.120–121.

[71]Там же. Д.112. Л.146–146об.

[72]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1877. С.463.

[73]Из Чердыни//ПЕВ, 1878. С.138.

[74]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.48. Л.27–27об.

[75]Протоиерей Михаил Никитич Кузовников//ПЕВ, 1882. С.344.

[76]Из Чердыни//ПЕВ, 1878. С.138.

[77]Об иерархах Пермской епархии с 1800 до 1860 года. СПб, 1861. С.26.

[78]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1875. С.129–135.

[79]Там же. С.145, 148.

[80]Там же. С.145.

[81]Там же. С.128–129, 157. Дьяконов К.П. Указ. соч. С.258.

[82]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1874. С.283.

[83]Там же.//ПЕВ, 1872. С.194–196.

[84]Там же. С.87, 93.

[85]Там же. С.81. ПЕВ, 1875. С.178.

[86]ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.417. Л.216.

[87]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.112. Л.72 об.

[88]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.32. Л.286–287об.

[89]Там же. Д.51. Л.92.

[90]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1871. С.78–79.

[91]К биографии преосвященного Иннокентия (Коровина)//ПЕВ, 1872. С.61.

[92]См., например: Архивный фонд краеведческого отдела Пермской областной библиотеки им А.М. Горького. Ф.6. Оп.2. Д.6. «Материалы для биобиблиографического словаря выдающихся уроженцев Среднего Урала и деятелей последнего, составленного И.Г.Остроумовым».

[93]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.78. Еще Комитет о усовершенствовании Духовных училищ указывал на то, что студенты медицинских и педагогических учебных заведений получают первоначальное образование по преимуществу в духовной школе. От этой практики Комитет не собирался отказываться и в дальнейшем. См.: Доклад Комитета о усовершенствовании Духовных училищ. С.3, 15.

[94]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.79. См. также: Титлинов Б.В. Указ. соч. С.270. Кроме пермского «отличились» ученики тамбовской, тульской, воронежской, курской и пензенской семинарий.

[95]Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.2. М.-Л., 1958. С.236.

[96]Лаговский И.Е. Указ соч.//ПЕВ, 1874. С.197, 465–467, 469–472.

[97]Там же//ПЕВ, 1875. С.362–364.

[98]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.70, 259.

[99]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.134. Л.145.

[100]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.316–320.

[101]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.435.

[102]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1870. С.57, 119. Титлинов Б.В. Указ. соч. С.316.

[103]ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.25. Л.238 об. Оп.1. Д.417. Л.71.

[104]ПСП(П). С.490.

[105]РГИА. Ф.796. Оп.99. Д.841. Л.1-3. Геннадий был уволен из семинарии «по происках» других монахов и отправлен в Далматов преподавателем грамматического класса. Попал под суд «яко опорочивший состояние свое зазорной жизнью» и был лишен сана. (Там же. Л.26-26 об.).

[106]ПСП (П). С.66. См. также: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.473. Л.7об.

[107]ПСП(П). С.373-374.

[108]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.70. Л.112.

[109]ТПУАК, вып.5. С.106. — Резолюция Иустина на прошении семинариста.

[110]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.58. Л.260.

[111]Там же. Д.32. Л.76.

[112]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.190.

[113]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.270.

[114]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.190. Д.95. Л.2-2 об. Д.101. Л.6.

[115]Там же. Д.72. Л.105, 176. Д.102. Л.174-175 об.

[116]Там же. Д.7. Л.239.

[117]Там же. Д.72. Л.187.

[118]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.67-67 об.

[119]Там же. Л.190-190 об.

[120]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.98. Л.48. Д.102. Л.15-15 об., 228-229. См. также: Д.67. Л.32-32 об. Д.119. Л.91-92. Ф.6. Оп.2. Д.491. ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.32. Л.33. РГИА. Ф.796. ОП,107. Д.804. Л.15 об.

[121]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1872. С.88-92.

[122]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.480А. Л.6.

[123]ПСП(Н). С.463, 473-475. См. также: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.460. РГИА. Ф.796. Оп.111. Д.254. С 1826 г. было приказано из семинаристов рукополагать во священники только окончивших полный курс обучения. ПСП(Н). С.71.

[124]Материалы для истории церквей города Екатеринбурга//ЕЕВ, 1902. С.805-806.

[125]К биографии преосвященного Иннокентия (Коровина)//ПЕВ, 1871. С.598.

[126]ПСП(Н). С.625-629: Указ от 29 июня 1832 г.

[127]Об иерархах... С.65-66.

[128]К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде//ЕЕВ, 1908. С.153-154. См. также: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.504. Л.1. — Назначение единоверческим диаконом православного причетника; РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.838. Л.9 об., 10.

[129]Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. СПб., 1897. С.23, 25 (Основные данные взяты автором из ежегодных отчетов обер-прокуроров Синода).

[130]Рункевич С.Г. Указ. соч. С.139.

[131]Опыт описания некоторых пермяцких приходов Соликамского уезда. Пермь, 1896. С.8-9.

[132]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.4-11.

[133]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.159. Л.185.

[134]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.420, 421. См. также: Злобина И.В., Пихоя Р.Г. Семья на Урале в XVIII — первой половине XIX вв.//Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С.140.

[135]Шишонко В.Н. Материалы для описания... С.35.

[136]Наказания за вступление в брак с иносословными: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.58. Л.159. ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.58. Л.52. Разрешение на вступление в межсословный брак: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.14. Л.23.

[137]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.435.

[138]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.52. Л.268-268 об. Д.72. Л.63.

[139]Чистович И.А. Указ. соч. С.41.

[140]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.52. Л.264.

[141]Там же. Д.58. Л.373. Д.67. Л.81. См. также: Д.67. Л.26-27 об.

[142]Там же. Д.34. Л.102-102об. ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.49. Л.325.

[143]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.100.

[144]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.474. Л.192.

[145]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.221. Л.223-224 об.

[146]Казанское училище духовных девиц//ПЕВ, 1873. С.117-118.

[147]Шишонко В.Н. Материалы для описания... С.192.

[148]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.110. Л.24-25.

[149]ПСП (П). С.547.

[150]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.423.

[151]. Там же. Д.490.

[152]Там же. Д.430.

[153]Там же. Д.467.

[154]Там же. Д.424.

[155]Там же. Д.492.

[156]Там же. Д.420.

[157]Там же. 506.

[158]Там же. Д.428.

[159]Там же. Д.448.

[160]Безграмотность большинства женщин вызывала у духовных властей несколько конфузливое отношение: по поводу прошения вдовы-попадьи, написанного за нее крестьянином, последовало предложение, чтобы просьбы за безграмотных писали духовные лица — так, дескать, будет убедительнее (ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.162).

[161]Материалы для истории Екатеринбургской епархии. С.60.

[162]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.58-58об. Д.10. Л.31. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.829об.

[163]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.28. Л.4-4 об.

[164]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.474. Л.194. См. также: Д.467. Л.24, 25. РГИА. Ф.796. Оп.116. Д.186.

[165]ГАСО. Д.435.

[166]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.70. Л.47. См. также: Д.22. Л.65об.

[167]Шестаков Я. Указатель дел архива Пермской духовной Консистории. Дела Соликамского духовного правления//ТПУАК. Вып.3. Пермь, 1897. С.83-84.

[168]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.315-316 об. См. также: Из Чердыни// ПЕВ, 1878. С.138. Корреспонденция из благочиния//ПЕВ, 1880. С.133, Несколько слов о пенсии причетникам//ЕЕВ, 1887. С.120-122.

[169]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.8-8 об.

[170]Там же. Д.102. Л.127-127об. Ф.6. Оп.2. Д.470. Л.139об.

[171]ПСП (Н). С.30-31.

[172]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.61-62. Д.52. Л.260-260об. Д.67. Л.167-169об. Д.72. Л.30-30об., 56-57. Д.86. Л.8, 197-197об.

[173]Там же. Д.24. Л.153-154. Д.102. Л.304.

[174]Чистович И.А. Указ. соч. С.41.

[175]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.52. Л.178об. См. также: Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.90-90об.

[176]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.52. Л.313.

[177]Там же. Д.52. Л.148-150, 315-315об. Д.58. Л.94-95.

[178]Там же. Д.86. Л.91-91об.

[179]Материалы для истории Екатеринбургской епархии. С.35-36.

[180]Рункевич С.Г. Указ. соч. С.78.

[181]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.3. Л.1-1об. Несколько лучше было положение светских лиц в духовном ведомстве: преподавателям духовной школы и их семьям были назначены в 1828 г. государственные пенсии (не менее 100 руб., но не более одного оклада в месяц). ПСП(Н). С.286-287.

[182]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.470.

[183]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.60-60об.

[184]Там же. Д.72. Л.199-199 об. Д.86. Л.110, 264. См. также: Д.52. Л.157-157об.

[185]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.274-274об.

[186]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.58. Л.214-215. См. также: Д.67. Л.225. РГИА. Ф.796. Оп.110. Д.468.

[187]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.70. Л.158. Д.135. Л.83. ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.14. Л.10-10об. Д.58. Л.304. Д.112. Л.113-113об.

[188]РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.838. Л.26.

[189]ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.25. Л.125-125об. ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.10. Л.28-28об. Материалы для истории екатеринбургской епархии. С.56.

[190]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.22. Л.192. См. также: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.72. Л.127. Д.86. Л.298об. Д.102. Л.144-144об. Д.109. Л.16.

[191]ПСП(П). С.490.

[192]РГИА. Ф.796. Оп.99. Д.236, 950. Оп.102. Д.1086. Оп.118. Д.8. Оп.124. Д.450, 1236.

ГЛАВА 2

ДУХОВЕНСТВО И ПРИХОДСКАЯ ОБЩИНА

2.1 Духовенство и приходская община как хозяйственная единица

Логика взаимоотношений между государством и духовным сословием требовала втягивания духовенства в материальную, финансовую зависимость от государственного аппарата для полного уподобления духовенства чиновничеству. Но, с другой стороны, правительство никогда не было склонно особенно тратиться на эту сферу. Попытки перевода духовенства на жалование, получаемое от казны, затрагивали лишь отдельные категории внутри сословия. Наиболее серьезные мероприятия были проведены в этой области в 1842 — 1843 гг., но и тогда полностью перевести на жалование духовенство хотя бы государственной деревни не удалось[1]. В Пермской епархии, где большинство прихожан составляли как раз государственные крестьяне, реформа серьезно повлияла лишь на положение клириков, служащих в церквях при государственных горных заводах. Здесь были увеличены оклады протоиереям до 210 руб., иереям — 180 руб., диаконам — 90 руб., причетникам — 48 руб., просвирням — 24 руб. серебром в год. Священнослужители имели право на наделение помещением, дровами и покосами «противу горных чинов»[2]. Такое положение

считалось выгодным[3], несмотря на то, что получавшие жалование от казны не имели права получать деньги за требоисправление. Впрочем, законодательно установленная плата за требы была настолько мала, что не могла играть существенной роли в бюджете клириков. С 1765 г. такса была такова: за молитву родильнице — 2 коп., крещение — 3 коп., свадьбу — 10 коп., погребение младенца — 3 коп., взрослого — 10 коп. Запрещалось брать деньги за исповедь и причастие. За остальные требы заказчики платили по желанию, могли добавить любую сумму сверх таксы за основные требы — но только добровольно. В 1801 г. такса была удвоена[4]. Выплата жалования могла быть условием безвозмездного требоисправления и на частных заводах[5].

Перевод духовенства на государственное жалование решил бы и проблему материальной зависимости клириков от своих прихожан. Неприятная сама по себе, эта зависимость могла привести к серьезным осложнениям во время «беспорядков» и «беспокойств». Так, в 1825 г. владелица Полевского завода (Екатеринбургский у.) просила священника Кабанова увещевать мастеровых, «чтоб они большими скопищами не собирались»: «Кабанов не согласился, опасаясь, чтоб мастеровые на него не огорчились и чрез то не лишиться бы ему от них петровского дохода, ибо в последних числах мая он, Кабанов, для увещания ходил, но мастеровые были непреклонны и остались почти в огорчении»[6].

С другой стороны, полный отрыв духовенства от прихожан был столь же невыгоден правительству, как и их чрезмерное сближение. Уже в XVIII в., когда место сословия в государственной имперской структуре было четко определено, Духовный

Регламент формулирует идеал представителя духовенства[7]. Но если в XVIII в. правительство добивается при этом прежде всего проведения границы между духовенством и крестьянством, то в новом столетии этот же самый идеал начинает использоваться для воздействия на крестьянство. В XIX в. на первое место среди функций духовенства все больше выдвигается посредничество между государственными структурами и крестьянством. А для контроля над духовенством государство, в свою очередь, принимает на себя посредничество при регулировании материальных отношений между крестьянством и духовенством.

В соответствии с Межевой инструкцией духовенство, не имеющее денежных окладов, должно было получать по 30 десятин пахотной и по три — сенокосной земли на один церковный штат (священник, диакон, дьячок, пономарь) из земельного фонда приходской общины. Именным указом от 18 декабря 1798 г. духовенству было запрещено самому обрабатывать полученную землю, поскольку земледелие «с саном их не совместно». Фактически земля должна была сдаваться в аренду прихожанам за натуральную или денежную оплату. Там, где земля церкви была уже отведена, но в меньших количествах, прихожанам было приказано не прирезать землю, но выплачивать ругу как за полную «пропорцию». В случаях, когда церковь обладала наделом больше указанного, он оставался полностью в ее пользовании «с разрешением излишки отдавать в найм»[8]. Синод предписывал при межевании отделять часть дворов от больших приходов «к довольствованию» приходов малонаселенных. Плата за требы должна была взиматься сверх руги и только в денежной форме[9]. Таким образом, материальные отношения между клиром и приходом были в основном регламентированы. В дальнейшем

менялся только размер надела, отводимого на церковь. В 1829 г. было высочайше утверждено положение о нарезке к церквям тройной пропорции земли (90 десятин пахотной и 9 десятин сенокосной) на один штат в тех селениях, где государственные крестьяне имели наделы более чем в 15 десятин земли, двойной (60 пахотных и 6 сенокосной) — там, где крестьяне имели от 12 до 15 десятин, полуторной (49,5 десятин) — там, где крестьяне имели от 8 до 12 десятин. Там, где крестьянский надел был менее восьми десятин, предлагалось «сделать добавку, какую возможно по усмотрению Министра Финансов»[10].

Что же касается запрета на занятие духовенства земледелием, то он был снят уже в 1801 г. [11]

Условия, на которых храмы наделялись землей, определили большой разнобой в реальном землепользовании приходского духовенства. Судя по всему, законодательство предполагало установление фиксированной платы прихожан за пользование церковной землей. Но цены при этом не назывались (это было бы и невозможно до проведения Генерального межевания), следовательно, размеры платы за землю должны были устанавливаться на местах и фиксироваться в документах, составляемых землемерами.

На начало века Генеральное межевание мало затронуло Пермскую губернию, поэтому в клировых ведомостях здесь отмечены в основном те отношения между клиром и приходской общиной, которые сложились более или менее самостоятельно. В целом можно отметить равнодушие духовенства к официальному закреплению этих отношений. Клир 23 (63,9%) из 36 церквей Ирбитского уезда в 1803 г. «довольствовался» вольной (нефиксированной) ругой с приписных к частным и госу-

дарственным заводам крестьян, договор о взимании рядной руги существовал лишь в 7 приходах (19,4%). Таким образом, представители власти на местах вряд ли вмешивались в расчеты между духовенством и прихожанами (разумеется, когда речь не шла о различных вымогательствах со стороны клира). В шести оставшихся приходах, в которых крестьяне не были приписаны к государственным заводам, также взималась вольная руга[12].

В Ирбитском уезде на начало века Генеральное межевание было частично проведено: неоднократно в клировых ведомостях встречается цифра «30 десятин». В слободе Яланской духовенство показывало, что свыше 30 десятин «хотя и имелась пашенная земля, но в 1798 [году — А.М.] и с крепостями ирбитским уездным судом отобрана и отдается ныне в оброк»[13]. Под оброком имелась в виду плата за пользование землей. В Невьянской слободе также «владеемые сыстари на пахотные и сенокосные земли крепости» были «отобраны»[14], но кем конкретно — не указано. Возможно, изъятие старых документов происходило в связи с предполагаемой выдачей новых. В Костинской слободе духовенство уже имело план на земли «засвидетельствованный по указу сената землемером Заевым и земским исправником Ивановым»[15]. Имелись «указные выписи» у Ирбитской церкви Богоявления (где, кстати, пахотной земли было меньше, чем предусматривалось Межевой инструкцией) и в церкви с. Баженовского[16]. Во всех этих церквях, кроме городской, духовенство получало вольную ругу, что также не соответствовало правительственным планам.

В Шадринском уезде, согласно ведомостям 1808 г. во всех 44 церквях духовенство получало вольную ругу. 33 десятины земли.были отведены 9 церквям (20,5%) в 1802 — 1805 гг.,

но в восьми случаях земля эта не возделывалась, так как духовенство ожидало выдачи на нее межевых планов. Клир 21 церкви (47,7%) пользовался покосами, добровольно отведенными прихожанами. В с.Полевском сенокос отводился прихожанами и после нарезки к церкви земли (это единственная церковь, где земля была отдана прихожанам для обработки)[17]. Особенностью Шадринского заказа было отсутствие в его составе заводских приходов, сельские же приходы заказа считались наиболее богатыми в епархии[18] — это и могло стать причиной того, что духовенство не стремилось договориться о размере руги, на деле убедившись в относительной щедрости прихожан.

Несколько иная картина сложилась в Камышловском уезде. В 22 приходах из 40 (55%) государственные приписные крестьяне обязывались выплачивать рядную ругу, размеры которой устанавливались устным соглашением между прихожанами и клиром. Вольную ругу получали в 14 (35%) приходах приписных к заводам крестьян[19]. Поскольку условия договора не фиксировались ни в каких документах кроме клировых ведомостей, нельзя объяснить преобладание рядной руги в этом заказе давлением со стороны властей. Духовенство могло путем договора с прихожанами попытаться гарантировать себе определенный уровень доходов, что не всегда удавалось и в этом случае. Одна из стандартных записей в клировых ведомостях: духовенству от прихожан «положена» рядная хлебная руга, «но как оная нигде и ничем законно не утверждена, то по упрямству прихожан вся сполна не производится»[20]. В таких условиях, естественно, духовенство должно было приветствовать межевание, которое должно было «законно утвердить» ругу. В тех приходах, где крестьяне не были приписаны к заводам, духовенство получало

вольную ругу, а в одном — рядную (соответственно 7,5% и 2,5%)[21].

Гораздо больший «разброс» источников доходов присущ Верхотурскому уезду, в состав которого в 1806 г. входило 34 храма. Четыре церкви (11,8%) находились при казенных, шесть (17,6%) — при частных заводах, и их клир получал жалование, при трех заводах духовенство получало денежную рядную ругу (8,8%), в чем уже гораздо легче заподозрить вмешательство светских властей, чем в рядной руге хлебом. В церкви Красногорского погоста духовенство получало и вольную хлебную ругу, и рядную денежную. В сельских приходах получение вольной руги отмечено клиром 10 церквей (29,4%), рядной — 8 (23,5%). Соборная Троицкая церковь Верхотурья получала жалование от казны, клир Воскресенской «довольствовался» только денежной платой за требы, пашенная земля имелась лишь при 7 церквях (20,6%) (см. табл. 8).

Как и во всех предыдущих случаях, при церквях уезда практически отсутствовали документы о правах пользования землей («межевые крепости» имелись только в Тагильской слободе)[22]. Примерно такая же картина наблюдалась в Екатеринбургском уезде (см.таблицу 10).

Реально Генеральное межевание началось в Пермской губернии после 1829 г., но сроки его проведения затянулись, в некоторых местах землю церквям пришлось нарезать дважды. К сожалению, к середине XIX в. клировые ведомости стали сшивать не по уездам, а по благочиниям, поэтому для этого периода имеются сведения только по отдельным частям бывших заказов (сведения по одним благочиниям сохранились за несколько лет, а по другим исчезли полностью), кроме того, отдельные при-

ходы переходили из состава одного благочиния в другое, а иногда и в другой заказ, поэтому могли пропасть сведения и по отдельным приходам. И при сравнении материального положения духовенства в том или ином уезде в начале и середине XIX в. необходимо учитывать, что речь идет о разных по составу административных единицах.

Менее всего изменилось положение, по-видимому, в Шадринском уезде. В Государственном архиве Свердловской области имеются сведения по одному благочинному округу за 1848 г. (в состав округа входило 22 прихода). Земля в соответствии с указом 1829 г. была отведена 18 церквям (81,8%). Только сенокосом располагал клир одной из церквей округа. Тем не менее, клир 17 церквей (77,3%) по-прежнему получал вольную ругу, а не рядную, как то подразумевалось законодательством. В двух городских церквях единственным официальным источником доходов клира была плата за требы[23].

В Ирбитском уезде (в 1847 г. в состав его входили 30 церквей, причем появилась только одна новая — при частном заводе) земля по Генеральному межеванию была отведена к 19 церквям (63,3%), но лишь в трех из них духовенство сдавало землю в аренду за плату. Вольная руга взималась клиром 19 церквей (63,3% — процент практически такой же, что и в 1803 г.), рядная руга — только одной, причем земля к этой церкви отведена не была и договор с прихожанами остался в том же виде, какой имел в начале века. Четыре церкви были переведены с рядной руги на вольную, причем к трем из них уже была отведена земля по Генеральному межеванию, так что результат может считаться прямо противоположным тому, на который рассчитывало правительство: выплаты приходскому ду-

ховенству не связывались с землей, выделенной ему по приказу государства. Клир 10 церквей (33,3%) вообще не указал получения руги, хотя ранее и получал ее: о рядной руге здесь не может быть и речи, но вольную они могли получать и в этом случае, не считая нужным делиться такими подробностями с начальством. Свободным от подобных подозрений можно считать лишь клир двух городских храмов — в их приходах уже не было крестьян[24]. В целом материалы по этому уезду свидетельствует о том, что Генеральное межевание не отразилось на формах оплаты служебной деятельности приходского духовенства.

Еще ярче это видно на примере Камышловского уезда, где процент церквей, получающих рядную ругу к середине века снизился до 14,7% (5 церквей из 34 учтенных), а получавших вольную ругу возрос до 58,8% (20 церквей). Земля была отведена к 25 церквям (73,5%), правда, к одной из них — только 33 десятины, второй отвод не был произведен даже в 1849 г. Выдача документов не фиксируется ни разу, зато есть отметки, что из-за отсутствия документов клир землей не пользуется, или ею пользуются прихожане[25] (так как считают ее своею). О том, какая из двух сторон играла бóльшую роль при определении формы расчета между духовенством и прихожанами, свидетельствует запись в ведомости с.Никитинского: 33 десятины земли здесь обрабатывались духовенством, а «60 десятин пашенной и 6 покосной доныне остаются во владении прихожан без всякого условия, по несогласию их между собою на учинение такового в одной силе; поелику одни из них согласны платить ругу, оставляя за собою пашню, другие напротив, не соглашаясь на платеж руги, предоставляют священно- и церковнослужителям в обрабатывание всю нарезанную землю»[26].

В Верхотурском уезде также рядная руга после межевания сохранилась у единственной церкви, земля к которой была нарезана. Не пользовалось ругой духовенство церквей при государственных и частных заводах, доходы духовенства здесь регламентировались наиболее жестко, но зато были выше, чем на многих сельских приходах: кроме жалования предоставлялись служебные квартиры, заводские конторы отпускали определенное количество свечей, дров, продуктов. Эти дополнительные «статьи» играли в бюджете клириков даже бóльшую роль, чем жалование: получавшие «провиант» причетники оценивали свое положение выше, чем жившие «на одну зарплату» диакона[27] (см. табл. 9). К тому же положение заводского духовенства было более стабильным, чем у сельских клириков, зависевших от выплаты вольной руги.

Рядная руга сохранилась как более или менее распространенное явление только в Екатеринбургском уезде — но здесь и Генеральное межевание затронуло наименьшее число приходов (см. табл. 11). Распространенность здесь рядной руги наводит на мысль о том, что прихожане могли использовать Генеральное межевание как предлог для снятия с себя определенных обязательств духовенству, а духовенство, в свою очередь, не стало настаивать на своих правах и букве закона, так как не получало обещанного договором. Впрочем, несмотря на постоянные жалобы духовенства на бедность и упрямство прихожан, вольная руга должна была в целом удовлетворять клириков. О священнике, служившем в Юрмытской слободе (Камышловский у.) в 1838 — 1858 гг. прихожане без малейшего осуждения вспоминали: «Вот прежде был о. Смиренский, — так ему вынесешь пудовку-то, а он еще скажет: «чай-милой повторишь?» (Это была

его поговорка). Ну и несешь другую...» Священник 80-х гг. слушал эти рассказы с нескрываемой завистью[28].

Тем не менее, отвод земли к церквям изменил положение приходского духовенства, дав ему дополнительные средства существования, либо средство «воздействия» на прихожан: в случае невыплаты руги земля могла быть отобрана[29]. Поэтому духовенство придавало отводу земли большое значение и в случае недовольства отведенным участком не принимало его и подавало жалобу на землемера[30]. Правда, светские власти зачастую находили претензии духовенства чрезмерными и отказывались удовлетворить жалобу[31]: но консистория и в этом случае не считала дело решенным, требуя, чтобы отметка о неудобстве земли ежегодно вносилась в клировые ведомости[32]. Духовенство пыталось закрепить землю во владение (а не только в пользование), но попытки распоряжаться ею иначе, чем было предусмотрено государством, разумеется, пресекались[33]. Принадлежность земли служила поводом для бесконечных споров как между духовенством и прихожанами[34], так и между самими клириками[35]. Явно не вызвала восторга у прихожан и нарезка земли к единоверческим церквям (на тех же условиях, что и к православным)[36]. Но конфликты, возникавшие в связи с церковной землей, были незначительны, в целом крестьянство смирилось с необходимостью отвода земли духовенству и стремилось лишь добиться для себя более выгодных условий нового договора с приходским клиром, тем более, что договор этот заключался без посредничества властей, как светских, так и духовных.

После проведения межевания в 1829 г. — начале 30-х гг. новый отвод земли к церквям официально не производился, а в

Пермской епархии как раз 30 — 40-е гг. были временем активного дробления приходов и открытия новых церквей. На сельских приходах земля выделялась крестьянами без соблюдения «пропорций», к заводским церквям земля отводилась в соответствии с Межевой инструкцией и дополняющими ее указами — в этом явно проявилось вмешательство заводской администрации. Но документы на эту землю не выдавались, причты пользовались ею с согласия прихожан, так что правительство так и не довело до конца собственные мероприятия по наделению церквей землей, оставив это на волю прихожан[37].

Еще одной проблемой, постоянно занимавшей власти, было обеспечение приходского духовенства жильем. Приобретение домов на приходе провоцировало у духовенства стремление к наследственному закреплению мест в штате церкви. Кроме того, необходимость покупки дома на приходе препятствовала тому, чтобы лучшие приходы доставались наиболее образованным клирикам: только что вышедший из семинарии священник не мог себе позволить таких же трат, что и давно служащий, но необразованный. Поэтому на протяжении всего XVIII в. время от времени поднимался вопрос о том, что дома для клириков необходимо выкупить на церковные деньги[38], но проблема так и не была решена. В XIX в. она даже обострилась, поскольку церкви были лишены права самостоятельно распоряжаться своими доходами (см. ниже), так что теперь необходимо было найти новый источник средств для приобретения и поддержания жилья для клириков. Именным указом от 6 декабря 1829 г. предписывалось «побуждать прихожан, особенно сельских, чтобы от них заводимы и поддерживаемы были по возможности домы для жительства священно- и церковнослу-

жителей»[39]. Таким образом, правительство было вынуждено в целях дальнейшего обюрокрачивания духовенства (что предполагало и лишение государственных чиновников собственности: они должны были, по идее, полностью зависеть от получения жалования) пойти на заведомое усиление зависимости белого духовенства от прихожан. Впрочем то, что в 1842 г. издается новый указ, согласно которому постройка домов для причтов была сделана обязательной только для прихожан западно-русских епархий[40], свидетельствует о том, что прежний указ не выполнялся. Доказывает это и уральский материал: Пермская духовная консистория дважды, в 1830 и 1831 гг., запрашивала с мест сведения об отводе к церквам земель и домов, «но таковых донесений к Епархиальному начальству очень мало еще поступило, и притом те донесения разнообразны и мало основательны»[41]. В 1843 г. ни к одной из 15 церквей Пышминского благочиния Камышловского уезда не были приписаны приходские дома[42]. Возможно, что отвода домов не желали не только прихожане, но и само духовенство, которое и так ощущало свою зависимость от прихода.

В связи с реформами государственной деревни произошел резкий поворот в отношении правительства к занятию духовенства сельским хозяйством. Синод и министерство государственных имуществ поощряют заведение духовенством (в первую очередь — священнослужителями) так называемых образцовых хозяйств. И обер-прокурор Синода граф Н.А.Протасов, и граф П.Д.Киселев преследовали при этом одну и ту же цель: воспользоваться влиянием духовенства на крестьян для привлечения их внимания к новым формам и методам хозяйствования.

В 1844 г. министерство государственных имуществ разработало проект «Правил о развитии и поощрении улучшенного сельского хозяйства между духовенством в казенных селениях». Свои поправки к проекту представило Духовно-учебное управление при Синоде, и оба эти документа были разосланы по епархиям для ознакомления и внесения замечаний.

Министерство предлагало приходским священникам, «получившим в семинариях достаточное теоретическое и практическое по сельскому хозяйству образование», взять во временную аренду землю «из пустопорожних или оброчных статей» для устройства на ней образцовых хозяйств. Выбрав участок, арендатор должен был представить в местную палату государственных имуществ план будущего хозяйства и свои предложения по размерам арендной платы. Палата должна была представить эти документы в министерство со своим мнением. Получивший участок священник мог взять в кредит по себестоимости (до 200 руб. серебром) сельскохозяйственные орудия, скот, семена с учебной фермы министерства. Снабжался он «по возможности» и книгами по сельскому хозяйству.

О дефиците сельскохозяйственной литературы можно судить по следующему факту: в 1837 г. через благочинных передавался по приходам единственный на всю епархию комплект «Земледельческой газеты» за 1836 г. «для приведения [...] в известность и употребление между духовенством сельским» и поощрения его к занятиям сельским хозяйством «как к основе народного богатства и благосостояния». Благочинные должны были отмечать, кто из клириков делал выписки из газеты и пытался применить советы на практике, для сообщения архиепископу[43]. В 1840 г. по указу Синода рассылались по приходам

сельскохозяйственные книги, изданные Вольным экономическим обществом[44].

Палата государственных имуществ должна была наблюдать за развитием хозяйства на арендуемом участке, его соответствием первоначальному плану и эффективностью. Управляющие учебными фермами также должны были раз в три года осматривать священнические хозяйства на подведомственной территории. От палаты зависело, будет ли продлен арендный договор на новый срок. В случае невыплаты священником арендной платы или непогашения кредита, его хозяйство должно было быть продано с публичных торгов для погашения долга. В случае нехватки вырученной на торгах суммы ответственность за покрытие долга возлагалась на «епархиальные начальства». Земля могла быть отобрана до истечения срока договора в случае смерти арендатора или его перевода на другой, отдаленный от прежнего, приход, а также в случае несоблюдения изначально утвержденного плана хозяйства.

В качестве поощрения предполагалось по представлению палаты государственных имуществ награждать отличившихся похвальными листами и премиями от 25 до 50 руб. серебром. В случае же «очевидного увеличения дохода с малою затратою капитала и введением крестьянами у себя подобных улучшений, могут быть награждаемы священники серебряными и золотыми медалями из числа положенных Высочайшим повелением 21 февраля 1844 года для поощрения помещиков и членов-корреспондентов ученого комитета, и далее смотря по степени заслуги и по предварительным сношениям с Главным духовным управлением, они могут быть удостаиваемы более значительных денежных и почетных наград»[45].

Духовно-учебное управление выступило прежде всего против причин и условий прекращения действия арендного договора, указывая, что продажа с публичных торгов подвергнет «священнослужителей расстройству в их ограниченном состоянии и неприличной для духовного сана огласке в народе». Управление предлагало предоставить арендаторам право самим определять условия своего договора: «срок, не позднее которого должно быть заведено хозяйство, и необходимые для того от казны пособия, сроки платежа денег за землю и пособия, допускаемая в уважительных случаях отсрочка в платеже, равно как и в заведении хозяйства и другие облегчительные меры, распоряжения, какие в случае отобрания земли в казну должны быть сделаны относительно заведенных на ней построек и т.п.» Перед продажей за долги палате государственных имуществ предлагалось сообщить о создавшейся ситуации епархиальному начальству и просить «о взыскании с должников причитающейся платы вычетом из жалования их или из следующих на их часть церковных доходов». Продажу хозяйства также предлагалось поручить епархиальным властям (видимо, для того, чтобы предотвратить огласку). По истечении срока аренды обрабатывавший эту землю священник имел преимущественное право на заключение нового договора. В случае перевода (смерти) арендатора он (наследники) мог отказаться от продления аренды или сохранить за собой участок до конца договорного срока[46].

Окончательные условия аренды священниками государственных земель для заведения на них образцовых хозяйств были утверждены в 1848 г. Согласно им, департамент сельского хозяйства должен был бесплатно снабжать арендаторов семенами, а сельскохозяйственными орудиями — по себестоимо-

сти. Надо отметить, что мероприятие это было обречено на неудачу не только из-за «бедности и недоверия крестьянской массы»[47], но и по причине бедности и вполне обоснованного недоверия духовенства. У приходских священников не было ни опыта, ни времени, ни средств[48] для заведения «образцового хозяйства», которое вряд ли скоро стало бы приносить прибыль. У духовенства Пермской епархии была и еще одна причина для опасений: архиепископ Аркадий был известен как любитель переводов с прихода на приход. По крайней мере, в клировых ведомостях не встречаются отметки об отводе иереям участков государственных земель, тем более — о награждении священников за развитие хозяйства. Отсутствие упоминаний в источниках не является, конечно, веским доказательством нераспространенности того или иного явления, но общая картина жизни приходского духовенства этого времени заставляет думать, что лишь очень и очень немногие могли рискнуть и откликнуться на предложения министерства государственных имуществ.

Редки и сведения о заведении по предложению министерства садов на отведенной земле либо при приходских училищах. В Камышловском уезде на предложение заняться садоводством на льготных условиях откликнулись два священника. К училищам земля должна была отводиться по «мирским приговорам»[49].

Через духовенство пытались проводить и печально известную «картофельную»политику. В унисон с министерским указом 1840 г. об обязательных посадках картофеля в государственной деревне, Синод издает распоряжение священникам доказывать крестьянам пользу картофеля[50]. В 1843 г. из Синода рассылается секретный указ о разведении картофеля на

собственных землях духовенства и церковных с целью его «рекламирования» среди государственных крестьян. Вместе с указом должно было распространяться и руководство по выращиванию, хранению и употреблению картофеля. С приходского духовенства бралась подписка об ознакомлении с этим указом, что является еще одним свидетельством придававшегося этому документу значения[51].

По иронии судьбы очередной высочайший указ «О мерах к распространению посевов картофеля», рассылавшийся Синодом в 1842 г.[52], благочинным Пермской епархии пришлось подшивать к делам после первых тревожных сообщений о «народных волнениях и мятежах» в Камышловском уезде[53]. Так что свой авторитет духовенству пришлось употребить уже не для пропагандирования картофельных посевов, а для прекращения «картофельных бунтов», во время которых особенно наглядно проявилась двойственность его положения в крестьянской общине.

Разумеется, духовенству было приказано увещевать крестьян, объясняя, что слухи об отдаче их в удел частному лицу не соответствуют истине. Абсурдность этих слухов была достаточно очевидна духовенству. В отличие от крестьянских войн предыдущего столетия, на этот раз духовенство не было вовлечено в движение.

Возможно, многие предпочли бы и вовсе остаться в стороне от слишком бурных событий, но инертное отношение к мятежам также грозило приходскому духовенству неприятностями. По указу от 1 марта 1797 г. священники, не участвовавшие в выступлениях своих прихожан, оставались на своем месте только в том случае, если их повседневная жизнь была бе-

зупречна. Если же в прежние времена за таким священником числились грешки, он мог быть переведен на другой приход «в причетники до исправления». Эта угроза, должно быть, лучше стимулировала активность в увещаниях, чем обещание в награду за них «пристойных почестей» и перевода на лучшие места[54]. По крайней мере, в клировых ведомостях не встречается отметок о наказаниях за бездеятельность во время картофельных бунтов.

Остаться в стороне от событий мешали и действия самих крестьян, проявлявших в некоторых случаях весьма «неравнодушное» отношение к своим пастырям. Встречаются сведения о нападениях во время бунтов на приходское духовенство. Причинами нападений было приравнивание крестьянами духовенства к чиновничеству. Протоиерей Евгений Попов сообщает, что крестьяне «нападали и на духовных, предполагая, что духовные знают о продаже их «господину», тем более оскорбляли тех священников, которые увещевали их»[55]. В качестве примера он приводит события в с.Тамакульском (Камышловский у.), где толпа обливала на улице холодной водой двух псаломщиков, и в с.Течинском (Шадринский у.), где священника Василия Константского «несколько раз перетаскивали веревками подо льдом из одной проруби в другую, которые нарочно устроили»[56]. Весьма примечательна и награда, которой был удостоен этот священник: в 1843 г. «указом Святейшего Правительствующего Синода за увещание мятежных крестьян Шадринского уезда обратиться к повиновению Властям положено сыновей его поместить в Духовные училища на казенное содержание». В том же году В.Константский был награжден орденом св.Владимира 4 степени, но, разумеется, после подобных событий был переве-

ден со своего прежнего прихода на другой — в Камышловский уезд[57].

Священник с.Широковского Дмитрий Попов, уговаривавший крестьян разойтись, был вынужден укрыться в Далматовском монастыре, причем несколько дней перед этим его укрывали у себя его прихожане (прятали от других), в то время как к дому священника был приставлен караул «бунтовщиков»[58]. Далматовский монастырь, вообще, принимал весьма активное участие в событиях: три иеромонаха прошли крестным ходом к дому, в котором помещалась сельская расправа, отслужили перед ним молебен, во время которого из дома были выпущены запертые там восставшими волостные голова, старшина и писарь. После молебна монахи беспрепятственно смогли увести освобожденных в монастырь, хотя на улице стояла толпа. Надо отдать должное находчивости монахов: они не пытались «увещевать», поскольку видели, что подобные действия со стороны волостных властей успеха не имели. Крестный ход и молебен, в отличие от призывов разойтись, не могли спровоцировать собравшихся крестьян, которые, со своей стороны, не посмели нарушить ход богослужений[59].

Вообще, встречается достаточно примеров и удачных действий духовенства во время крестьянских выступлений. В Шадринском уезде по сведениям 1847 г. служило 11 священников и 2 протоиерея, награжденных за «укрощение бунта государственных крестьян в 1843 г.» Некоторые были награждены как раз переводом на богатые приходы Шадринского уезда — бывшего центра крестьянских выступлений. Один священник был награжден набедренником, два священника и один протоиерей — скуфьями, а протоиерей Иван Смирнов «за ревностное слу-

жение между прихожанами Всемилостивейше награжден орденом Св.Владимира 4 степени» (на момент награждения он был еще священником)[60].

В Камышловском уезде в 1844 г. было указом консистории объявлено благословение священнику Алексею Ляпустину «за разумные его действия против бунтовавших крестьян» Белоярской слободы[61]. Диакон Матвей Мостов по указу Синода был «удостоен особенного внимания», а за «великодушное терпение от ных [крестьян — А.М.] Его Высокопреосвященством Аркадием Архиепископом Пермским и Верхотурским рукоположен во священника»[62].

Как видим, не всегда «разумные действия» могли спасти от расправы, а клировые ведомости, к сожалению, далеко не всегда дают более ясные указания на причину награждения: за действенность «увещеваний» или же «за великодушное терпение». Не все заслуживающие наград их удостоились: священник Евфимий Арефьев, удержавший крестьян Киргинской слободы Ирбитского уезда от присоединения к восставшим Белослудской слободы, награжден не был[63]. Возможно, награждались в первую очередь те, кто и «увещевал», и пострадал за это.

В целом можно отметить, что наделение приходского духовенства землей дало в первой половине XIX в. эффект меньший, чем тот, на который рассчитывало правительство. Позиции приходского клира несколько укрепились благодаря его включению в систему общинного землепользования, но посредническая роль государства окончилась сразу же после отвода земли — дальнейшую судьбу церковного надела решала община и, в меньшей степени, клир. Таким образом, зависимость духовенства от приходской общины сохранилась, а правительственные

органы выступали арбитром только в случае нарушения официальных границ церковного надела. Неудачей окончились и попытки министерства государственных имуществ распространять сельскохозяйственные новшества среди крестьян при посредничестве духовных лиц, причем вины духовенства здесь не было. Крестьянство крайне болезненно воспринимало любые попытки вмешательства извне в вопросы общинного землепользования, и духовенство всякий раз становилось заложником правительственной политики. Особенно серьезная ситуация сложилась во время крестьянских выступлений в 40-х гг., когда, по свидетельству очевидца, служившего диаконом в одном из центров движения, «потерялось всякое уважение как к духовенству, так и к светским властям, что сказывалось и потом долгое время»[64].

2.2 Приходская община и духовенство в решении церковных вопросов

Несмотря на богатую внецерковную обрядность, крестьянская община была прежде всего христианской (так, по крайней мере, казалось ей самой), и как таковая была достаточно самостоятельной, хотя ее деятельность и пытались регламентировать сверху.

Наиболее зависимой была приходская община в вопросе о назначении духовенства, однако нельзя безоговорочно утверждать, что мнение общины совсем не играло роли при назначениях и переводах[65]. Сохранившиеся прошения (правда, малочисленные[66]) были удовлетворены: у епархиальных властей не было

желания вызывать недовольство прихожан. В начале века прошение сохраняет для характеристики кандидата формулу, повторяющую текст Духовного Регламента, и часто встречавшуюся в «выборах» XVIII в.[67]: «человек добрый не пьяница не бийца не клеветник не сварлив не любодийца. В воровстве и обмане не изобличен, добронравен поведения честного. В домостроительстве не ленивый». Сохраняются и элементы договора между общиной и кандидатом, хотя условия этого договора достаточно формальны и неопределенны: «имеем его довольствовать разным доходами — у кого что случится»[68]. Этот документ был составлен на основе печатной формы «одобрения», введенной указом от 24 апреля 1800 г. Предъявивший его дьячок был рукоположен не только во диакона, как о том просили прихожане, но и во иерея (с условием назначения его к той же церкви), поскольку показал хорошее знание богослужебных вопросов[69].

Не по форме было составлено и более позднее прошение прихожан Дмитриевской церкви в с.Канашевском (Шадринский у.), однако сама его «неформальность» послужила причиной того, что оно указом епископа Иустина было объявлено образцом для написания подобных документов. Отличие от «приземленных» документов XVIII в., действительно, настолько велико, что есть смысл привести здесь это прошение целиком: «лучшие прихожане, собравшись на общий сход и рассуждая о том, что находящийся при оной церкви священник Димитрий Иоаннов сын Хомяков в течении уже пяти месяцев одержим глазною болезнию, для излечения которой по увольнении Шадринского духовного правления, хотя отбывал в разные места и испрашивал помощи от врачей, но исцеления не получил, и ныне совершенно зрения лишился, хотя же от начальства и определяются

для исправления должности за него из других мест священники, но исправляют служение и христианские требы с немалым для [...] нас затруднением и беспокойством. А потому желаем иметь на место оного Димитрия Хомякова священником той же церкви диакона Иоанна Арефьева, который находился в служении благочинно и благоговейно ведет трезвую жизнь, кроток и ко учению прихожан благочестиво рачителен, и оному Хомякову родной зять. И ежели Его Преосвященству Милостивейшему Архиепископу нашему благоугодно будет, чтоб оного диакона Арефьева удостоить посвящением в священника к помянутой церкви и нам в пастыря, обязуемся ежегодно исповедываться, святых Христовых тайн приобщаться, а от пьянства, раскола и других пороков всемерно удаляться, и обучаться Символу Веры, десятисловию и Молитвам Господней и Богородичной, кому как время удобность и возможность позволят, также к венчанию женихов и невест представлять знающих оные молитвы и прочие, а его Арефьева довольствовать хлебною ругою по полтора четверика с венца, равно сенными покосами и лесными угодьями по обыкновению; лишившегося зрения священника Хомякова с семейством не оставлять награждать добровольным хлебным подаянием, в чем поставив сей приговор вручаем оному диакону Арефьеву для представления куда следует и рукоприкладством утверждаем»[70].

В своем указе епископ Иустин, объявляя благословение канашевским прихожанам, особо выделил их обещание выучить молитвы и обязательство содержать ослепшего священника с семьей. В связи с этим и новопроизведенный иерей получил дополнительные наставления, дабы он, «подая собою пример в вере и благочестии и во всех добрых и богоугодных делах, на-

учал прихожан своих знанию вышеупомянутых предметов, истолковывал им силу оных внятно и вразумительно, чтоб каждый прихожанин разумел оные ясно и мог бы тому научать детей своих»[71].

«Одобрение» могло помочь в получении места даже штрафованному духовенству. Так, благодаря подобным прошениям прихожан, занял пономарскую должность в с.Володимирском запрещенный диакон Василий Иконников[72], был назначен в Верх-Нейвинскую единоверческую церковь бывший за штатом священник Семен Воинсвенских, который представлялся Аркадию «сомнительным»[73]. Иногда, правда, подобные прошения раздражали церковные власти. В 1799 г. по просьбе епископа Вятского и Великопермского Амвросия был предан суду церковный староста с.Лимеш крестьянин Василий Попов, который подал епископу прошение об избавлении от монастырских трудов осужденного за пьянство священника Петра Порошина. Староста представил на суде приговор прихожан, уполномочивших его подать прошение. Вины за ним не нашли, но он сидел под арестом во время следствия, а после суда был на три дня посажен на хлеб и воду «для острастки»[74].

Значение «одобрений» должно было падать по мере уменьшения количества вакантных мест: на первый план начал выдвигаться образовательный ценз[75]. Уже указом 1815 г. предписывалось оставлять «без действия даже рекомендательные письма о священнослужителях разных светских особ, за исключением только писем военных начальств»[76]. «Светские начальства», тем не менее, считали духовенство своих приходов собственными подчиненными и часто обращались с ним весьма «по-свойски». В дневнике Ф.Л.Карпинского за 1807 г. зафик-

сировано два весьма характерных случая. 12 декабря: «После литургии был у Германа. Он учинил мне выговор за то, что скоро отошла обедня и он не поспел к молебну». 4 апреля: «В Сысерти по жалобе священника Мухина Петр Алекс. Турчанинов тамошнего причетника Сельменскова в конторе садил на цепь, из которой освобожден по просьбе священника Дергачева. Ссора пошла о подножнике. Сельменский начал брать подножник, а священник Мухин, будучи пьяный, не стал ему отдавать и тогда тут же, находившемуся в церкви, г.Турчанинову пожаловался»[77].

С другой стороны, нежелание прихожан иметь того или иного клирика у себя на приходе также принималось во внимание. Устав духовных консисторий предписывал: «Когда жалобы с законной ясностью не доказаны, но между тем большая часть прихожан просит удалить от церкви подвергшихся таковым жалобам, они переводятся на другие приходы»[78]. Так, диакон Василий Дергачев был удален из Уткинской слободы «по нежеланию прихожан иметь его у себя»[79], а священник Прокопий Наумов, напротив, оставлен в Юрмытском селе, потому что «хотя некоторые из них прихожан от частовременных его священника отлучек [...] и имели досаду при исправлении треб домашних, но жалобу подавать о сем никакому начальству диакона Иконникова никогда не просили, и ныне не имеют никакой претензии на священника»[80].

В целом надо отдать должное местным епархиальным властям: в вопросах репутации духовенства среди прихожан они были достаточно щепетильны. Разумеется, во время следствия, производившегося по жалобе прихожанина, они старались защитить обвиняемого, но если вина клирика была доказана, церковное руководство признавало право жалобщика не только на

материальное, но и на моральное удовлетворение. Характерна в этом отношении резолюция епископа Евлампия: «спросить крестьянина, принесшего жалобу на дьячка Луканина, какого он требует удовлетворения за причиненное ему дьячком оскорбление, а от сего потребовать еще, — чем он может или оправдаться в неучинении поступка, или удовлетворить за оный оскорбленного». Крестьянин не смог доказать своих обвинений и жалобу забрал, но Луканин был отослан на три месяца в Далматовский монастырь за плохую «аттестацию»[81]. Даже в тех случаях, когда вопрос о виновности духовного лица оставался нерешенным, к подозреваемому приглядывались внимательнее, чем к остальным, и в конечном счете спасало от наказания только твердое доказательство невиновности. Но и в этом случае отметка о нахождении прежде под следствием ежегодно ставилась в клировых ведомостях. Оправданные причетники часто посылались в архиерейский дом «для испытания в знаниях и поведении»[82].

Особо тяжкие обвинения влекли за собой и соответствующие последствия: священник Стефан Попов подвергся запрещению как обвиняемый в прелюбодеянии (согласно 14 правилу Сардикийского собора[83]), однако по окончании дела из сана извержен не был, значит, обвинение не подтвердилось (25 Апостольское правило[84]). Однако разрешен в с[illegible]ценнослужении он не был, а когда в 1843 г. был обвинен (тем же самым истцом) в прелюбодеянии вторично, консистория, «не входя в новое расследование», запросила сведения о возможности его перемещения «на жительство и пропитание к родственникам в другой уезд». «Прелюбодей», между тем, был уже стариком, прослужил в с.Темновском 42 года, был награжден набедренником, содер-

жал овдовевшую сноху и трех малолетних внуков[85] — все это учтено не было.

Суровость властей в сомнительных случаях может быть объяснена также и снисходительностью прихожан к порокам духовных лиц, если дело не касалось поведения духовенства в церкви или при исполнении треб в домах прихожан, а также материальных интересов крестьян. Священник Михаил Огнев из с.Кинделинского был в 1811 г. оправдан по делу о его пьянстве и прелюбодеянии с солдаткою, так как прихожане заявили, что он «с требами по зву [так!] прихожан ходит поспешно и никаких обид и притеснений им прихожанам не чинит и они им священником относятся весьма довольны», общество «просило священника Огнева от клевет старосты Водопьянова и крестьянина Боровкова защитить и позволить по-прежнему быть у них священником». Но вскоре Огнев был осужден по жалобе прихожан на его вымогательство[86].

Противоречивость свидетельских показаний могла объясняться желанием выгородить клирика, виновного с точки зрения закона, но не общинной морали. Удалить такого власти считали необходимым в целях «воспитания» прихожан. Но церковные власти могли также взять под защиту клирика, если светские органы требовали от него действий, могущих уронить его достоинство в глазах прихожан[87].

Тем не менее, в глазах прихожан духовенство было прочно связано с полицией и следственными органами. Священник второй половины века жаловался на частые беспричинные вызовы для исповеди и причастия на дом. Просившие о требе объясняли, что боялись, что в случае неожиданной смерти недомогавшего родственника их «заволочат». «Слово «заволочат» —

характерное слово: им мотивируются все безрассудные требования причащения мнимо и истинно болящих. Горькая волокита по поводу мертвых тел, унаследованная исстари, хотя ныне не имеет никакого смысла, тем не менее держиться в представлении народа и заставляет его — якобы защищаться попом»[88].

Возвращаясь к вопросу о степени самостоятельности приходской общины, надо отметить ее заинтересованность в упорядоченном ходе церковной жизни. Ответственность за это, с точки зрения общины, несло прежде всего духовенство, сами же крестьяне могли принимать в ней гораздо меньшее участие. В 1837 г. крестьяне с.Юрмытского просили консисторию назначить к их церкви священника, потому что «хотя оных и числится при их церкви два, но первый Василий Дягилев состоит под запрещением, а последний Прокопий Наумов не имеет постоянного при церкви проживания, а где находится неизвестно, а потому Церковь Божия остается без отправления Богослужения и в исправлении мирских треб имеют величайшую нужду»[89].

Командированному временно в с.Кудымкор Соликамского у. священнику Савве Бабину было объявлено местным причтом, что они уже пригласили служить у них священника Еремея Копытова. Бабину «от службы отказали диакон Монин, пономарь Братчиков и приказчик Григорий Пономарев с мирскими людьми с общего согласия за то, что Бабин просил хлебную ругу, которую получал покойный священник Чечулин и жалования 25 руб. в месяц; хлебная руга была оставлена жене Чечулина на продовольствие с детьми. Копытов же согласился оставаться с получением одних кружечных доходов». Соликамское духовное правление постановило: «дать знать приказчику Пономаре-

ву и подтвердить, чтоб он впредь в непринадлежащие дела крестьян не допускал»[90].

Прихожане следили за поведением духовенства во время службы и требоисправления — здесь проступки не прощались. Пьяный дьячок Иван Суворов был выведен из церкви крестьянами по приказу писаря Владимира Мохова, причем все допрошенные крестьяне это подтвердили[91], «уклонившийся в раскол» крестьянин Иван Карелин согласился вернуться в православие, «если Духовный его Отец священник Василий Лавров будет для крестного знамения употреблять Перстосложение истовое и благословлять своих прихожан истово, если не будет постригать брады и усов, и если как сам не будет употреблять табаку, так и служащим [так!] с ним причетников от употребления оного а паче при Богослужении удержит[92].

Заботился приход и о церковных зданиях, их ремонте и постройке новых[93]», причем привязанность к своей церкви могла проявляться в нежелании разрушать старое здание даже после постройки нового и просьбах совершать службы в обоих храмах[94]. В 1820 г. епископ Иустин просил Синод, чтобы тот объявил благословение мастеровому Каслинского завода (Екатеринбургский у.) Андрею Щипанову, прослужившему старостой 34 года и приобретшему за свой счет для церкви «две ризы и два стихаря парчовых», колокол в двенадцать пудов, четыре образа, «что все стоит ему Щипанову тысяча четырех сот пятидесяти рублей»[95]. Вопросы содержания здания могли решаться и одними прихожанами[96], хотя чаще в этих совещаниях принимало участие и духовенство[97]. И те, и другие, однако, имели одинаково мало прав на распоряжение церковными деньгами, за исключением кружечных сборов. В 1808 г. указом Синода было пред-

писано перевести все накопленные церквами суммы «в государственные кредитные учреждения» через консистории и духовные правления[98]. Значительная часть церковных доходов — свечные и венчиковые суммы — поступали, как уже было сказано, в семинарские правления для пересылки в комиссию духовных училищ. Поэтому все решения общины, связанные с материальными издержками, должны были санкционироваться епархиальными властями.

Достаточно самостоятельными были прихожане при выборе своих представителей на приходские должности. В 1837 г. с духовенства епархии была взята подписка о том, что основания для отказа выборным на церковные должности будут подбираться более тщательно. Причиной послужило дело об отказе клира Антоновской слободы (Ирбитский у.) принять в качестве трапезника выбранного «обществом» Егора Манькова из-за его «неблагонадежности». Доводы духовенства были признаны земским судом неосновательными, и решение общины оставлено в силе[99]. Епархиальные власти и в таких случаях предпочитали компромисс[100], возможно, не считая отдельных представителей общинного самоуправления реальной силой[101] в отличие от общины в целом. Синод, однако, настаивал на присутствии при выборах церковных старост не только клира церкви, но и благочинного[102].

Одним словом, приходская община оставалась институтом, с которым не могли не считаться ни епархиальные власти, ни, тем более, приходские клирики, но зависимость в этом случае не была односторонней. Несмотря на возникавшие время от времени конфликты (чаще всего их причиной было вымогательство духовенством дополнительной платы за требы[103] и невып-

лата им долгов[104]), прихожане стремились поддерживать с клиром хорошие отношения. В любой момент могли возникнуть такие жизненные обстоятельства, когда помощь священника (небезвозмездная) могла пригодиться. Чаще всего приходилось уговаривать приходских клириков закрывать глаза на «запрещенную степень родства» или несовершеннолетие при заключении браков[105]. Явно не случайно и священник Порфирий Херасков похоронил до прошествия трех дней со дня смерти крестьянина Федора Сажаева: земская полиция требовала представить тело для медицинского освидетельствования по подозрению в насильственной смерти[106]. Неясно только, чего боялись родственники покойного: обвинения в убийстве или самого по себе вскрытия тела. Кроме того, духовные лица должны были цениться крестьянами и в качестве свидетелей и посредников при ведении дел с официальными органами: сами государственные учреждения способствовали этому, приглашая представителей духовенства быть свидетелями при «прикладстве рук» неграмотными[107].

Была, в конце концов, простая признательность лучшим представителям духовного сословия, чему документальных свидетельств меньше, но это вполне понятно: благодарности вообще пишут реже жалоб, и из этого отнюдь не следует, что все поголовно приходские клирики были пьяницами и взяточниками. Конечно, наиболее способны были растрогаться (до степени послания в Пермь) церковным благолепием «лучшие прихожане» (социальным статусом повыше остальных): именно они сообщили «об отличном усердии и ревности в проповедовании Слова Божия» священника Баранчинского завода Георгия Белозерова[108]. Благодарность остальных прихожан выражалась

иначе: благочинный Константин Матвеев советовал священнической вдове Евфимии Таракановой не просить о переводе ее с детьми на другой приход, так как «покойный муж ее священник Архип в оном селе жил хотя и недолго, но при кротком своем характере обращался с прихожанами хорошо, почему и оставил добрую по себе память, а при сих обстоятельствах она имея зачисленного на диаконском месте сына с приличием и может в известные времена Года выезжать в приход за сбором обычных даяний от прихожан»[109]. В иных случаях прихожане не считали себя обязанными что-либо давать не только «сиротствующим», но и запрещенным[110]: оплата шла только за службу.

* * *

В первой половине XIX в. приходская община продолжала считать себя независимой в решении церковных вопросов, хотя официально она и была лишена права на ведение большей части дел. Приходское духовенство попадало в замкнутый, самодостаточный мир, где положение каждого клирика определялось его личными качествами и степенью соответствия его действий законам этого мира, но главенствующей его роль становилась редко и ненадолго.

2.3 Духовенство в условиях разноконфессионального состава приходской общины

Одним из наиболее существенных факторов, повлиявших на взаимоотношения приходского духовенства и приходской общины, стало проживание на Урале значительного числа ста-

рообрядцев. Формально многие из них входили в состав приходской общины, так как официальная запись в старообрядцы была связана со многими препятствиями. Здесь пойдет речь только об отношении духовенства к староверам, о том, как влияло их присутствие на положение приходского клира; вопрос же об отношении староверов к духовенству слишком обширен, к тому же давно исследуется и уже породил целую литературу[111].

Сложившаяся в XVIII в. практика показывала, что при умелом подходе раскольники могли стать для духовенства дополнительным источником доходов, но, с другой стороны, обнаружение этих доходов властями грозило провинившимся многими серьезными неприятностями. Это положение сохранялось и в XIX в., но реальная картина была, разумеется, сложнее схемы.

Некоторая либерализация позиции правительства по отношению к старообрядчеству в первой четверти XIX в.[112] способствовала распространению староверия в Пермской епархии и росту интереса к нему со стороны православного населения. Радикальные старообрядческие толки могли вызывать негативную реакцию у православных, переход односельчан в старообрядчество или переселение в православный приход пришлых старообрядцев затрагивали материальные интересы общинников, но известны и случаи компромисса ради сохранения единства сакральной деятельности общины[113]. В этих условиях становится возможным и принятие православными некоторых взглядов, поведенческих норм старообрядцев; установить конфессиональную принадлежность того или иного человека становится сложно (благочинный доносит в 1839 г. о кликушах из Уткинской слободы Екатеринбургского уезда, что некоторые из них «читают по

раскольнически молитвы», но позднее все они были приведены к исповеди и причастию[114], единоверческий благочинный доносит, что в с.Беляковском (Камышловский у.) православные погребают умерших на единоверческом кладбище без согласия своего духовенства[115]). Запутанности положения способствовала и тактическая гибкость самих старообрядцев[116]. Подобная недифференцированность была на руку духовенству, которое весьма ловко в нужных случаях подводило под формулировку «подозревается в склонности к расколу» и староверов, и православных. Правда, и эта палка была о двух концах: клир Балаирской церкви (Камышловский у.) вызвал подозрения миссионера (видимо, в вымогательстве) потому, что отказал родственникам в отпетии умершего без исповеди «по причине склонности к расколу» (причем отказ от исповеди был сознательный): «но ежели тот умерший не был настоящий раскольник, да и сродники просят об отпетии: то почему бы не отпеть». В то же время консистория отказала родственникам в отпетии крестьянки Федосьи Буйновой, так как она умерла в беспамятстве и не может считаться присоединившейся из раскола к православию[117].

Нежелательным и опасным представлялось лишь появление фанатично настроенных староверов. В 1820 г. в д.Сысковой (Камышловский у.) появился «лжеучитель» Григорий Рудаков, совершавший «церковные таинства». Под его влиянием многие крестьяне перешли в староверие. Во время одной из служб, проводившихся Рудаковым, местные клирики «отрядили из своей собратии двух причетников, и еще прибавив к ним двух сельских старшин с некоторым числом людей, приказали подслушать и посмотреть, действительно ли у них Богослужение отправляется [...], и лишь только посланные ими причетники с

людьми к тому нарочитому лжеучителя дому явились, внезапно стеклись буйственные раскольники, а именно Потап и Павел Бунковы, Алексей, Матвей, Никифор и Петр Савины, из оного дома, в коем отправлялось Богослужение, выбежали в довольном количестве неизвестные люди с разными смертоносными орудиями, и напали на отряженных причетников, били их бесчеловечно, [...] равно били и некоторых из пришедших крестьян, прочие спаслись от ударов бегством, и попавшись им, священно и церковнослужителям навстречу, советовали возвратиться для того, что буяны хвалились попов разрубить в мелкие части, чего они устрашась и обратились в домы свои»[118]. В данной ситуации староверы изначально были настроены более агрессивно: они выставили дозор из местных крестьян (которые были опознаны пострадавшими), приготовились к отражению нападения. Разумеется, и противная сторона могла быть настроена не столь миролюбиво, как это описывала, но факт остается фактом: они не предприняли никаких активных действий (может быть, не успели), а избиты были — вряд ли это способствовало конфессиональному примирению в общине. В свою очередь православные крестьяне были не прочь ограбить не только старообрядческие, но и единоверческие скиты и монастыри[119].

В таких случаях православные крестьяне были солидарны со своим духовенством, но, возможно, духовные и светские власти уловили потенциальную угрозу, возникавшую в подобных ситуациях. Об этом свидетельствует предписание епископа Иустина благочинным «чтоб строго подтвердили священно- и церковнослужителям о проявляющихся лжеучителях и их пагубных сборищах самим собою в розыск не вмешиваться, а по достоверном о таковых лжеучителях и сборищах узнании сек-

ретно давать знать об оных волостным правлениям и земским полициям, а потом за известие репортовать в духовные правления и к благочинным»[120]. В первую очередь здесь, конечно, проявлена забота о предотвращении физических расправ над духовенством, но текст позволяет сделать предположение, что епископа Иустина волновала также проблема сохранения репутации его подчиненных: в народном сознании духовенство не должно было связываться с полицейскими деяниями, даже направленными против раскольников; гласно клирики могли только «известить» начальство о неприятном факте наличия старообрядцев на их приходе. К сожалению, связь с полицией остаться неизвестной не могла, а само духовенство частенько подвергалось искушению применить к старообрядцам не только устное увещание. В своем прошении на имя Николая I старообрядец Тимофей Благинин жаловался на нападение священника с прихожанами на его дом в ночь на Пасху, причем указывал, что они «по крайней мере не должны поступать самопроизвольно без содействия земской полиции»[121].

При Иустине были открыты единоверческие приходы в Екатеринбурге и Бымовском заводе (Осинский у.), но в этот период старообрядцы надеялись на уступки со стороны правительства, и единоверие не получило распространения. По настоящему широко борьба с расколом и насаждение единоверия развернулись при Аркадии, который и известен в основном благодаря своей антистарообрядческой деятельности. Наиболее значимыми этапами организованной борьбы со старовериem стало учреждение в 1828 г. Пермской духовной миссии для обращения раскольников в православие, учреждение в 1833 г. Екатеринбургского викариатства, издание Синодом Устава ду-

ховных консисторий (1841 г.), в котором рассматривались и обязанности священников, в приходах которых есть староверы. В 1845 г. в Екатеринбурге был создан Секретный совещательный комитет о раскольниках, в состав которого вошли викарный епископ, главный начальник горных заводов и горный начальник екатеринбургских заводов[122].

В 1834 г. Синод разрешил по просьбе Аркадия изъять миссионерские дела по Пермской епархии из ведения консистории и поручил их непосредственному епископскому рассмотрению. Аркадий аргументировал свое предложение тем, что в этом случае дела будут решаться быстрее и с соблюдением «тайны»[123], но, очевидно, он добивался и усиления своей власти в епархии.

При Аркадии стало характерным вмешательство церкви в дела светских властей и частных лиц под предлогом борьбы с расколом. В 1832 г. императором было запрещено определять старообрядцев на общественные должности там, где есть православные — сделано это было по представлению Аркадия. В 1847 г. император запретил «по частным горным заводам определять раскольников в должности с правом начальства или власти соединенные»[124]. Но еще в 1835 г. миссионер Дьяконов в «Начертании правил для приходских священников в приходах коих есть раскольники», просмотренных и дополненных епископом Екатеринбургским Евлампием[125], требовал: «В частных заводах, где управляющие или приказчики и другие должностные лица заражены недугом раскола приходские священники должны наблюдать не употребляют ли они противузаконных мер к поддержанию раскола например: чрез тайные но тем не менее жестокие притеснения православных чрез угнетение обращаю-

щихся из раскола к Св. Церкви чрез определение в заводские должности преимущественно раскольников под предлогом большой способности таковых к должностям или больших заслуг». «Для разведывания [...] обстоятельств священник под рукою может с успехом употреблять иногда кого либо из своих прихожан человека искусного, благоразумного, скромного и при том испытанной верности»[126].

Кроме того, духовенство должно было не только сообщать о числе раскольников на приходе, о наличии часовен и скитов, проведении праздников и появлении расколоучителей, не живущих в данной местности, но и регулярно отчитываться о тех мерах, которые были приняты как для предотвращения перехода в раскол, так и для обращения раскольников в православие. Для этого рекомендовалось проводить беседы с грамотными раскольниками об их книгах, самим приобретать литературу о борьбе с расколом и староверческие издания (причем отмечается, что, поскольку последние слишком дороги для многих священников, то разрешается их приобретать не на собственные, а на церковные деньги). Благочинные при объезде своих округов должны были проверять наличие книг (читают ли их священники и понимают ли их содержание), а также всю многочисленную документацию, связанную с раскольниками. С пожелавшего обратиться бралась подписка в том, что он состоял в расколе, которая подтверждалась светскими властями. Новообращенный находился под постоянным контролем приходского священника, от чего остальные прихожане были избавлены. Инструкция требовала доносить о православных, которые выражали жалость к чересчур рьяно обращаемым раскольникам или протестовали против методов этого обращения[127].

С другой стороны, и светские лица, активно занимавшиеся обращением старообрядцев, пользовались теперь заметным влиянием на дела духовенства. Поскольку духовенству массовое обращение старообрядцев было невыгодно, то занимались им в основном именно светские должностные лица[128], а потому мнение о том или ином клирике управляющего строгановскими имениями Л.И.Ослаповского или управляющего алапаевскими заводами В.Н.Савина весьма много значило для Аркадия. Савин, крепостной Яковлевых, обращался к архиепископу даже с предложениями о снятии благочинической должности со священника, который не успевает из-за нее заниматься с детьми в заводской школе. В его просьбах всегда выступают на первый план соображения о пользе заводов (он, например, отказался снять с должности конторщиков, подозреваемых в «склонности к расколу»), но вообще местное духовенство не могло с ним не считаться[129].

Наличие староверов стало влиять на распределение приходов. Миссионер Оглоблин просил перевести д.Шипунову Пышминского прихода, «зараженную расколом», из прихода священника Константина Никифорова, который «довольно простоват», в приход второго священника Гавриила Тарарина, который «больше читал книг и гораздо деятельнее». Из отведенной же Тарарину части прихода предлагалось деревень не отбирать, так как «раскольники могут прибавить больше только заботы, нежели выгод»[130]. Последнее утверждение представляется спорным. Миссионер С.Луканин в 1882 г. свидетельствовал: «В былое время эти приходы [где проживали старообрядцы — А.М.] были у консистории на особом счету и доставались не просто каждо-

му встретившемуся, но с великим выбором, только счастливому или ближайшему родственнику»[131].

Впрочем, забот староверы действительно приносили немало[132]. Неприятным сюрпризом для духовенства должно было стать решение Синода (1836 г.) о распространении на все епархии, в которых проживали старообрядцы «Правил касательно первоначального обучения поселянских детей в Олонецкой епархии». Обучение должно было производиться в пределах программы приходского училища светского ведомства. Учителя назначались из православного духовенства, платы им за преподавание не полагалось. Уроки, кроме того, должны были проходить в домах приходских клириков. Дети староверов принимались на достаточно мягких условиях: они могли при желании обучаться по старопечатным книгам, наставникам запрещалось «смущать» детей и их родителей «жестокими укоризнами против раскола», хотя, разумеется, предполагалось привитие ученикам уважительного отношения к православной церкви. Пермская духовная консистория, рассылая этот указ, потребовала от приходского духовенства сообщить о возможности открытия подобных училищ, а в случае отказа клира от заведения школы — объяснения причин[133].

Такие школы распространялись в Пермской епархии и до указа. В Государственном архиве Пермской области хранится рапорт благочинного Ивана Топоркова за 1835 г. о школе Юго-Кнауфского завода (существовала с 1830 г.) В школе преподавали местный священник (закон Божий и Священную историю) и два старообрядца (предметы светского характера). Программа была весьма обширна, включала как теоретические, так и практические предметы. Обучались дети православных, еди-

новерцев и, в основном, староверов. После смены управляющего заводом священнику перестали выплачивать жалование, хотя другим учителям его сохранили. В деле есть сведения еще о пяти училищах. Видимо, будущий указ уже обсуждался: благочинный сообщает, что подобные училища необходимо создать еще при двух частных заводах[134].

Наверняка не доставляло радости приходскому духовенству и открытие единоверческих приходов. Только значительным материальным ущербом можно объяснить ту вражду между православным и единоверческим духовенством, следы которой встречаются в документах. В 1832 г. Аркадий требовал внушать приходским священникам «чтоб они не стесняли свободу единоверческих священников в исправлении треб»[135].

Из наличия «заблудших» православное духовенство попрежнему старалось извлекать выгоды. Все еще практиковалась запись старообрядцев исповедавшимися и причастившимися[136]. Священник Беляковской слободы Евсевий Осипов в 1832 г. был оштрафован 10 рублями за отпетие умершей без исповеди крестьянки, а позднее подозревался в сокрытии сведений о погребении крестьянином Егором Шараповым своего младенца без отпетия[137]. В 1834 г. миссионер протоиерей Иван Попов жаловался на «допущение некоторыми приходскими священниками беспорядков в исправлении треб у раскольников без присоединения их к церкви»[138]. Придумывали обходные пути и сами старообрядцы. Священник села Грязновского Андрей Гуляев отделался выговором с подпискою за то, что дал крестьянину Василию Коровякову справку о том, что тот исповедовался и причастился у него, когда приезжал в Грязновское «по винным откупам». В документе не было подписей диакона и причетни-

ков (Коровякову нужна была такая справка для вступления в брак: видимо, его приходской священник оказался более принципиальным, чем грязновский)[139]. В 1842 г. Синод вообще запретил выдавать подобные документы подозревавшимся в расколе[140].

Некоторые представители духовенства пытались выдвинуться, зарекомендовав себя ярыми борцами с расколом. В 1837 г. Аркадий был вынужден в связи с жалобами напоминать о необходимости «обращаться с паствою своею осторожно, а особенно с раскольниками»[141]. Результатом чрезмерного усердия стали жалобы на насильственное присоединение к единоверию[142], присоединившиеся к единоверию по-прежнему уклонялись от участия в церковных обрядах[143]. В конце концов Аркадий был обвинен в завышении числа присоединившихся к единоверию, что и стало одной из причин его удаления с пермской кафедры[144].

Как уже было сказано, единоверцы имели право сами выбирать для себя клириков. Это определило довольно сильную «разношерстность» в составе единоверческого духовенства. Достаточно показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в первой единоверческой церкви епархии — Спасской г.Екатеринбурга. Первоначально в ней служили два священника: православный Смородинцев и беглый Жданов, причем Смородинцев вскоре попросил вернуть его на православный приход, поскольку прихожане фактически полностью отстранили его от служб, предпочитая «исправленного» на Иргизе Жданова. Просил Смородинцева уйти из церкви и основатель единоверческого прихода купец Я.Ф.Толстиков. По-видимому, приглашением православного священника единоверцы хотели лишь «при-

крыть» беглопоповский характер своей общины, но оставить при церкви одного Жданова им не удалось: Иустин велел Толстикову найти нового православного священника на место Смородинцева. Примечательно как Толстиков объяснял желание Смородинцева уйти от единоверцев: он, якобы, уходил только потому, что «со стороны ближайших его родственников и своей собратии священников и прочих церковнослужителей [...] остается в поношении и презрении за поступление его к старообрядческой церкви». В поисках покладистого православного священника екатеринбургские единоверцы обращались даже в соседние епархии. В 1810 г. к ним согласился перейти священник Павел Попов из Чердынского уезда, но у него оказался настолько скверный характер, что уже через год единоверцы, смирившиеся с тем, что без православного священника их не оставят, умоляли вернуть к их церкви Смородинцева, который как будто и сам был непрочь вернуться, но его удерживала жена. Попова изгоняли и принимали снова, потому что не могли найти второго священника, хотя материальное положение причта Спасской церкви наверняка было вполне удовлетворительно. В отличие от будущих «аркадиевских» приходов, этот создавался добровольно и вполне обдуманно, поэтому прихожане проявляли заботу о клириках. В 1811 г. Толстиков просил Иустина определить к хорошему учителю сына Жданова, которого они хотят определить к себе диаконом, но он пока плохо читает, а потому «при нынешнем его знании, он у нас диаконом никак быть не может»[145].

Постепенно нужда делала православное духовенство менее щепетильным, и единоверческим приходам легче удавалось найти себе клириков, хотя и в это время не все могли подавить

в себе внутреннее сопротивление: появляются семьи клириков, служивших у единоверцев, — видимо, остальное духовенство относилось к ним все-таки несколько презрительно, и они были вынуждены замыкаться в своей среде[146]. Но и тогда рядом с православными служили и «переманивали» к себе прихожан для требоисправления согласившиеся на переход в единоверие беглые священники вроде Григория Матвеева, Логина Татищева и знаменитого Парамона Лебедева[147]. Совершенный конфуз произошел после смерти Андрея Жданова: оказалось, что покойный вовсе не имел ставленной грамоты на сан священника, а лишь одно «иргизское наставление»[148], т.е. формально так и не стал православным священником.

Нежелание православного духовенства служить на единоверческих приходах могло объясняться и теми требованиями, которые вчерашние староверы предъявляли к своим пастырям. Для большей убедительности эти требования могли быть изложены и письменно: «Богом определенный нам и Архиепископом Отец Петр. Мы соизволили написать Вам сие и просим Вас не оставить нас. Господа ради сделай нам душевное спасение и без печали сие нижеписанное оставь;

1. К Великороссийским священникам к Петру и Павлу не ходи ни езди Ликоватца, и с нашими причетниками, им за ето был выговор.

2. Молись Господу Богу не по прежнему а таким образом перво перекрестись истово тожно кланяйся достойну говори нескоро и внимательно кади такожде не торопись и пониже кланяйся.

3. Ходи по улице не скоро не борзяся с тросью. Жалко вас один раз махал да махал тросью чють не упал ваш долг тре-

бует ходить тихо скромно учливо. Зри как ходит Протопоп а вам следует и еще скромнее;

4. Супруге своей благоволи дать свой приказ о кресте как сам крестишься так чтобы и она а не шолотью, о платье тож носила бы постепеннее и да вам желаем ходить а особенно в сей пост в Кавтанчик как Отец Наш Логин а сибирочку носить не ныне в чесовню не годитца а послее где следует но по за неимению всие это ладно.

5. Есть ли куда Вас потребуют с требами и за требы не проси и не завиствуй ничем а сколько кто пожалует. Богатой много а нужной мало и так дели пополам а не так как деревенски попы чего захватил у крестьянина то и потащил.

6. Молись Господу Богу у престолу назать не оглядывайся часто временно, а стой как пред Тлеющим Царем стоят Чиновники и другие, а колми паче надо стоять, пред Царем Небесным.

7. Особенно надо вам нынее заслуживать кротостию и смирением от людей честь и похвалу, а от Господа Бога душевного спасения, и как на твое смирение будут старообрядцы приходить вновь и умножи свое стадо овец спасай и спасайся; Господа Бога спаси нас и сам себя: Пожалуйства не сердись на нас Зде написахом и огню сожги сие Ваши доброжелатели и покорные слуги все кто ходит к вам молитца»[149].

Единоверческие приходы были бедны. Даже прихожане Спасской церкви в 1840 г. были вынуждены просить оставить при их церкви одного священника «за отсутствием средств»[150]. Аркадий предупреждал миссионеров о нежелательности назначать к единоверцам многосемейных[151]. В 1845 г. Синод был вынужден признать право приходского управления имуществами

и доходами единоверческих церквей[152]. Действительно, странно было бы требовать с единоверцев отсылки своих денег на поддержание православных церквей. И до выхода этого указа единоверческие старосты безнаказанно устанавливали более низкие цены на церковные товары[153], чтобы привлечь к себе покупателей из числа православных. Тем не менее, поправить свое финансовое положение единоверческим приходам было сложно. Откровенный цинизм многих единоверческих клириков еще сильнее отталкивал от церкви прихожан, которые и так в большинстве своем были загнаны в единоверие вопреки собственному желанию.

Противодействие староверов способно было объединить общину вокруг приходского духовенства, но это было объединение с негативными целями. Основным направлением церковной политики по отношению к старообрядчеству стала не проповедь православия, а надзор за старообрядцами и православными — «Начертание правил» достаточно ясно свидетельствует об этом, а потому, несмотря на все призывы, власти не могли разрядить сложившуюся на местах напряженную обстановку.

В борьбе со старообрядчеством наиболее зримо проявлялась навязанная духовенству полицейская функция (по доставлении реестров о небывших у исповеди консистория требовала «побуждения» к исповеди «чрез местные полиции»)[154]. Нагнетанию обстановки на приходах способствовало и создание единоверческих приходов, что задевало материальные интересы общинников и православного духовенства: единоверческие приходы забирали общинную землю и лишали православный клир скрытых доходов. В то же время, лишь немногие единоверческие приходы обладали возможностью разбогатеть легальным путем:

насильственно загоняемые в единоверие старообрядцы оставались равнодушны к церкви, так что и здесь основная надежда была на желающих «откупиться» от навязываемой обрядности. С другой стороны, распространение единоверия на Урале снизило остроту «кадровой проблемы» в духовном сословии: происходил отток «излишков», причем в связи с неустойчивым материальным положением единоверческих приходов сюда в основном попадали именно «лишние» представители сословия, не имевшие надежды сделать карьеру в православной церкви. Процесс выхода из сословия замедлился, но сословие от этого не выиграло.

2.4 Роль приходского духовенства в сакральном мире крестьянской общины

Взаимоотношения между духовенством и крестьянством на Урале в первой половине XIX в. невозможно понять, если не принимать во внимание один вневременной, внерегиональный (и внеконфессиональный) фактор: роль духовенства в сакральном микрокосме традиционного общества. Собственно говоря, любая специализация в деревенском мире вызывает к себе суеверное отношение: кузнец, мельник, пастух и священник наделяются в представлении своих односельчан мистическими свойствами. Священник в этом отношении — наиболее подходящая фигура, ибо связан с иными мирами не опосредованно, а по самому роду своей деятельности. Он является медиатором между мирами, переводя человека из одного мира в другой посредством церковных таинств. При всей важности внецерков-

ных обрядов, лишь крещение вводит человека в мир живых (а подлинно живые с точки зрения христианина — лишь христиане), и лишь отпевание уводит его в мир мертвых, и уж естественно только причащение способно поднять его на время в сферу божественного. От правильности действий клирика зависит чистота этого мира, безопасность и защищенность от мира неживых. С этой точки зрения вполне естественным было желание иметь хорошего, знающего священника. Одним из признаков соответствия священника идеалу были частые церковные службы[155] (кроме того, должно же было духовенство «отрабатывать» общине за полученный от нее хлеб). Ценилась исключительно внешняя сторона службы. В письме от 30 сентября 1840 г. епископ Анатолий жаловался Аркадию: «Мое появление в Екатеринбурге, как Ваше Высокопреосвященство и предсказывали, сделалось уже источником некоторых толков. Уже подметили во мне три греха: первый, что во время чтения часов на служении я сидел; второй, что я не с такою расстановкою и приговариванием благословляю, как Эвлампий, и третий, что в первое мое служение я скоро вышел из Церкви, не дав в частности каждому благословения»[156]. То, что прихожане придавали особое значение «правильности» и красоте богослужения, приводило к заметному повышению роли причетников, диаконов, певчих[157].

Позитивная функция духовенства делала его необходимым для общины. Но, с другой стороны, служа проводником между мирами, духовенство само несло отпечаток этих миров и было поэтому опасным для остальных людей. Целый комплекс пословиц, примет говорит об опасности, исходящей от духовных лиц, об их связи с неживым. Введение священника как действу-

ющего лица во внецерковную обрядность также зачастую объяснялось его функциями проводника в мир мертвых. Как всякий медиатор, священник в восприятии общины — маргинал, этим объясняется достаточно терпимое отношение к «антиобщественным» поступкам клириков, восприятие пьянства духовных лиц как ритуального порока. Совместная выпивка со священником могла быть предметом крестьянской гордости[158] (кстати, одна из причин распространения пьянства среди «духовных» — истовое потчивание их прихожанами). Нельзя, конечно, сказать, что только пьяный поп воспринимался крестьянами как «соответствующий должности», но ничего ненормального они в подобном пастыре, в общем-то, не видели и подавали жалобы только на тех, кто не только пил, но и вымогал деньги и плохо исполнял обряды[159].

Односторонность связи община — духовенство проявилась и в том, что сельские клирики могли рассчитывать на общинную «помочь» (на это указывают воспоминания архимандрита Антонина[160]), тогда как случаи приглашения духовенства на подобные работы в просмотренной этнографической литературе не отмечены.

Неоднозначность отношения крестьян к духовенству усиливалась еще и тем обстоятельством, что в общине продолжали существовать многочисленные обряды языческого происхождения, и духовенство обязано было выразить к этому свое отрицательное отношение. В большинстве случаев удавалось находить компромиссное решение. Так, распоряжением епископа Иустина по епархии было приказано «чтоб в случае трудных родов [...] священники не отворяли по заказу на некоторое время царских дверей, но лучше внушали бы прихожанам отслужить

в этом случае молебен Захарии и Елизавете, причем по чину службы отворены были бы и царские двери»[161]. В 1834 г. благочинный Иван Владимиров рапортовал консистории, что в селе Белослудском он вынужден был «рассыпать» «близ церкви хоровод девок песни поющих и пляшущих с молодыми мужиками», причем он «не мог не приметить огорчения их на него за то его вступательство и ропот, якобы он не должен мешать им в играх издревне уже заведенных будто бы на том самом месте»[162]. В общем-то и в данном случае консистория приняла достаточно осторожное решение: не запрещая проведения народных обрядовых действий (а хороводы носили отчасти и обрядовый характер[163], и место их проведения тоже имело значение), просила светские власти о наблюдении, «дабы близ церкви и часовен подобных [...] сборищ крестьянских из мужчин и женщин состоящих и сопровождаемых разными неприличиями ни под каким видом терпимо не было, а равно чтоб проходящие и проезжающие мимо Св.Церквей мужчины и женщины всякого возраста сохраняли благоприличие и в образе поступков своих должное уважение к святости места»[164]. Интересно здесь и различное отношение духовенства к народным обычаям: если белослудский клир равнодушно относился к «играм» близ церкви, то о подобных случаях на других приходах благочинному стало известно от духовенства приходских церквей, значит, они жаловались на «неприличия».

Иногда переходили от жалоб и к более активным действиям. Так, священник из Богородской волости Пермского уезда в 1844 г. спилил ель, около которой устраивалось народное гуляние, целью которого было увеличение будущего урожая. «Его же [священника — А.М.] побудило к этому то, что он, принимая все

нужные меры к прекращению этого непозволенного сборища, не предвидел к тому желаемого успеха»[165]. После перевода этого священника с прихода гуляния возобновились, и количество участвующих в них сократилось только тогда, когда пожилые староверы перестали отпускать на них своих детей[166].

Чем объяснить случаи равнодушного отношения приходского клира к обрядам языческого происхождения? Тем, что многие из них уже очень тесно переплелись с христианскими? Даже гуляние в Богородской волости было ориентировано на церковный календарь: оно проводилось «во вторник на первой неделе после Пасхи Христовой»[167]. Целый комплекс примет и поверий сопровождал крещение, венчание и отпевание, зачастую духовенство приглашалось на свадьбы и поминки в дома прихожан, принимало (а иногда и вымогало[168]) обрядные дары. Духовенство прекрасно понимало, что крестьяне ценят в христианстве прежде всего обрядовую сторону, которой придают магическое значение. Благочинный Яковнин, например, сообщал, что в его округе «прихожане хотя во многих местах довольно усердны к Церкви, но вообще недостаточно понимают истины Веры и Христианского Благочестия»[169]. Возможно, терпимость клира объяснялась и нежеланием причинить «огорчения» и вызвать «ропот» прихожан, от которых духовенство зависело материально.

В случаях более сложных, нежели «хороводы», оно и само могло оказаться не без греха. Несмотря на даваемые раз в полгода, в соответствии с Духовным Регламентом[170], подписки в том, что на приходе «ни кликуш ни ханжей ни притворноюродствующих [...] ни ложных чудес [...] усмотрено не было»[171], не всегда пастыри и паства жили в такой тиши и благодати. Достигали

обходными путями ушей начальства неприятные слухи, например, о явлении малолетним девочкам в деревне Мясниковой Камышловского уезда иконы Богородицы и о служении местным духовенством молебнов на этом месте. Следствие велось Пермской палатой уголовного суда, но клир приходской церкви был от него освобожден, так как показывал, что молебен служился не в честь якобы явившейся иконы, а по случаю холода, угрожавшего посевам. Священник даже признался, что его просили отслужить молебен иконе, но он отказался. «Оставлен в подозрении» был только дьячок Алексей Некрасов, приходивший на место явления иконы с дочерьми (уверявшими, что видят икону) и якобы читавший перед ней молитвы, хотя он объяснял, что пришел только из любопытства, а книгу принес не для чтения молитв, а для того, чтобы неграмотные девочки попытались найти в ней надпись, которую они видели на иконе[172]. И все-таки выбор места для проведения молебна внушает подозрения.

В 1839 г. благочинный священник Дмитрий Флоровский выступал против «средств», которые врачебная комиссия применяла для лечения кликуш в Уткинской слободе (Екатеринбургский у.). По мнению благочинного, среди последних были как притворщицы, так и истинно одержимые, на которых навели порчу местные колдуньи[173]. При всей его осторожности, благочинный сильно рисковал, особенно признавая силу колдуний, хотя единомышленники у него оказались и в Екатеринбургском духовном правлении, куда он послал свой рапорт[174]. Судя по последним сохранившимся документам этого дела, благочинному дали понять, что от него ожидают более просвещенных взглядов, зато и рапорты его стали гораздо суше[175].

Таким образом, на отношение приходского духовенства к народным обрядам и обычаям (а, следовательно, и на взаимоотношения между клиром и прихожанами) во многом повлияло давление, оказываемое на него епархиальными властями, в то время как само духовенство чаще всего не только было согласно смотреть сквозь пальцы на проявления «суеверия», но и само присоединялось к поклонению «ложным чудесам».

Сами «слабости» духовенства поневоле включали его в сакральную жизнь общины. Но, независимо от отношения клирика к проявлениям мифологического сознания, роль его в общине была двойственной: он вызывал подозрения либо как нарушитель правил ритуальной жизни, либо как медиатор. Положение духовенства в общине определялось двумя факторами: с одной стороны — это жизненно необходимые ей хранители сакральной чистоты социума, с другой — опасные для этой же чистоты фигуры. В любом случае они несут на себе печать отчуждения, асоциальности, маргинальности. Это «родимое пятно» не стирается даже у тех, кто сознательно покинул духовное сословие, маргинальное мировосприятие они принесут и в другие социальные группы.

2.5 Духовенство как проводник культурно-просветительской политики правительства

В 1842 г. указом министра государственных имуществ в государственной деревне были учреждены приходские училища, а на деле в них преобразовывались уже существовавшие сельские училища для обучения крестьянских мальчиков, кото-

рые готовили кадры для органов крестьянского самоуправления. Преобразование должно было расширить контингент учащихся, духовенству было приказано «сколь можно поощрять поселян к обучению своих детей». В Пермской губернии накануне преобразования существовало 25 сельских училищ и два — в г.Ирбите. Предполагалось открыть еще два — в селах Куяровском и Никольском[176].

Программа преподавания регламентировалась уставом светской школы 1828 г.[177] и включала чтение, письмо, первые действия арифметики и Закон Божий[178]. Реальный объем преподавания часто зависел от учителя[179]. Учителями назначались священнослужители, их помощниками — диакона, причетники (чаще всего) или окончившие курс семинаристы, еще не получившие места при церкви. Министерство государственных имуществ выделяло в год на каждое училище следующее содержание: жалование учителю — 85 руб. серебром, помощнику — 75 руб., сторожу — 17 руб. 50 коп., на учебные пособия — 27 руб. 50 коп., и на помещение — 45 руб. Помощники могли получать жалование только тогда, когда в училище было более 50-ти учеников. Да и прожить на жалование помощника было невозможно не имеющему церковной должности выпускнику семинарии[180].

В 1848 г. Камышловский окружной начальник доносил Пермской палате государственных имуществ о плохом состоянии местных приходских училищ. В названных им обучалось от 2 до 7 мальчиков. Уровень обучения был очень низким, многие родители из-за этого забрали детей до окончания учебы. При этом он отмечал не только субъективные причины отставания (неспособность назначенных наставников к преподаванию: родители учеников в Тамакульском училище желали, чтобы учите-

лем вместо священника Ивана Правдухина был назначен священник Василий Чирков; незаинтересованность некоторых наставников в качественном ведении занятий из-за небольшого жалования — видимо, требы давали более высокий доход), но и объективные: многие священники не успевали заниматься с учениками вследствие своей загруженности приходскими делами[181]. В связи с этим в приходской школе государственной деревни распространилась практика назначения выпускников семинарии не помощниками, а учителями[182]. В том же 1848 г. клир с.Юрмытского просто отказался от обучения мальчиков бесплатно[183] (на таких условиях училища существовали там, где проживало большое число старообрядцев — см. выше).

В то же время некоторые клирики соглашались не только открыть «внеплановое» училище, но и бесплатно преподавать в нем. Это священники Александр Филиппов, открывший училище в с.Уетском[184], Иван Удинцов, получавший архиерейские благословения за обучение заводских детей в 1847 и 1854 гг. (в 1863 г. получил благословение Синода) [185], Михаил Пепеляев (с.Осинская Дуброва)[186], диакон Никанор Меморский, при котором в Батуринском селе обучалось более ста учеников, а после его смерти их число сократилось до 17 (получал благословение Синода)[187], пономарь Николай Белозоров, получивший денежную награду за десятилетнее безвозмездное преподавание в школе Баранчинского завода от главного начальника горных заводов Уральского хребта В.А.Глинки[188].

Хотя официально контроль за училищами принадлежал министерству государственных имуществ[189], епархиальные власти следили за их деятельностью, благочинные должны были доносить об их состоянии раз в полгода[190], принадлежность к

штату училища могла существенно повлиять на карьеру[191]. Жалование было, конечно, прибавкой к общему доходу, но его незначительность не могла побудить духовенство уделять школе должное внимание и время. Должность преподавателя ставила священнослужителей под дополнительный надзор и еще сильнее ограничивала свободу передвижения, и без того стесненную указом от 22 марта 1800 г. В 1845 г. Аркадий «напоминал» благочинным, чтобы «учителей Сельских училищ от мест их жительства никакими поручениями не отвлекали»[192]. В 1849 г. Синод постановил, что наставники приходских училищ должны были испрашивать разрешение на отлучку на неделю от благочинного, а более недели — от епархиального начальства с предварительного согласия местного управления государственных имуществ[193]. В 1847 г. в государственной деревне Пермской губернии было 45 приходских училищ[194], но состояние многих из них было плачевно. Приходские училища изначально не пользовались популярностью у крестьян, родители забирали детей до окончания курса обучения, предпочитая приобщать их к ведению хозяйства[195]. В 1850 г. министерство признало состояние школьного дела в Пермской губернии «исполненным недостатков»[196].

Помимо сельских приходских школ, духовенство занималось преподаванием и в других учебных заведениях. Клирики церквей, получавших содержание от казенных горных заводов, обязаны были преподавать в заводских школах, причем дни проведения занятий устанавливались светскими, а не духовными органами[197] — заводские власти вообще не слишком церемонились со «своим» духовенством.

В 1834 г. Синод утвердил правила, на основании которых духовенство могло заниматься преподаванием в частных домах. Без особого предварительного испытания могли заниматься преподаванием всех предметов, по которым они сами были аттестованы, священнослужители, окончившие семинарский курс. Священнослужители, не окончившие семинарского курса, могли обучать только чтению, письму, арифметике и Катехизису. Этим же предметам могли обучать и причетники, но после экзамена в семинарском правлении или в специально собранной комиссий духовных лиц[198]. На практике получение подобного разрешения могло способствовать продвижению причетника по служебной лестнице. Так, стал священником в 40-х гг. благодаря преподаванию в частных домах г.Чердынь и в сельском приходском училище причетник Яков Мальфин, окончивший лишь низшее отделение Пермской семинарии[199].

Сфера образования должна была представляться духовенству одним из наиболее перспективных путей выхода из сословия, но воспользоваться им мог лишь узкий контингент выпускников старших классов семинарии, поскольку окончившие академию долгое время не имели возможности покинуть сословие, а сложившие с себя сан священнослужители по приказу министра народного просвещения с 1838 г. не допускались «ни к каким должностям при заведениях Министерства»[200]. Уровень же образования причетников, как правило, не давал им возможности заниматься преподаванием.

Политика Протасова и Киселева по превращению духовенства в «универсального просветителя» нашла свое выражение и в распространении (обязательном) среди приходских свя-

щенников специально изданных «Врачебных наставлений для государственных крестьян»[201].

Через духовенство распространялись и все правительственные указы, направленные на борьбу с эпидемиями. Наиболее заметным было участие приходского духовенства в мероприятиях по оспопрививанию. Первый указ Синода, которым предписывалось духовенству внушать прихожанам пользу прививок, был издан в 1804 г.[202] В 1809 г. по Пермской епархии было распространено написанное епископом Иустином «Увещание о прививании оспы». В нем говорилось и о распространенности оспопрививания в губернии (не прививали оспу в Осинском, Оханском, Красноуфимском и Кунгурском уездах). В качестве же примера для подражания приводилось с.Красногорское (Верхотурский у.), где оспа привита была всем детям после того, как священник Стефан Земляницын разрешил привить ее своим детям, причем прихожане присутствовали при операции. Священник по прошению Иустина был награжден скуфьею, после чего примеру Земляницына последовали многие другие клирики, но добиться столь же впечатляющих результатов им не удалось[203].

Иногда и само духовенство старалось уклониться от прививания своим детям оспы, и в 1843 г. с родителей, отправляющих детей в духовные училища, бралась подписка, что они заблаговременно сделают им прививки[204].

В 1853 г. в связи с угрозой возникновения эпидемии холеры светские власти обратились в консисторию с просьбой «чтобы в тех городах, селениях и заводах где как скоро появится холера, Духовенство отправляло в церквах установленные молебствия о прекращении болезни и сверх того внушали бы про-

стому народу с амвона разосланные при № 30-м Губернских ведомостей наставления [...] о том, чем можно предохранить себя от холеры и в чем состоят первоначальные пособия»[205]. По случаю распространения холеры в Екатеринбурге был создан специальный медицинский комитет, куда был приглашен и представитель Екатеринбургского духовного правления[206].

* * *

Изначально существовавшая двойственность положения приходского духовенства в приходской общине усилилась благодаря превращению духовенства в государственное сословие и возросшему давлению государства на традиционную общину, однако опыт XVIII в. показывал, что полностью разорвать связь между народом и духовенством невозможно, поэтому в первой половине XIX в. правительство переходит к новой тактике, пытаясь использовать уже сложившуюся ситуацию в своих целях. Наиболее значимой была попытка «вклинивания» государства в поземельные отношения сословий. Отвод земли к церкви прихожанами на основе устного соглашения был заменен обязательным отводом во время проведения Генерального межевания, но добиться при этом четкого юридического оформления новых соглашений государству не удалось (существенную роль в этом неуспехе сыграла невыдача документов на отведенную землю, что давало возможность прихожанам оспаривать законность этого акта и затягивать заключение с клиром нового договора). Клир сельских и заводских приходов оставался в материальной зависимости от приходской общины, которая продолжала считать себя независимой в решении вопросов, связанных с ее церковью. Чуть ли не единственной областью, в которой

община безусловно признавала приоритет духовенства, была собственно сакральная, но если противодействие старообрядцам сплачивало православную общину вокруг приходского духовенства, то попытка вмешательства клира во внецерковную народную обрядность могла привести к скрытому конфликту. Само духовенство часто оказывалось более восприимчиво к народным верованиям, чем к официальной «науке», что не было учтено государством при проведении своей культурной политики. Основной причиной неудачи правительства в этом направлении стало возложение на клириков обязанностей, к которым они не были подготовлены, и которые отнимали у них время, необходимое для собственно церковной деятельности. Более эффективным могло быть использование представителей духовенства в качестве помощников специалистов, освящающих их деятельность авторитетом церкви. Попытки правительства использовать двойную зависимость приходского духовенства от духовных и светских властей с одной стороны, и от прихожан — с другой, привело лишь к подчеркиванию, выявлению противоречивости положения духовенства в социальной структуре Российского государства (разумеется, правительство хотело использовать не зависимость, а связь клира с прихожанами, но на деле эта связь зачастую обращалась именно зависимостью). В результате в первой половине XIX в. усиливаются черты маргинальности в сознании и поведении духовенства, а также в восприятии его другими слоями общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С.258.

[2]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.76–76 об.

[3]Там же. Л.156–156 об.

[4]Доброклонский А. Указ. соч. С.179–181.

[5]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.424. Л.76, 102.

[6]Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда//ЕЕВ, 1893. С.1244.

[7]Знаменательно, что формулируя идеал духовного лица, соответствие которому должен был засвидетельствовать приходской «выбор», Духовный регламент делает это исключительно через отрицание [...]: «Приходящий ставленник да имеет в доношении известное от прихожан свидетельство, что его знают быть доброго человека, а имянно: не пияницу, в домостроении своем не ленивого, не клеветника, не сварлива, не любодийцу, ни бийцу, в воровстве и обманстве не обличенного» (Зольникова Н.Д. Сибирская... С.166).

[8]ПСП(П). С.139, 155–156. Руга — плата духовенству. Обычно производилась хлебом, но иногда в источниках встречается выражение «денежная руга».

[9]ПСП(П). С.156.

[10]ПСП(П). С.387 (Указ от 6 декабря 1829 г. «Об усилении вящщих способов к образованию духовного юношества и к обеспечению причтов в безбедном содержании»). См. также: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.867–867 об.

[11]Рункевич С.Г. Указ. соч. С.77.

[12]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.420.

[13]Там же. Л.74.

[14]Там же. Л.192.

[15]Там же. Л.188.

[16]Там же. Л.2, 14.

[17]Там же. Д.430.

[18]ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.417. Л.214.

[19]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.415.

[20]Там же. Д.428. Л.22б.

[21]Там же.Д.415.

[22]Там же. Д.424.

[23]Там же. Д.513.

[24]Там же. Д.506.

[25]Там же. Д.499. См. также: Ф.251. Оп.1. Д.80: из 15 причтов Пышминского благочиния Камышловского уезда в 1843 г. 5 пользовались землею сами и руги не получали, 2 — пользовались частью отведенной земли и получали вольную ругу, 4 — получали рядную ругу, 4 — вольную. Документы на землю имелись лишь при одной церкви (л.3), у другой они были изъяты

землемером в 1838 г. (л.1). Сенокосами могли пользоваться и те причты, которые отдали пашенную землю прихожанам за ругу.

[26]Там же. Ф.6, Оп.2. Д.499. Л.85 об.

[27]Там же. Д.492.

[28]Ашихмин И. Юрмытское село, Камышловского уезда, — в этнографическом отношении//ПЕВ, 1883. С.98. см. также: К биографии преосвященных Иоанна и Аркадия, епископов Пермских//ЕЕВ, 1899. С.101–102.

[29]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.287 об.

[30]Там же. Д.24. Л.183–183об. Д.52. Л.91. Ф.6. Оп.2. Д.513. Л.87.

[31]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.41–42об. Д.102. Л.70–70об.

[32]Там же. Д.58. Л.246.

[33]Там же. Д.98. Л.79–79об.

[34]Там же. Д.14. Л.225. Д.24. Л.56. Д.52. Л.15–15об. Д.67. Л.161–161об.

[35]Там же. Д.34. Л.7–7об., 70–71. Д. 102. Л.234–235об.

[36]Там же. Д.24. Л.257, 301.

[37]Варушкин Н. Необходимое пояснение//ПЕВ, 1870. С.290–291.

[38]ЗнаменскийИ. Указ. соч. С.133.

[39]ПСП(Н). С.387.

[40]Знаменский П.В. Приходское.... С.165.

[41]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.867–867 об.

[42]Там же.Ф.251.Оп.1.Д.80.

[43]Там же. Д.34. Л.52–52 об.

[44]Там же.Д.52.Л.111–112.

[45]Там же.Д.83.Л.38–40.

[46]Там же. Л.40об.–43 об.

[47]Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С.242.

[48]На это указывал в свое время и митрополит Филарет (Дроздов) (Титлинов Б.В. Указ. соч. С.85.).

[49]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.107. Л.250–251. Д.109. Л.3–4 об.

[50]Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С.235.

[51]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.58. Л.358–359 об.

[52]Там же. Д.67. Л.99–100 об.

[53]Там же. Л.102–102 об.

[54]ПСП(П). С.61.

[55]Попов Е. Указ. соч. С.224.

[56]Там же. С.225.

[57]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.517. Л.14 об.

[58]Лагунов Г. Описание Широковского прихода, Шадринского уезда// ЕЕВ, 1913. С.880-883.

[59]Попов Е. Указ. соч. С.223-225.

[60]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.508. Л.94 об.

[61]Там же. Д.499. Л.78 об.

[62]Там же. Л.72 об.

[63]Удинцов И.О. Евфимий Иванович Арефьев//ПЕВ, 1871. С.491.

[64]Лагунов Г. Указ. соч. С.883.

[65]«Традиция выборного начала при формировании приходского духовенства была пресечена указом от 24 апреля 1800 г.» Зольникова Н.Д. Сибирская... С.152. Более соответствующей реальной ситуации представляется точка зрения А. Доброклонского: одобрения «постепенно потеряли значение, уступив место аттестациям от семинарских и училищных начальств», но удержали некоторое значение [...] в случае перехода членов причта из одного прихода в другой или посвящения из низшей степени в высшую». (Доброклонский А. Указ. соч. С.163-164). см. также: Знаменский П.В. Приходское... С.79. Речь во всех случаях идет о представителях духовного сословия, иносословные на должности клириков не допускались.

[66]Единичность подобных прошений свидетельствует об их формальном, в основном, характере, но в неординарных случаях они все-таки сохранялись.

[67]Зольникова Н.Д. Сибирская... С.166.

[68]ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.40. Л.5. см. также: Знаменем П.В. Приходское... С.78.

[69]ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.40. Л.12 об, 15-15 об.

[70]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.400-400 об.

[71]Там же. Л.576-576 об. См. также: Ф.251. Оп.1. Д.52. Л.98-99.

[72]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.24.

[73]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.504. Л.1.

[74]Подробный указатель Пермского исторического архива//ТПУАК, вып. 2. Пермь, 1893. С.147.

[75]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.112. Л.7об.

[76]Доброклонский А. Указ. соч. С.163.

[77]Здравосмыслов А. Прот. Ф.Л.Карпинский//ЕЕВ, 1916. С.13-14. См. также: ГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.470. Л.23.

[78]Устав Духовных Консисторий. С.209.

[79]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.50.

[80]Там же. Д.52. Л.17.

[81]Там же. Д. 17. Л.9-9 об. Д.24. Л. 194-195. См. также: Д.52. Л.85-86. РГИА. Ф.796. Оп.107. Д.804. Л.15-16.

[82]Там же. Д.7. Л.14-17.

[83]Книга правил Святых Апостол, Святых соборов вселенских и поместных и Святых Отец. Сергиев Посад, 1992. С.181-182.

[84]Там же. С.15.

[85]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.72. Л.71-71об. Д.75. Л.7-8.

[86]ГАСО. Ф.198. Оп.1. Д.64. Л.6 об.-7. Д.70. Л.134-135 об. См. также: Д.22. Л.221- 221 об. Впервые обратил внимание на то, что прихожане жалуются только на вымогательство клириков, следовательно, равнодушны к их моральному облику в целом, И.Знаменский (Указ. соч. С.177).

[87]ГАСО. Ф. 251. Оп.1. Д.34. Л.204-207.

[88]Из воспоминаний и наблюдений приходского священника//ЕЕВ. 1888. С.472-473.

[89]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.45-45 об., 82, 83.

[90]Шестаков Я. Указатель архива Пермской духовной консистории. Дела Соликамского духовного правления //ТПУАК. Вып. 3. Пермь, 1897. С.67. Дело 1795 г.

[91]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.169-170.

[92]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.47. См. также: Д.474. Л.188 об., 190 об.-191. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.109-109 об. Д.107. Л.260-261 об.

[93]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.298-298 об. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.247-248. Д.34.Л.289-289 об. Д.52. Л.159-159 об. Д.58. Л.364-364 об.

[94]Там же. Д.102. Л.386-387.

[95]РГИА. Ф.796. Оп.101. Д.698. Л. 1-1 об.

[96]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.289 об. Д.14. Л.82.

[97]Там же. Д.55. Л.1-1 об.

[98]ЗнаменскийП.В. Приходское... С.804.

[99]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.199-201.

[100] Там же. Д.67. Л.41-41 об.

[101]Там же. Д.58. Л.259.

[102]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.115-115 об.

[103]Там же. Д.474. Л.189 об., 191. Д.414. Л.534-535. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.133-133 об. Д.101. Л.1-3. Иногда вымогательство обставлялось настоль-

ко тонко, что уже невозможно было разобраться, что же имело место на самом деле: требование «барашка в бумажке» или излишнее служебное рвение: в 1842 г. иереям Константину Матвееву и Ивану Капустину было приказано «чтобы впредь в случае приглашения их к крещению младенцев не отзывались требованием пачпортов или свидетельств от родителей их» (Там же. Д.67. Л.108–109).

[104]Там же. Д.72. Л.207–210 об. Д.75. Л.1–1 об.

[105]Там же. Д.28: 8 человек штрафованных. Д.34. Л.64–67 об. Д.86. Л.303–303 об. Д.7. Л.7. Д.102. Л.63–64. Ф.6. Оп.2. Д.474. Л.191, 194 об., 195 об. Двумужество: Ф.251. Оп.1. Д.83. Л.3–46.

[106]Там же. Д.86. Л.312–314.

[107]Там же. Д.67. Л.174.

[108]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.351.

[109]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.86–86 об.

[110]Там же. Д.112. Л.147–149.

[111]См., например: Байдин В.И. Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е гг. XIX в.//Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С.90–96; Мангилев П.И. К вопросу о взаимоотношениях разноконфессиональных групп внутри крестьянской общины в XIX в. (по материалам Урала и Западной Сибири)//Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1996. С.209–215; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Его же. Урало-сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества//Урало-сибирская крестьянская община в Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С.179–198.

[112]Байдин В.И. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества в конце XVIII — первой половине XIX вв.//Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С.94–98.

[113]Мангилев П.И. Указ. соч. С.211–213.

[114]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.480. Л.20 об., 27.

[115]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.67. Л.71–72. см. также: Д.65. Л.21–22.

[116]Байдин В.И. Новые источники... С.105.

[117]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.235–235 об., 311–312 об. Дела за 1837 г. См. также: Д.84. Л.8–9 об: священник Куяровского села Гавриил Тарарин доносит благочинному, что крестьянка Ирина Пулникова умерла без исповеди и причастия и не была отпета, и отвергает обвинения ее родственников в том, что он требовал 5 руб. серебром за отпетие.

[118]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.621–621 об.

[119]К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде//ЕЕВ, 1903. С.361. ЕЕВ, 1906. С.804–807.

[120]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Д.628.

[121]РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2203. «О распространении раскола в Челябинском уезде». Л.139 об. (письмо от 17 марта 1851 г.).

[122]В 1828 г. по представлению Пермского гражданского губернатора было начато дело о переходе в старообрядчество жителей села Басмановского (Шадринский у.) якобы с письменного разрешения местных священнослужителей. Комиссия светских чиновников установила, что почерк представленных записок не соответствует подписям обвиняемых в формулярных списках того же периода. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.494. Л.55–56.

[123]ПСП(Н). С.744.

[124]Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII — середина XIX вв. Дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С.117, 128. См. также: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.10 об. К истории Пермской миссии//ЕЕВ, 1888. С.428. Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ.1877. С.359–360.

[125]Об авторстве см.: Кто составил «Начертание правил для приходских священников в приходах коих есть раскольники»//ЕЕВ, 1905. С.14–15.

[126]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.153.

[127]Там же. Л.152–155. См. также: Д.494 (Рапорты священников о состоянии раскола в их приходах).

[128]Байдин В.И. Старообрядчество Урала... С.147, 179. Впрочем, действительно светские лица — высшее чиновничество — были недовольны деятельностью миссионеров, активно вмешивавшихся в дела заводских администраций, и предлагали передать обращение староверов в руки приходского духовенства (РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.838. Л.3, 6 об.). См. также: ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.84. Л.7–7 об.

[129]К истории Пермской миссии//ЕЕВ, 1888. С.429–433. см. также Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ, 1878. С.124. ПЕВ, 1884. С.556; ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.27–27 об.

[130]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.87–87 об. Тарарин, однако, будет обвиняться во взятках со староверов (Там же. Д.84. Л.8–9 об.). См. также: Д.34. Л.263–265 об. Д.58. Л.83–84. Д.86. Л.265–265 об. Д.102. Л.273–273 об. Д.52. Л.76–76 об. Д.67. Л.69–70.

[131]Луканин С. Записка о состоянии раскола//Уральский старообрядец, 1915. №7. С.26. См. также: К биографии первого Екатеринбургского епископа Евлампия//ЕЕВ, 1905. С.161. Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ, 1877. С.232–233, 251.

[132] РГИА. Ф.796. Оп.109. Д.1224. Л.26 об.–27.

[133]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.13–14, 15–16 об. Для увеличения действенной силы этого указа был издан еще один: о запрещении старообрядцам обучать своих и православных детей грамоте. Там же. Л.19–19 об.

См. также: Училища при церквах для детей пōселян по программе Св. Синода 1837 года//ПЕВ, 1885. С.17–19.

[134]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.198. Л.14–15.

[135]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.256.

[136]За утайку лиц, небывших у исповеди, взымался штраф: в первый раз — 5 руб., во второй — 10 руб., в третий — 15 руб., после чего провинившийся мог лишиться сана (Там же. Д.24. Л.14). См. также: Д.7. Л.87.

[137]Там же. Д.7. Л.29, 180.

[138]Там же. Д.14. Л.112. См. также: Л.129–130 об. Д.34. Л.11.

[139]Там же. Д.24. Л.214–214 об.

[140]Там же. Д.67. Л.171–171 об.

[141]Там же. Д.34. Л.216. См. также: Д.107. Л.63–64. (в 1848 г. «крестьянская девка» Пульникова подала жалобу в консисторию на священника Куяровского села Василия Прибылева, который объяснял, что, увидев ее около кладбища, велел ей идти за собою в стан «для отыскания у нее книги», так как до него доходили слухи, что она «отпевает» покойников. Священнику был сделан выговор, но консистория запросила сведения о причащении Пульниковой и куяровского старшины). Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ, 1877. С.251.

[142]Байдин В.И. Новые источники... С.108. См. также: Преосвященный Аркадий, как деятель по обращению раскольников Пермской епархии в недра Православной Церкви//ПЕВ.1874.С.301–305; ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.23.

[143]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.72. Л.131–132.

[144]Там же. Ф.75. Оп.1. Д.24. Л.3 об. см. также: Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.23.

[145]К истории православного...//ЕЕВ, 1904. С.65–72,117–122.

[146]Там же//ЕЕВ, 1905. С.60–61. Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ, 1884. С.526. См. также: РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.894. Л.24: Мелхиседек «довольно сильно убеждал иереев» не сопротивляться переводу к единоверческим церквям (1842 г.)

[147]Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ, 1877. С.137–138. ПЕВ, 1833.С.102. РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.894. Л.20–20 об.: Еп. Мелхиседек — арх. Аркадию (15 декабря 1841 г.): «И вообще надобно сказать, что Парамон с своими прихожанами Златоустовской, или, так называемой Рязановской [по фамилии основателя — купца Я.М.Рязанова — А.М.], церкви держит себя в дальнейшем расстоянии от православных, нежели священник и прихожане единоверческой Спасской церкви. Рязановщина даже укоряет спасских единоверцев в сближении их православными. Парамон — идол единоверцев, и он, кажется, первый отклоняет их от сообщения с православными, показывая на себе пример тому. Каслинские единоверцы избранному ими во священника екатеринбургскому Диакону, поставили в обя-

занность, чтобы он обучался священнослужениям у Парамона. В угождение их, мною так и сделано».

[148]К истории православного...//ЕЕВ, 1905. С.55.

[149]РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.867. Л.91–92 об. См. также: Д.838. Л.41об.

[150]К истории православного...//ЕЕВ, 1905. С.63. См. также: Материалы для истории Пермской миссии//ПЕВ, 1877. С.347, ПЕВ, 1878. С.124.

[151]Преосвященный Аркадий... С.321.

[152]К вопросу о приходе. С.7.

[153]РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.838. Л.39.

[154]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.40.

[155]Словцов И. Нравственное состояние Усть-Косвенского прихода// ПЕВ, 1871. С.382.

[156]РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.838. Л.2–2 об.

[157]Там же. Л.2об. Д.894. Л.57. См. также: Д.838. Л.41 об.

[158]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.483. Л.2 об.

[159]Там же. Л.2–2 об. Ф.251. Оп.1. Д.72. Л.87–87 об. ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.32. Л.173. Д.51. Л.128.

[160]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.11.

[161]Попов Е. Указ. соч. С.114.

[162]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.14. Л.251.

[163]Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв. Л., 1988. С.233.

[164]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.14. Л.252.

[165]Теплоухов Ф.А. Народное празднество «Три елочки» в Богородской волости Пермского уезда//Пермский край. Пермь, 1892. Т.1. С.142.

[166]Там же. С.145. Интересно, что именно старообрядцы почувствовали нехристианский характер обряда, проповедниче ских же дарований православного священника не хватило для объяснения этого своим прихожанам, которые говорили, что он «так просто не любил, чтобы собирались; не будет вам, говорит, за это планиды!» (Там же. С.144). Видимо, планида все-таки была.

[167]Там же. С.142.

[168]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.86. Л.125–125 об.

[169]Там же. Д.105. Л.2.

[170]ПСП. Т.1. С.14.

[171]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.10. Л.49.

[172]ГАПО. Ф.65. Оп.4. Д.140. Л.51 об.–52 об.

[173]По мнению врачебной комиссии, «кликуши» притворялись, не желая работать и ревнуя к более привлекательным женщинам, которых они обвинили в колдовстве. (ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.480. Л.8–14).

[174]На полях рапорта напротив описания обливания врачами кликушествовавших водой «для изгнания из страждущих злых духов» стоит отметка другим почерком: «Не их дело!» (Там же. Л.8).

[175]Там же. Л.27. см. также: Словцов И. Указ. соч. С.427. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.36 об.

[176]Там же. Д.72. Л.43 об.–44. см. также: Д.86. Л.45–46.

[177]Там же. Д.72. Л.44.

[178]Шишонко. В.Н. Материалы для описания... С.115.

[179]Аркадий: «Объявить о.Мамину за ревность по урокам одобрение, но вместе с сим и скажите ему, что ученики его — дети простые, не имеющие нужды в глубоких Богословских и обширных знаниях». ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.102. Л.252.

[180]Там же. Д.72. Л.43 об. Д.8б. Л.255.

[181]Там же. Д.107. Л.12–15.

[182]Там же. Д. 110. Л. 57–57 об.

[183]Там же. Д.109. Л.23–23 об.

[184]Там же. Д.122. Л.7–7 об.

[185]Цветухин А. Некролог//ЕЕВ, 1889. С.804.

[186]Село Осинская Дуброва//ПЕВ, 1884. С.204.

[187]Плотников Е. Воспоминание о педагогической деятельности бывшего наставника Батуринского приходского училища, диакона Никифора Меморского//ПЕВ, 1883. С.569–575.

[188]50-летний юбилей//ЕЕВ, 1889. С.148. см. также: Несколько слов об участии духовенства в деле народного образования//ЕЕВ, 1886. С. 1102–1106.

[189]ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.417. Л.72. ДружининН.М. Указ. соч. Т.2.С.251.

[190]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.107. Л.14 об.

[191]Там же. Л.19–19 об. Д.101. Л.6. Д.102. Л.145–145 об.

[192]Там же. Д.86. Л.9 об.

[193]ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.417. Л.135.

[194]Шишонко В.Н. Материалы... С.218.

[195]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.71. Л.11 об. Д.43. Л.1. Д.102. Л.113–114. Д.107. Л.14 об.

[196]Дружинин Н.М. Указ соч. Т.2. С.255.

[197]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.85–86. См. также: Д.429. Л.121 об.

[198]Там же. Д.414. Л.18. См.также: Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.105–105 об.

[199]Некролог//ПЕВ, 1883. 0.483.

[200]Шишонко В.Н. Материалы для описания... С.188.

[201]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.25.

[202]Участие духовенства в деле распространения оспопрививания// ПЕВ, 1874. С.205. См. также: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.185–185 об. Ф.251. Оп.1. Д.10. Л.30.

[203]К биографии преосвященного Иустина, бывшего Епископа Пермского и Екатеринбургского//ПЕВ, 1875. С.621–624. см. также: Мартынов В. Краткий церковно-исторический очерк села Красногорского, Верхотурского уезда//ЕЕВ, 1901. С.635.

[204]ГАСО. Ф.251.Оп.1. Д.14. Л.106–107. см. также: Л.142–142 об.

[205]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.215.

[206]Там же. Л.158–158 об.

ГЛАВА 3

ВНУТРИСОСЛОВНАЯ ЖИЗНЬ ДУХОВЕНСТВА

Как уже было сказано, на рубеже XVIII — XIX вв. государство несколько изменяет свое отношение к духовному сословию. В XVIII в. государство обособляет духовенство от других сословий, определяет его функции и социальные границы. Польза, которую правительство «извлекает» из духовного сословия, вполне осязаема — это, прежде всего, материальные и людские ресурсы. Разумеется, и в этот период духовенство играло важную идеологическую роль, освящая авторитетом церкви политические деяния[1], но лишь в XIX в. эта функция духовного сословия вновь становится превалирующей. Окончательное утверждение посредническая роль церкви получила в формуле «православие, самодержавие, народность». Но выдвижение на первый план «охранительной» функции требовало повышения официального статуса духовенства. Весьма значительные шаги в этом направлении были предприняты в царствование Павла I, когда были введены специальные награды для белого духовенства (наперсный крест, наградные головные уборы, «позаимствованные» у черного духовенства), представители как белого, так и черного духовенства получили первые ордена, были отменены телесные наказания священнослужителей (как справедливо заметил И. Знаменский, вновь введены телесные наказания как для священнослужителей, так и

для дворянства, так что даже отмена привилегии свидетельствовала об уравнивании статуса двух сословий[2]). Указом от 3 декабря 1798 г. священнослужители были освобождены не только от сборов на полицию, но и от личного отбывания полицейских повинностей (например, от ночных караулов)[3].

Идеал клирика начала века обрисован указом Синода от 22 марта 1800 г. Поскольку императорским указом духовенству в этот период было запрещено заниматься земледелием, Синод поспешил распорядиться свободным временем клириков, не без основания опасаясь, что многие решат эту проблему не вполне пристойно: «Подтвердить всем священно- и церковнослужителям с подписками, чтобы они в церквах своих, сколько можно чаще, и по крайней мере в каждую неделю 5 дней отправляли свою церковную службу, как-то вечерни, утрени и литургии, а в недопускающее по каким-либо законным причинам к служению оной время пели бы часы [...], прочитывая при том всегда изданные от Святейшего Синода на воскресные и праздничные дни, а равно и ежедневные краткие поучения; ученые же из священников и диаконов сочиняли бы сами и говорили по праздничным дням свои собственные проповеди, извлекаемые из слова Божия и поучений Святых Отец, без всякого впрочем со своей стороны умствования; а чтоб не могло сего быть на самом деле, отдавать им священникам и диаконам, наперед те проповеди свои на апробации учрежденным цензорам [...]; поелику же многие церкви имеют при себе два, три и более причта священно- и церковнослужителей, то в такое время, когда один причт занимается по очереди служением, чтоб не могли другие оставаться во вредной праздности, ходить не очередным, как священникам и диаконам, так и дьячкам и пономарям, всем

без изъятия каждодневно в церковь к пению на клиросах и чтению [...], а затем в свободное от служения и исправления мирских треб время, упражняться им, священно- и церковнослужителям, в домах своих в чтении нужных и полезных церковных книг, брав оные где есть в церквах, оттуда, или и своих собственных, кои стараться им необходимо у себя заводить, воспитывая притом детей своих честно, вразумляя им закон Божий, обязанность каждого верноподданного к Государю и повиновение установленным от Него властям, таким образом обучать не только сыновей, в домах остающихся, но и дочерей грамоте, и наставлять их, как и всех своих домашних, а при возможном и удобном случае и самых прихожан, всем их обязанностям; сверх того домашних своих жен, сыновей и дочерей особенно располагать еще и к тому, чтобы они во все четыре поста непременно исповедывались и приобщались Святых тайн, что должны исполнять и сами всегда неупустительно. 2) Запрещается им, священно- и церковнослужителям, ходить в гости не только без зова, но и будучи званными, куда бы то ни было, на такие собрания, где им быть несовместно и неприлично, кольми же паче не ходить и не ездить на публичные, бываемые в их селах и других приходах, ярманки и так называемые базары и праздники, яко такие места, где нередко происходят от простого народа разные нелепости, к которым благонамеренные люди должны иметь справедливое омерзение». Кроме того, в указе было подтверждено запрещение клирикам отлучаться от своего места жительства далее 15 верст, да и на это расстояние можно было отлучаться без ведома благочинного только для исправления треб. Напоследок священникам пригрозили тем, что если кто-либо из них умрет, на-

ходясь под запрещением, то будет погребен «простым мирским погребением»[4], а не священническим.

Таким образом, в царствование Павла I светские и духовные власти пополняют систему запретов Духовного Регламента «положительной программой», устанавливая новые служебные и бытовые нормы и предлагая новые виды поощрения за их выполнение. В то же время эти указы подчеркивают внутреннее расслоение духовного сословия, усиливают его: льготы предоставляются прежде всего священнослужителям, а на церковные награды имеют право и вовсе только священники. В дальнейшем разрыв между священнослужителями и причетниками возрастет еще сильнее благодаря росту образовательного ценза и разнице условий выхода сыновей из сословия.

Причина подобного дифференцированного подхода была не только в разной степени посвященности клириков, но и во вполне очевидной разнице материального и культурного уровня жизни, которая все сильнее отделяла одну группу белого духовенства от другой.

3.1 Материальный уровень жизни приходского духовенства

Условия оплаты труда клириков не позволяют четко определить уровень их доходов. Свидетельства современников достаточно противоречивы; они, как и данные официальных документов, показывают лишь то, что существовал значительный разрыв в материальных условиях жизни не только между священно- и церковнослужителями, но и между клириками различ-

ных приходов. Наиболее богатыми считались городские приходы. Особенно важным было то, что с духовенством городских церквей расплачивались деньгами, а потому оно располагало довольно значительными наличными средствами. Протоиререй Федор Карпинский дал купцу С.И. Казанцеву в долг на год 1060 руб. [5] В 1812 г. только в августе месяце екатеринбургскими клириками были пожертвованы «из любви к отечеству» следующие суммы:

«Екатеринбургского собора	
Протоиерей Федор Карпинский	20 руб
Иерей Иона Поповых	50
Иерей Иоанн Сильвестров	25
Диакон Флоровский	10
Диакон Иоанн Пономарев	10
Дьячек Михаил Алексеев	20
Сошествиевской церкви	
Священник Иоанн Попов	25 руб
Священник Антоний Брызгалов	25
Диакон Иоанн Плотников	10
Дьячек Симеон Флоровский	10
Пономарь Иоанн Словцов	5
Пономарь Николай Смородинцев	15
За щет заслан̆ного из кружки	10
Вознесенской церкви	
Священник Максим Переберин	15
Диакон Андрей Киселев	25
Пономарь Кирилло Когнев [Кочнев — А.М.]	2
Пономарь Конев	5

Соборной церкви	
Пономарь Филипп Киселев	10 руб
Дьячек Василий Вторых	10
Пономарь Евграф Горных	10»[6]

О семье своего дяди, благочинного священника из Екатеринбурга Стефана Капустина, архимандрит Антонин вспоминал: «Чай у них мы пили всегда в накладку с кренделями и серебряными ложечками. Сладкие пироги из [прянюшного] теста ни по чем... Я [думал], что попал в Рай»[7].

Не менее обеспеченными были священнослужители богатых сельских приходов. Тот же архимандрит Антонин сообщает о двух священниках из Шадринского уезда - Петре Попове из Верхтеченского села («известный на весь уезд богач и хлебосол»), у которого «обедали по барски великолепно с серебряными ложками и вином», и Стефане Плотникове из Уксянской слободы, в амбарах которого «по седьми лет гнил хлеб»,-что, впрочем, вызывало удивление (а может быть и зависть) окрестного духовенства[8].

Протоиерей с.Батуринского (Шадринский у.) Леонтий Капустин даже стилизовал свой быт под дворянский. Его внук М.И. Капустин вспоминал: «Внешний лоск и блеск были во вкусе о. Леонтия. Несмотря на то, что с.Батуринское от города в 26 верстах [...], домашняя обстановка его была в городском вкусе: мягкая вычурная по фасону мебель, на окнах рисованные гардины с швейцарскими видами, по стенам бра, стены чистых комнат почти сплошь были увешаны гравюрами изображавшими древних философов, сцены из Гомера, и виды Рима и Италии. Даже железные шкатулки и подносы (на которых подавались чай и закуски) были украшены живописными Андромеда-

ми да Андромахами. Быть может все это перешло к нему покупкой от каких-нибудь разорившихся дворян, имевших свою деревню в его приходе (Колесникову деревню и теперь нередко называют на месте «Дворянским», дворяне были кажется какие-то Черкасовы или Жеребцовы). Во всяком случае этой обстановкой о. Леонтий славился и гордился. Поддержка городских порядков в деревне, конечно, стоила немало, и хозяин экономничал страшно в содержании семейства; детей одевал бедно, так что совестился показывать заезжим гостям, — потому детей обыкновенно заставляли прятаться от посторонних. Прислуги в доме не держали никакой. При претензиях на дворянские порядки с о. Леонтием случались иногда курьезные вещи, как например свою жену красавицу незнакомым посетителям выдавал за кухарку или горничную своей жены, коль ее заставали за стряпней или мытьем полов»[9]. В то же время надо отметить, что женская половина семьи была грамотна и предпочитала современную светскую литературу[10].

Но, в отличие от городских, сельские клирики, даже вполне «достаточные», не имели наличных денег. Причетники же по уровню жизни вообще могли оказаться беднее некоторых крестьян — в этом убеждают описи имущества, оставшегося после умерших клириков, которые составлялись в присутствии всего причта церкви. После дьячка Беляковской церкви Камышловского уезда в 1836 г. остались две иконы, «дом соснового леса состоящий из избы и Горницы с надворьем ветхие», «анбар и напогребник ветхие», «тулуп бараньих овчин некрытый новый», «кавтан синий суконный довольно поношен», «войлок и две подушки перовые», «телега с деревянными неокованными колесами», «сани и одни дровни», «лошадь кобыла шерсти саврасая»,

корова — «и всего на 75 рублей 60 копеек»[11]. В 1843 г. имущество священника Архипа Тараканова, признанное достаточным для того, чтобы назначить вдове опекуна, было оценено в 49 рублей (серебром, а не ассигнациями, как у дьячка)[12].

Из-за нехватки наличных денег духовенство часто попадало в неприятные ситуации. В 1840 г. Иустин приказал эконому архиерейского дома сообщать о причетниках, которые не имеют денег для оплаты ставленнических грамот. Трем причетникам грамоты были выданы под расписку о том, что они должны эконому деньги[13]. Другие архиереи меньше верили в бедность подведомственного духовенства. На прошении определенного на причетническое место Афанасия Луканина о выделении ему 10 руб. в долг из средств попечительства для расплаты за квартиру в Перми и проезд до места назначения Аркадий написал: «всем Благочинным поставить в непременную обязанность чтобы они имели бдительное наблюдение за образом жизни подведомственных клириков и не допускали их по экономии до излишеств и прихотливых расходов, не сообразных с хозяйственной расчетливостью и добрым семейственным благоустройством, дабы чрез сей способ предохранить их от необходимости прибегать к займам и благоприобретенное законным образом и должностными трудами достояние изживать на потребности ненужные и предосудительные»[14]. Пермскому благочинному вменялось в обязанность проверять у отъезжающих клириков, расплатились ли они с хозяевами квартир, «исключая в сем случае протоиереев, благочинных, духовников, депутатов и законоучителей»[15].

Поскольку окончательно вопросы платы духовенству так и не были отрегулированы ни светским, ни церковным законо-

дательством, в среде приходских клириков часто возникали конфликты из-за «дележа доходов». Деньги, полученные за требы, положено было делить между всеми членами клира, независимо от того, присутствовали ли они при требоисправлении. Разумеется, клирики, исполнявшие обряд, предпочитали разделить деньги между собой, не внося их на церковный счет. Священники, производя раздел денег с диаконами и причетниками, оставляли себе бóльшую часть, пользуясь незаконным характером раздела, «при коем причетник изобиженный молчит яко рыба безгласная, обоясь оскорбить священника требованием удела большего без надежды обличить его пред начальством в своекорыстии» (епископ Иона)[16]. В еще большем расстройстве пребывали те, кто не был приглашен к требоисправлению.

Ссоры между священниками возникали при переделах приходов, когда на долю одного доставалось больше прихожан, чем другому, либо кому-то доставались более богатые деревни. Попытки священников самостоятельно, без вмешательства начальства, меняться раз в год частями приходов приводили к тому, что «прихожане чувствительно охладевают к церкви, теряют почитание к пастырям, важность таинства покаяния от перемены отцов духовных в глазах их делается обыкновенно маловажнее»[17].

Соблазняла грешных клириков и близость денег, принадлежащих собственно церкви и тем, за кем были зачислены места в штате[18]. Частые споры вызывали переделы церковной земли между членами причта[19].

При этом бывали примеры и других взаимоотношений. В 1815 г. протоиерей Екатеринбургской Богоявленской церкви Николай Вологодский, штрафованный за финансовые махинации

и ссоры с причтом, сообщал епископу Иустину, что к нему обратилась с просьбой о помощи вдова священника той же церкви Михея Будрина. «Он, сердечно сострадая, и будучи обязан ласковым и дружеским отношением покойного ее мужа, благонравного и кроткого своего сотоварища, решился в пользу вдовства и сиротства ея пасхальный доход отдать Будриной, десятилетнего же сына ее Богоявленский причт и лучшие прихожане охотно принять готовы к своей церкви на место покойного его отца, если только на сие последует Его Преосвященства милость и благоволение, с таковым положением, дабы давать половинный священнический доход из братской кружки вдове Будриной на воспитание сирот. А когда какая либо необходимость или болезнь случится Вологодскому, в таком случае приглашаем будет заштатный священник Иоанн Комаров, который нередко услуживает градским священникам по их просьбе»[20].

Но не только открытые конфликты по поводу несправедливых разделов подрывали авторитет духовенства. Все без исключения авторы, касавшиеся вопроса о материальном обеспечении духовенства, пишут о крайне унизительном характере «сборов» руги и получения платы за требы. Наиболее резкий отзыв принадлежит А.И. Розанову: «Надобно быть сельским священником, надобно испытать, чтобы понять то невыразимо тяжелое, то убивающее душу состояние, ту тоску, ту горечь, то унижение, то леденящее кровь и жгущее сердце отчаяние, ту одуряющую злобу, какие испытывает собирающий хлебом священник!»[21] Такого же мнения о «сборах» придерживались и уральские авторы[22]. Разумеется, не все были столь чувствительны, чтобы сравнивать «сборы» с милостыней и конфузиться от того, что крестьяне стараются подсунуть продукты похуже, но со

временем подобные настроения должны были нарастать[23], что также влияло на возникавшее время от времени желание правительства перевести духовенство на жалование.

3.2. Образовательный уровень духовенства

Постоянное внимание центральных властей к росту образовательного уровня духовенства подкреплялось и соответствующими распоряжениями на местном уровне. Синодский указ от 22 марта 1800 г. в Пермской епархии был дополнен указом епископа Иоанна от 30 апреля того же года. Этим указом благочинным предписывалось следить по своим округам «с должным ли благочестием, рачением и страхом Божиим совершается служба Божия, нет ли чтения и пения двоегласного, и разумеют ли священно- церковнослужители то что они читают и поют». Этим же указом все служащее духовенство с сыновьями вызывалось в Пермь для проверки теоретических и практических знаний и поведения[24]. Вероятнее всего, это грандиозное мероприятие не было осуществлено в связи со смертью епископа. Эхом указа стала подписка в 1806 г. всех причтов Перми в том, что они в свои свободные от службы дни будут петь на клиросе[25].

Не прошел мимо вопроса об образовании духовенства и известный своей строгостью епископ Мелетий: «Во время обозрения моего ныне Епархии, при испытании священно- и церковнослужителей в относящихся к их должности знаниях, находил я многих из них крайне недостаточными, — так, что некоторые не только из церковного устава, но и Заповедей Господних из Катехизиса наизусть не знают; — далее при некоторых церк-

вах из наличных причетников нет ни одного, который бы порядочно умел писать и по сей причине, в метрические книги рождающиеся, браком сочетающиеся, а в приходно расходные книги приход и расход не вписываются по полугоду и более — доколе то есть не прибудет Благочинный с своим писцом — наконец вообще заметил я, что священно- и церковнослужители в свободные часы не занимаются чтением полезных книг, кои хранятся в церковных библиотеках без всякого употребления». В связи с этим епископ предлагал благочинным иметь более строгий надзор за духовенством, особенно — за несовершеннолетними причетниками[26]. Епископ Аркадий издает подобный же указ в 1832 г.[27] И уже в 1851 г. епископ Неофит описывал ту же самую ситуацию, что и Мелетий в 1830 г.[28]

При таких условиях понятно, почему даже окончившие семинарию священнослужители не блистали и собственными творениями. С 1766 г. пропуск службы в «высокоторжественные дни» карался уже не телесными наказаниями, а епитимьями[29]. Однако, указ 22 марта 1800 г. «осложнил» праздничные дни непременными проповедями. Поскольку составление проповедей к каждому из многочисленных праздничных дней оказалось невыполнимой нагрузкой для «ученого» духовенства, по епархии составлялись списки окончивших семинарию иереев с назначением каждому из них дня и церкви для проповеди[30]. «Несочинение и несказывание проповедей» также каралось денежным штрафом[31].

Несладко приходилось и «неученому» духовенству. Присылаемые из Синодальной типографии готовые тексты проповедей, а тем более увещевания — плоды творчества пермских архиереев, — приходилось заучивать наизусть. Благочинные про-

веряли знание тех текстов, которым духовные власти придавали особое значение[32]. Видимо, подобная практика была введена в связи с тем, что действительно не все понимали, что читают. Разумеется, с ростом числа «ученых» священников этот обычай должен был уйти в прошлое.

Светские власти также сочли необходимым поднять культурный уровень местного духовенства: с 1845 г. указом Пермского губернского правления во все церкви епархии бесплатно рассылались Пермские губернские ведомости[33].

Церковная периодика была представлена в этот период только ежемесячным журналом Петербургской духовной академии «Христианское чтение» (выходит с 1821 г.). Журнал был рассчитан на людей, получивших значительное богословское образование, стоил он в Пермской епархии дорого (25 руб. асс. за номер в 1832 г.)[34], но, несмотря на это, в 1834 г. архиепископ Аркадий выражал радость по поводу того, что «в текущем году выписывается Христианского чтения довольное количество экземпляров», и призывал благочинных «чтобы они внушали священно- и церковнослужителям о надобности читать Христианское чтение, и особенно внимать в те статьи и выучивать оные в которых рассматриваются предметы, относящиеся к расколу»[35]. Это предприятие Аркадия, как и большинство других, сгубили «приписки»: духовенство, поняв, что от него требуется, рьяно выписывало «Христианское чтение», но преемник Аркадия обнаружил в церквях полные комплекты журнала за несколько лет с неразрезанными листами[36].

Помимо сообщений об издании новых книг, из Перми рассылался по епархии и составленный Тверским архиепископом Григорием «список духовных книг, нужных при всякой церкви»[37],

причем духовенство должно было сообщить, каких изданий нет в церковных библиотеках (книги доставлялись за счет церкви)[38]. Духовенству предлагалось выписывать не только чисто церковную литературу, так что, несмотря на фрагментарность данных, можно составить некоторое представление о литературных интересах читающего сельского клирика. В Камышловском уезде в 1848 г. кто-то из причта церкви с.Пышма выбрал из предложенного списка и выписал на церковь книги «Александр Данилович Меньшиков — сын рыбака, сочинение М.В.Ломоносова», «Путешествие с детьми по Святой Земле» и историю царствования Екатерины II и Александра I. На последнее издание подписались также в селе Куяровском; причты других церквей отклонили предложение о подписке[39]. В то же время на более специальное издание — описание керченских катакомб, — не подписался в уезде никто[40]. На творения святых отцов подписались 13 церквей из 15 запрошенных[41], но это можно объяснить тем, что святоотеческие произведения входили в список необходимых книг.

Что же касается литературных пристрастий семинаристов, то, когда после реформы 1818 г. производилась инвентаризация семинарской библиотеки, было обнаружено исчезновение 46 книг, но библиотекарю эта утрата была прощена: все исчезнувшие книги оказались «романические», «пустые»[42]. В 1839 г. академическое правление сделало выговор семинарскому за то, что оно не следило за чтением воспитанников (у одного из учеников философского класса нашли книгу Вольтера)[43].

В дневнике семинариста Андрея Капустина за 1835 г. имеется «Каталог читанных мною Романических книг:

Русских

Стрельцы. соч. Констант. Массальского

Юрий Милославский. соч. Михаила Загоскина.

Дочь купца Жолобова. соч. И.Калашникова.

Шемякин суд. соч. Павла Свиньина.

Самозванец. соч. Фаддея Булгарина.

Товарищи чорной шамо. соч. актера Баранова.

Бурсак. соч. Василия Нарежного.

Сочинения Булгарина.

Кот Бурмосеко. соч. Василия Ушакова».

Среди иностранных авторов числятся В.Скотт и А.Радклиф; преобладают, судя по названиям, готические романы[44].

Гораздо более яркую и подробную картину читательских интересов дают сохранившиеся фрагменты дневника Ф.Л. Карпинского: здесь упоминаются книги античных авторов, европейская классика, европейские и русские писатели XVIII в., естественно-научная, экономическая, медицинская литература, книги на иностранных языках. Но при этом надо учитывать, что соборный протоиерей Екатеринбурга имел больше наличных денег и больше свободного времени, нежели сельский клирик, а самое главное — Федор Карпинский окончил Тобольскую семинарию в то время, когда абсолютное большинство представителей духовенства считало подобную тягу к знаниям блажью[45].

Сравнительно высоким уровнем образования духовенства пользовались и различные научные общества, рассылавшие по епархиям свои программы для сбора статистических, этнографических и тому подобных сведений. Просьба общества о помощи в сборе сведений в устах епархиального архиерея превращалась в приказ[46]. Благодаря подобному приказу поступали сведения, например, в Русское Географическое общество. На

начало XX в. в архиве общества находилось как минимум 32 рукописи, полученные от пермского духовенства в 40 — 50-х гг. XIX в. Семь из них Д.К.Зеленин отметил как ценные и интересные (протоиерея Ивана Смирнова из с.Песчанского Шадринского у., священников Матвея Суворова из Кушвинского завода Верхотурского у., Александра Лепорского из с. Черновского Оханского у., Александра Бирюкова из Верхне-Уфалейского завода Екатеринбургского у., Андрея Третьякова из Шадринского у., Евгения Павлова из Петропавловского завода Верхотурского у., Ивана Бердникова из с. Спасобардинского Кунгурского у.)[47] В 1849 г. Русское географическое общество выражало признательность иереям Павлу Горскому и Алексею Сладчанскому «за доставление сведений к определению климата», а также этнографических материалов[48].

Но реальная картина «всеобщей грамотности» духовенства являет подчас детали курьезные. В 1832 г. квартальный надзиратель Серегин доносил кунгурскому городничему: «Вчерашнего числа то есть 25 числа марта проследуя чрез здешний город из города Перьми в Камышловский уезд в село Щербаково на побывку к матери своей пономарский сын Василий Матвеев Бардаков; который оказался без письменного вида. — А хотя при нем и найден билет, но фальшивый из которого что написано понять ничего не можно, а потому на зависящее распоряжение означенного пономарского сына Бардакова обще с отобранным от него фальшивым билетом при сем к Вашему Высокоблагородию представить честь имею»[49].

К рапорту квартального приложен и сам билет: судя по всему, рукой автора водило желание составить вполне серьезный документ, но разобрать в его творении, действительно, «не

можно» ни единого слова. На следствии горемычный преступник показал о себе следующее: «Василий Матвеев сын Бардаков от роду ему 13 лет грамоте учен [...] Находился от Екатеринбургского уезда Уткинской казенной слободы при Егорьевской церкви у исправления пономарской должности, откуда вытребован был выехать февраля м-ца в пермскую духовную Консисторию, которою ныне определен Камышловского уезда в село Щербаковское на пономарскую вакансию, билет же оказавшийся при нем писан им самим, и из города Перми отлучился самовольно, и во время следования до Кунгура никаких закону противных поступков не делал, показав сие по справедливости и подписуется». В конце показаний — еще один автограф беглого церковнослужителя: «К сему показаню пономр васий Бардаков руку прложил»[50]. О дальнейшем ходе следствия в деле ничего нет.

Фамилия Бардаковых время от времени встречается в документах по Камышловскому уезду. Большими талантами они, по-видимому, никогда не отличались. В клировых ведомостях Вновь-Юрмытской слободы за 1800 г. есть сведения о проживающем при брате, пономаре Стефане, исключенном семинаристе Матвее одиннадцати лет, сыне отосланного в военную службу пономаря Василия Бардакова[51]. Вероятнее всего, именно этот Матвей и был отцом «прложившего руку» пономаря Василия. В 1832 г. из Вновь-Юрмытской слободы вызывался для «испытания» пономарь Федор Бардаков, он оказался соответствующим должности, но был «обязан подпискою» впредь вести себя осторожнее»[52]: в чем он провинился неизвестно.

В том же 1832 г., когда квартальный надзиратель Серегин выловил в Кунгуре пономаря Бардакова, дьячек Алексей

Обухов из Бакланской слободы Шадринского уезда принес благочинному священнику Золотавину жалобу на священника Григория Сотникова, который не приглашал причетников к требам, чтобы не отдавать им половинную часть доходов. Стиль жалобы был вполне официальный: «Единственно вынужденным просить, чтоб не подать на себя есть ли не быть при Божественной Службе на чреди упоминаемого священника Сотникова пред Начальством неприличным поступкам при том же поношению и переговору от прихожан, по Благоволению вашему Естьли священник Сотников не будет согласен то не премину затруднить и высшее начальство и на сие ожидая Милостивейшей удовлетворительности»[53].

Подобные примеры достаточно наглядно демонстрируют разницу образовательного уровня священнослужителей и причетников (см. также табл. 12, 13, 14, 15). Материальная необеспеченность причетников мешала и их сыновьям получить надлежащее образование, а следовательно — и священнический сан. Внутрисословная социальная мобильность уменьшается прежде всего благодаря появлению причетнических семей, в которых уже нескольким поколениям не удается пробиться на более высокий социальный уровень: уральский материал в этом случае подтверждает данные по Центральной России[54].

Страх перед переходом в податные сословия приводил к тому, что среди духовенства появляются свои беглые. Как правило, более удачливые представители сословия сочувственно относились к тем, кто оказался вне закона. В 1801 г. чуть не попал под суд священник Иван Топорков за то, что принял в работники по просьбе «отставного дьячка» Василия Кузовникова его безграмотного 16-летнего сына. Священнику грозило

наказание «за держание у себя беспаспортного человека», но его спасла амнистия, объявленная по случаю вступления на престол Александра I. Дьячок не подвергся наказанию за необучение сына потому, что уже был за штатом[55]. Если священник Топорков действовал и из корыстных побуждений, то двумя семинаристами, которые «за Камой пропитывают какого-то рыболова из духовных, доставляя ему потребное для пропитания»[56], двигал, скорее всего, чистый альтруизм.

3.3 Награды и наказания духовенства

Логика общей бюрократизации российского государства требовала включения духовенства в общесословную систему судопроизводства, по крайней мере — упорядочивания системы архиерейского суда. Эта же логика требовала и приобщения духовенства как сословия привилегированного к общегосударственной наградной системе. Тем не менее, за весь рассматриваемый период ни то, ни другое так и не было сделано. Предложение М.М. Сперанского издать Свод церковных законов встретило резко отрицательную реакцию Николая I[57]: правительство не могло финансировать радикальные преобразования духовного сословия, а потому ратовало уже только за сохранение чисто внешнего престижа духовенства и не желало «выносить сор из избы». Тоже касалось и наград: в 1826 г. Сенат и Синод принимают указы о том, чтобы «гражданские начальства по вопросу о награждении священнослужителей сносились с церковным начальством»[58], так как и те, и другие опасались награждения тех, кто подвергался церковным наказаниям.

* * *

Чуть ли не единственной наградой духовенству в первые годы существования епархии были письменные благодарности, сведения о которых заносились в клировые ведомости. Выглядеть подобная благодарность могла достаточно солидно: «1813 года Июля 2 дня [...] Преосвященным Иустином предписано ему Иерею Попову восписать подобающую похвалу и благодарность за примерную ревность, труды и неусыпную заботливость о скором совершении важного Петро-Павловского Храма Божия, и разослать по всем Пермской Епархии Церквам сведения в пример и подражание, похвальные листы соблюдать в церквах и внесть в опись о его добродетелях позднему потомству с сим вместе и награжден набедренником»[59].

После 1801 г.. в клировых ведомостях фиксируются первые собственно церковные награды — набедренники, камилавки, скуфьи (наградные принадлежности священнического облачения). В ведомостях за 1816 г. по Ирбитскому уезду (почему-то этому уезду «везло» больше, чем другим, где сведения о наградах появятся гораздо позже) числятся городской протоиерей Михаил Хомяков, награжденный скуфьей, и один протоиерей и пять священников, награжденных набедренниками[60] (низшая церковная награда).

Первые «массовые» награды — бронзовые наперсные кресты на Владимирской ленте, учрежденные именным указом от 30 августа 1814 г. для священников, отправлявших церковные службы во все время Отечественной войны[61]. В Екатеринбургском уезде в 1824 г. такие кресты имели 3 протоиерея и 25 иереев[62].

Верность поговорки «Дионисий всех повысил» в общем-то подтверждается клировыми ведомостями, но, по-видимому, более широкая раздача церковных наград практиковалась в эти годы не только в Пермской епархии, а уже повсеместно, потому что при преемниках Дионисия число награждаемых священников остается примерно тем же.

В 40-х гг. появляются сведения о награждении духовенства орденами. Эти награждения, а также пожалования наградными наперсными крестами производились за миссионерскую деятельность[63], а также за участие в увещаниях бунтовавших крестьян (см. главу 2).

Диакона и причетники не могли получать таких наград, для них наиболее реальным было получение все той же благодарности, денежной награды и посвящение в более высокий сан.

Награды белому духовенству выделялись достаточно скупо, сами клирики оценивали свои заслуги значительно выше: «Сию минуту пришел из храма (маленького) над воротами здешнего монастыря. Восхищение да и только! [...] Что, если б я мог таким образом научиться малевать (рисовать, творить), О! Я бы от удовольствия умер в туже минуту! — И кто ж так восхитил меня?... Какой-то Дьякон. Скорее бы его Протоиереем, и на шею Анну»[64].

Гораздо более изощренной и разнообразной была система наказаний духовенства, хотя на протяжении периода она весьма заметно смягчилась. Согласно Уставу духовных консисторий 1841 г., ведомству епархиального суда подлежали «а) лица духовного звания по поступкам против должности, благочиния и благоповедения; б) по взаимным спорам, могущим возникать из пользования церковной собственностью; в) по жало-

бам духовных и светских лиц на духовные лица в обидах и нарушении бесспорных обязательств и по просьбам о побуждении к уплате бесспорных долгов». Светскому суду подлежали духовные лица, обвинявшиеся «а) в делах между собою и с светскими лицами тяжебных и исковых по неисполненным договорам и обязательствам и по взысканиям за нарушение прав ущербами, убытками и самоуправным завладением; [...] б) в случаях нарушения государственных постановлений, по коим существуют особые правила в судопроизводстве и взысканиях, как-то: в пристанодержательстве и укрывательстве беглых, кормчестве, в порубке лесов, неисполнении карантинных и таможенных постановлений [...]; в) в тяжких уголовных и государственных преступлениях»[65]. При этом принадлежность дела компетенции светского суда не избавляла зачастую и от суда духовного.

Указом Синода от 21 мая 1766 г. были запрещены телесные наказания по приговорам духовного суда священников и иеромонахов, в 1771 г. — диаконов[66]. В декабре 1796 г. священнослужители были освобождены от телесных наказаний и по приговорам светских судов, «ибо чинимое им наказание в виду самих прихожан, кои получали от них спасительные тайны, располагает народные мысли к презрению священного сана», но 13 апреля 1797 г. вышел сенатский указ о наказании «дворян, гильдейских граждан, священников и диаконов телесно за уголовные преступления»[67]. Окончательно священнослужители были освобождены от телесных наказаний в июне 1801 г., их жены — в 1808 г., рядовые монахи — в 1811 г.[68] В 1835 г. принимается постановление об освобождении от телесных наказаний детей священнослужителей. Причетники и члены их семей

могли подвергаться телесным наказаниям вплоть до 1863 г., когда этот вид наказаний был отменен вообще[69].

Впрочем, сами духовные власти старались не прибегать к подобным мерам, понимая, какое впечатление это должно производить на прихожан. Поскольку телесные наказания применялись только в тех случаях, когда виновный подлежал светскому уголовному суду, а по церковному суду приговаривался к исключению из сословия, в церковных документах телесные наказания представителей духовенства остались неотраженными. Позорящие наказания применялись лишь на рубеже веков, причем власти стремились в этом случае избежать публичности. В 1797 г. уже запрещенный в служении диакон Иван Володимеров «за пьянство и за заклад платья своего в питейный дом для пития вина содержан был в духовном правлении в цепи», а за год до него той же участи и тоже за пьянство подвергся двадцатичетырехлетний дьячок Стефан Антропов — таковы редкие примеры «физических мер воздействия» на провинившихся в рассмотренных архивных документах[70].

Из сословия исключали редко: даже исключенный в 1843 г. за пьянство, «сквернословие и другие буйственные поступки» дьячок Иван Суворов в 1844 г. оказался в монастырских трудах, т.е. решение об его исключения было отменено, видимо, так и не вступив в силу[71]. Речь в данном случае идет именно о духовных лицах, а не об их детях, не получивших образования.

Священнослужители, которые были виновны в канонических, но не уголовных преступлениях, могли быть извергнуты из сана, но остаться в сословии на причетнических должностях[72]. Следующим по силе каноническим наказанием для священнос-

лужителей является запрещение священнослужения. Эта мера применялась по отношению к тем, кто находился под следствием по обвинению в серьезном церковном или уголовном преступлении, а также к тем, кто уже был приговорен церковным судом или неоднократно подвергался более легким наказаниями за дисциплинарные проступки. В последнем случае запрещение могло сопровождаться и очередным наказанием «черными трудами». Запрещенные сохраняли некоторые права — например, на пользование церковной землей[73], но вообще штрафованные в правах ограничивались, не могли рассчитывать на предоставленные остальному духовенству льготы[74].

«Отсылка в труды» и денежные штрафы — самые распространенные виды наказаний. Осуждали на них чаще всего за пьянство, но иногда такое наказание следует даже за те преступления, за которые в других случаях подвергали запрещению. Вообще, поскольку большинство дел рассматривалось внутрисословно, а решение по ним выносилось правящим архиереем, то четко определенного соотношения между проступками и наказаниями долгое время практически не существовало. Так, за «допущение младенцу умереть без крещения» священник Василий Удинцов был наказан переводом на бедный приход (1796 г.) [75], священник Федор Словцов — четырьмя месяцами трудов при архиерейском доме (1824 г.) [76], а священник Николай Кокшарский — запрещением на три года (1797 г.) [77].

«В труды» определяли чаще всего в монастырь или архиерейский дом, но иногда эту епитимью исполняли при духовных правлениях или консистории. Сами «труды» зависели от степени виновности наказанного и от «производственной необходимости». В первой четверти XIX в., когда при семинарии служи-

ли исключенные ученики, духовенство отправляли в наказание «в семинарию сеять муку и месить хлебы и прочие исполнять труды до хлебни касающиеся»[78], а также на другие работы, требующие большой физической силы. Дьячок Савва Машанов был в 1831 г. «определен сторожем при Ирбитском духовном правлении, доколь не будет усмотрена постоянная трезвость»[79]. Священник Василий Ильин был в 1821 г. штрафован «посылкою в Верхотурский монастырь для иерейского служения на год за упустительное исполнение служб, ослушание и грубость против благочинного»[80] — в данном случае на первый план выступает «воспитательная функция» наказания. Вообще же наказание это было настолько распространенным, что пьяный священник, увидев благочинного, прежде всего интересовался: «не за тем ли он приехал, чтобы отправить их в труды?»[81] Постоянное присутствие большого числа штрафованных бельцов, разумеется, не улучшало обстановку в монастырях. В 1808 г. казначей Верхотурского монастыря просил выслать оттуда священника Уктусского завода Якова Могильникова, который «обращается в безмерном пьянстве и чрез то делает соблазнительные народу поступки». Могильников был низведен в причетники и по собственной просьбе назначен дьячком в архиерейский дом. Сразу же по прибытии он пропил шубу и рубаху одного из монахов архиерейского дома[82].

По-видимому, отправка штрафованного в архиерейский дом считалась более неординарной мерой, чем отсылка в монастырь, а архиереи придавали большое значение собственному контролю за поведением штрафованных. Духовенство, в свою очередь, знало, как высоко оценивали архиереи свое влияние на перевоспитание осужденных, и

великолепно использовало это заблуждение. Даже запойный пьяница Яков Могильников вряд ли из одних верноподданнических чувств просился в архиерейский дом, а попадались среди штрафованных и вовсе виртуозы. Доказательством этого может служить следующее послание, исполненное каллиграфическим почерком на гербовой бумаге: «должен я нижайший, получивши билет Мая 11 числа, отправляться в Далматовский Успенский Монастырь на два месяца, за нетрезвость обнаруженную по делу о бесчинстве запрещенного Священника Димитрия Дюкова, чинимом в Святом Храме, хотя я нижайший, весьма редко, но употребляю хмельные напитки, но чтобы когда либо упивался оными, этого не бывало и в должности моей постоянно исправен, то для показания моего поведения и перенесения определенной епитимии мне весьма желательно быть ближе к Лицезрению Вашего Высокопреосвященства. По сему Ваше Высокопреосвященство. Благомилостивейшего Архипастыря и Отца всепокорнейше прошу не благоволено ли будет мне нижайшему Пономарю Тюшнякову, дозволить исполнять определенные два месяца не в Далматовском монастыре, а при Пермском Архиерейском доме»[83].

Срок наказания трудами чаще всего назначался архиереем произвольно, иногда — «до полного исправления». Лишь в некоторых случаях длительность епитимьи регламентировалась законодательно, например — при венчании браков несовершеннолетних (священник отправлялся в труды на половину того срока, которого не хватало до совершеннолетия обвенчанных им, остальные клирики, принимавшие участие в обряде — на четверть этого срока)[84].

Монастырь мог стать и заключительным этапом чересчур веселой служебной деятельности: в 1808 г. уже штрафованному за пьянство священнику Федору (фамилия, видимо, была пропущена при переписке) предлагалось указать, что он предпочитает: быть отданным в солдаты или постричься в монастырь[85].

Крупные денежные штрафы приравнивались к наказанию черными трудами (например: «за невоздержанность от пития должен был явиться в Архиерейский дом в труды или прислать 50руб.»[86]), но назначались они редко. Наиболее распространены штрафы в пределах 10—15 рублей. Что же касается причин наложения денежных взысканий, то в их число входит практически весь спектр прегрешений духовенства. Прежде всего это, конечно, пьянство, затем — «нерадение о детях». Штрафами отделывается теперь духовенство и за пропуск службы «в праздники и высокоторжественные дни»[87].

Достаточно распространенными были также выговоры и более легкие, нежели «труды», епитимьи (земные поклоны в церкви во время службы)[88].

Вообще же система наказаний ограничивалась зачастую лишь степенью развития воображения архиерея и членов духовных правлений и консистории. Пономарь Михаил Топорков «за неисправность и нерадение к должности отрешен был от оной и послан в русскую школу для обучения в твердость чтению и пению»[89], священник Иван Аникиев находился под судом «якобы за битие диаконской дочери Варвары Удинцовой», но был ею прощен, так что отделался выговором, а «для вящего же возчувствования вины взыскано с него за употребленную по делу бумагу 30 рублей»[90]. Дьячок Василий Удинцов «за брань священника Стефана Топоркова жены в пьяном образе штрафован пе-

неисправность и нерадение к должности отрешен был от оной и послан в русскую школу для обучения в твердость чтению и пению»[89], священник Иван Аникиев находился под судом «якобы за битие диаконской дочери Варвары Удинцовой», но был ею прощен, так что отделался выговором, а «для вящего же возчувсвования вины взыскано с него за употребленную по делу бумагу 30 рублей»[90]. Дьячок Василий Удинцов «за брань священника Стефана Топоркова жены в пьяном образе штрафован переводом Екатеринбургского заказа в Гробовскую крепость пономарем»[91]. Перевод на другой приход, всегда связанный со значительными материальными затратами, как уже указывалось, особенно изощренно использовался архиепископом Аркадием.

В то же время очень серьезные с точки зрения церкви проступки могли наказываться весьма снисходительно. Священник Андрей Удинцов «за непоезд его для Христианского напутствия крестьянина Ивана Чусовитина без которого он и помер» был в 1821 г. опенян 10 руб. [92], а священник Иван Дягилев «за шумство и драку в церкви на соблазн людям» был в 1798 г. запрещен на две недели [93]. При этом по настоянию высших иерархов духовенство было в 1821 г., освобождено от гражданского суда за нарушение порядка в церкви[94]. Несколько упорядочил систему наказаний за подобные преступления, соотнеся ее с каноническим правом, лишь Устав духовных консисторий.

Сложившиеся задолго до рассматриваемого периода традиции консисторско-архиерейского суда привлекут к себе внимание государственных властей лишь в царствование Александра II, но привести их в большее соответствие с гражданской системой судопроизводства и законодательства так и

духовного сословия на первый план вышла задача очистки его от иносословных элементов. На протяжении всего XVIII в. из сословия исключаются те, кто был записан в подушный оклад, к концу века, судя по клировым ведомостям, эта задача была выполнена. К началу XIX в. в состав сословия входят лишь те, кто числит за собой уже несколько поколений предков, состоявших на церковной службе. Эта ситуация позволяет предположить, что за время, протекшее после замыкания сословия, должна была выработаться особая сословная культура, позволявшая духовенству самоопределяться в социальной структуре российского государства.

Центром формирования этой культуры стала духовная школа. В данном случае речь пойдет не о церковной, богословской культуре, которая развивалась в духовной школе со времен принятия христианства, а именно о сословной, преимущественно бытовой, культуре.

Система закрытых сословных учебных заведений способствовала усилению чувства корпоративной замкнутости. Жизнь воспитанников духовной школы жестко регулировалась уставами, из нее изгонялись малейшие намеки на иносословные обычаи (вплоть до того, что было строго запрещено «пение светское и простонародное»[96]). Правда, попытки навязать определенные поведенческие нормы (контроль за учениками во внеучебное время, ограничение круга общения, принуждение к посещению церковных служб) приводили зачастую к прямо противоположным результатам. Наглое игнорирование семинаристами церковных служб выводило из себя даже либеральнейшего из пермских архиереев — Иустина: «Вол и осел ясли свои знают, но семинаристы, наипаче же ученики философии, к крайнему

своему стыду, не знают церкви и алтаря Господня, от которых и отцы и предки их и они сами питались и питаются. Им было уже известно, коликократно чрез течение двух лет получал от нас выговор и негодование за их леность префект Василий Квашнин, и коликократные от префекта слышали увещания, выговоры, прещения и укорения. Но все сие осталось недействительно и тщетно к немалому нашему оскорблению. Они чем больше возрастают, и чем больше учатся, тем больше жестеют, дуреют, а тем и отцов своих бесчестят: ибо от плодов дерево познается и каковы ветви, таков и корень, и напротив»[97].

В оправдание семинаристов можно сказать, что во время службы они должны были выполнять обязанности певчих и причетников, что почиталось ими оскорблением профессионального достоинства будущих священнослужителей[98]. К собственно священническим обязанностям отношение могло быть и другим: «Слушал проповедание Г-на Гилярова. Какой проповедник! один взгляд чего стоит? впрочем я обещаюсь говорить на кафедре (если буду) втрое лучше его (экое самохвальство!)» (Андрей Капустин)[99].

Но прав был и епископ Иустин, отмечавший сходство поведения отцов и сыновей: взрослые клирики более чем беспечно относились к исповеди[100] (в отличие от светских лиц, обязанных исповедоваться и причащаться один раз в год, духовенство должно было выполнять эту «государственную обязанность» в каждый из четырех постов — Великий, Рождественский, Успенский и Петровский).

Вместе с тем, в семинарии вырабатывалась особая бытовая культура, своеобразие которой осознавалось и всячески подчеркивалось учениками. Латынь, бывшая мучением для боль-

шинства, у одаренных счастливчиков превращалась в предмет гордости и щегольства, причем именно разговорный, бытовой язык[101]. Способность свободно говорить на латинском языке была знаком сословной принадлежности. Латынь при этом уравнивала духовенство с дворянством, также говорившем на языке, неизвестном простонародью. И пусть пермская латынь была невысокого качества, местному французскому она вряд ли сильно уступала.

О другом предмете, ставшем культурно-значимой особенностью духовного образования, несколько ехидно настроенный профессор Пермской семинарии Михаил Капустин пишет следующее: «В старой семинарии страстно любили вирши. По рассказам стариков, бывших ее питомцев, в до-реформенный период (до 1818 г.), сочинением «хороших стишков», т.е. правильных по размеру, с рифмами богатыми и звучными, хотя бы и самых пустых по содержанию (лишь бы не язвительных и не фривольных - каковые награждались поркою), можно было загладить перед учителем какую угодно школьную шалость или проделку. Почти все преподаватели, в свое время воспитанные на стихах же, имели к ним большую слабость; сам владыка Иустин любил и особенно ценил стихотворные работы семинаристов. В 1813 году были представлены ему семинарским начальством три ученические «оды», и он за свой счет приказал выбрать в магазине три хорошие книги (цены от 3 до 5р.) для подарка их авторам за его собственноручным «подписанием»,- и две книги достались одному автору; в 1815г. опять два семинариста подносили ему в день ангела «гимн» и «оду», и также были им награждены; за надгробные стихи, по случаю смерти одного преподавателя сочиненные,- велено было «сшить для автора сертук из

черной или темнозеленой китайки» [...] В детстве мне случалось в «учебном хламе» своих дядюшек и старших братьев перечитать множество вольных и подневольных «стихомараний» и «стихокропаний», в таком роде как «триолет к моей кыске», «стихи к изображению кота», «описание прогулок, бывших около Перми», «стишки соученику NN написанные, за которые чуть было не высекли стихотворца лозами», надписи к какой-либо вещице, подносимой в подарок кому-либо из родных или друзей, даже письма к родным, в стихах»[102].

Отношение самих семинаристов к своему стихотворчеству было весьма серьезным. Под одним из «опусов» Андрея Капустина стоит подпись другим почерком: «а веть право стихи-то скверные слышь?»[103]

Интересна и еще одна традиция духовных училищ: помимо кличек между учениками было принято обращение друг к другу по имени-отчеству (особенно между приятелями), причем не только в семинарии, но и в начальных училищах. Возможно, в этом сказывалось желание дополнительно подчеркнуть «высоту» своего происхождения, несмотря на несоответствие подобного обращения училищному быту: «Для героев наших Сабуровых и им подобных также прошла [с наступлением холодов — А.М.] милая пора рыцарского страдования, под чем разумелись набеги на соседний архиерейский сад и огород (таким удальством занимался даже сам любезный мой Ив. Иванович, у которого в минувшую вакацию нечаянно оказался в руках мешок с картофелью, в то время как он лез через один забор... слышно было, что при этом случае потерпели не одни только мешок да забор, а и еще кое-что)... впрочем чего невыдумает клевета?»[104]

Использование церковно-славянизмов, устаревших грамматических норм, перенос в русский язык латинских фразеологических конструкций, ритмизация письменного языка становятся признаками клерикальной стилистики, над которой смеялись современники, но которая со временем обрела своеобразную привлекательность, по крайней мере, в лучших своих образцах.

Сознание своей сословной обособленности проявлялось у семинаристов и не в столь возвышенных сферах. В таких случаях они ориентировались на нормы поведения уже не дворянства, а тех социальных групп, среди которых проходила жизнь большинства из них — крестьянства, мастеровых и мещанства. В апреле 1845 г. инспектор семинарии доносил правлению: «апреля 19-го ученики семинарии и училищ, живущие в зданиях семинарских корпусов, после ужина вышли на берег прогуляться. Двое из них, — один училищный, другой из класса словесности, лет по 14-ти, схватились между собою бороться: идущие останавливались, мало по малу образовали около них круг зрителей. Бойцы утомились; между тем подъехало несколько человек из здешних граждан; они остановились тут же и взрослым предложили бороться с ними: нашлись отважные, боролись, — и двое последние из учеников Е.С. и С.П. под ряд были уронены. Граждане, восторжествовав над всеми, осмеяли борцов, сели на дроги и ускакали. В числе многих зрителей из посторонних был рещик. Ученик семинарии И.Ю., из неуместного попечения о побежденных товарищах, подходит к рещику и начинает его сперва просить, а потом принуждать к продолжению борьбы; рещик отказывается; Ю. задерживает его и принуждает бороться; рещик рвется; Ю. держит крепко; рещик в испуге вскричал: «неумею, с роду не барывался!», и из опасения, как бы

не бросились на него все зрители, — вывернулся из широкой шубы своей, пробился в рубашке сквозь стоящий ряд и всею силою убежал в соседний дом, где и скрылся. Толпа смеялась над убежавшим»[105].

Несмотря на случайность этого боя, в нем проявились некоторые особенности организованных, праздничных кулачных боев: начало боя «внутриобщинное», но затем он перерастает в «межобщинный», местом проведения боя служит набережная[106]. Кулачные бои между семинаристами и горожанами проводились неоднократно — об этом свидетельствует решение семинарского правления, принятое в связи с описанным случаем[107].

Ориентацией на традиционное поведение рекрутов[108] можно объяснить и неожиданную метаморфозу, происшедшую с семинаристами, записавшимися в 1812 г. в ополчение. Комиссар семинарии доносил Иустину, что «ученики риторики: Александр Коровин, Осия Собянин, Иван Ананьин, Иван Попов, пиитики: Иван Кашин, синтаксимы: Василий Попов, также крестовой церкви пономарь Алексей Буров, пожелавшие в новое ополчение, частовременно пьянствуют, и в Семинарии буянят»[109]. Пьянство в семинарии было явлением заурядным, но то, что именно эти ученики прежде «винопитием» особенно не грешили, доказывается тем, что одному из них (Коровину) было в результате отказано от учительского и диаконского места. Несмотря на дефицит учителей, вряд ли на эти места назначали заведомых алкоголиков.

Не слишком «удалялось» от крестьянского образа жизни и служащее духовенство, чем вызывало серьезную озабоченность церковных и светских властей. Вообще, на приходах те зачатки осознанной культурной обособленности, которые заме-

чаются в среде семинаристов, размываются. Количество «духовных» на приходе вместе с семьями — один-два десятка человек, причем полное семинарское образование имели среди них в лучшем случае два-три человека, так что противостоять воздействию традиционной народной культуры было крайне сложно. Даже в семьях, претендующих на городской, дворянский образ жизни, оставалась неистребимой привязанность, например, к лубочным картинкам[110]. Образованное городское духовенство предпочитало общество светских лиц[111], поэтому и здесь, несмотря на бóльшую численность духовенства, между его представителями не складывалось особо устойчивых внеслужебных связей, которые могли бы способствовать созданию собственной бытовой традиции. Ощутимая разница в материальном положении привела к тому, что и внешне причетники и священнослужители начинают отличаться друг от друга. Причетники вне церкви продолжают носить крестьянскую одежду[112], тогда как священнослужители, прежде всего — городские, начинают во внеслужебной обстановке предпочитать рясу купеческому костюму. Сельские священнослужители, вынужденные заниматься земледелием, дольше носили светскую одежду.

В целом больше примет новой бытовой культуры прослеживается именно в священнослужительской среде. Происходивший из «достаточной» священнической семьи архимандрит Антонин вспоминал о годах своей учебы в Далматовском уездном училище и Пермской семинарии: «Так как я в продолжении пятилетнего пребывания в Далматове в доме и обществе крестьян до того огрубел в обращении с другими, что даже считал смешным и нелепым благородный тон, то судьба благодетельная по переводе моем в Пермь поставила меня сперва в немно-

го высший круг людей в доме купца, где я уже начал присматриваться к лучшему образу жизни, впрочем как жил в особой комнате то и не мог хорошо разглядеть этой жизни, и в продолжение двух месяцев приучался только к чистоте и порядку и благородно-скромному поведению [...] В этом семействе я увидел и чай и роскошный стол и другое многое, что напомнило мне дом отчий. Но при всем том образ жизни и круг понятий этих добрых лиц был еще далеко ниже того, к чему вело меня воспитание и звание. Холера, на время возвратившая меня домой, объяснила мне это. Все-таки наш дом далеко выше стоял моей Пермской квартиры; но он говорил только о том, как живут духовные, в чем ему честь и слава». Далее следует весьма нелестная характеристика мелкого пермского чиновничества, «где вообще была в ходу презрительность к низшим сословиям, которая посягнула бы может быть даже и на духовенство, если бы мы, кутейники, не стояли тут на квартире, и своей ученостию и достаточностию не унижали их полуневежества и полубедности»[113]. Интересно, что, идеализируя духовенство, автор отделяет его по образу жизни от других сословий, но «формально» относит его к низшим. Что же касается собственно образа жизни духовенства, он описывается в заметке за декабрь 1830 г.: «Поправившись здоровьем, я начал заниматься кое-какими учебными делами, как напр. переписывал Историю Шрекка, чем преимущественно занимался по утрам, сидя за одним столом с тятенькой, писавшим свои метрики. Вечерами занимались с ним же пением различных церковных песней, преимущественно же Рождественских. Занимались по временам вопросами ученобогослужебными, так напр. делали классификацию церковных праздников. Послеобеденное время большею частию я прово-

дил в Старом Дому у бабушки и Анны Леонтьевны, с которыми часто играли в карты»[114]. Круг общения семьи священника, помимо диакона и писаря, составляют «знакомые мужики»[115].

Не многим отличается от этого и жизнь городского священника. Правда, протоиерей Карпинский с женой посещают балы и маскарады местного бомонда, полковые учения, но большинство вечеров проводят дома за игрой в карты («в дураки Игор до 80»)[116].

Вообще, дневник Ф.Л. Карпинского во многом разрушает ту идиллическую картину, которая нарисована архимандритом Антонином. 4 декабря 1822 г., например, о. Федор заносит в дневник без всяких комментариев сообщение о визите дальних родственников, которые хотели силой увезти из дому его племянницу Екатерину: «Меня, ее и Наташку били»[117].

И Карпинские, и Капустины начинают в конце концов заявлять претензии на дворянское происхождение своих фамилий. «По семейному преданию род Карпинских, в нашей губернии, происходит от дворянского рода из Польши. Они поселились в Красной Слободе в конце XVIII столетия, и, на правах дворянства, до начала настоящего столетия владели несколькими тысячами десятин земли и крепостными людьми. Права эти они потеряли с утратою документов, украденных одним из крепостных людей у протоиерея Льва, умершего в начале XIX столетия». К семейному преданию прилагалось и достаточно безграмотно составленное «генеалогическое древо»[118], но больше никаких доказательств дворянского происхождения Карпинских нет. Сын Льва, действительно, купил себе крепостную[119] (ту самую «Наташку»), но это свидетельствует скорее о простоте местных нравов, когда на требования законодательства обращали мало внима-

ния (к тому же даже семейное предание гласит, что документы к тому времени уже были похищены).

Страсть к высокому происхождению завела в генеалогические дебри и семью Воинсвенских (Воинственских), которые уверяли, что ведут свой род от пленного шведа[120], хотя на самом деле их фамилия имеет чисто церковное происхождение (от имени святого Иоанна Воинственника; клирики зачастую получали фамилии по названиям церквей, в которых они служили)[121]. Причиной появления подобных претензий явно был возросший «образовательный ценз» служащего духовенства, которое, однако, не обладало сложившейся системой сословных культурных и социальных ценностей, а потому обращалось к традициям других сословий.

Духовные власти недаром столь упорно защищали систему закрытых сословных учебных заведений: на основе специального образования они рассчитывали создать новую сословную культуру, которая позволила бы духовенству более уверенно и независимо чувствовать себя в российском социуме. Но слабые ростки этой новой культуры неизменно заглушались более развитой иносословной традицией (крестьянской, городской). Собственные попытки духовенства подражать дворянской культуре были обречены на неудачу, поскольку по своему экономическому положению священнослужители могли сравняться только с маргинализирующимися слоями дворянства, мелким и средним чиновничеством, которое, в свою очередь, во многом утратило культурную традицию. Более мощной, цельной была монастырская культура, но она носила подчеркнуто внесословный характер, а в представлении белого духовенства монастырь неизменно связывался с наказанием, что не способ-

ствовало распространению в среде бельцов культурных традиций черного духовенства.

В то же время легкая приспособляемость духовенства к иносословной культуре облегчила социальную адаптацию выходцев из этого сословия, а зачатки собственно духовной бытовой культуры, перейдя границы сословия, развивались уже в новой среде, став одной из составляющих культуры интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См.:Зольникова Н.Д. Сословные... Гл.III: Политические обязанности приходского духовенства в системе абсолютизма. С.152-176.

[2]Знаменский И. Указ. соч. С.158.

[3]ПСП(П). С.490, 547. См. также: Знаменский И. Указ. соч. С.157.

[4]ПСП(П). С.546-549. Епископ Пермский Иоанн указом от 27 августа 1801 г. предписывал, дабы запрещенные или лишенные сана за пьянство или прелюбодеяние вообще были лишены христианского погребения. (ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.182 об.).

[5]Здравосмыслов Ал. Прот. Ф.Л. Карпинский//ЕЕВ, 1916. С.76.

[6]Здравосмыслов А. К юбилею 1812 года//ЕЕВ, 1912. С.727-728.

[7]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.18 об.

[8]Там же. Л.16 об.-17.

[9]Капустин М.И. Преосвященный Иннокентий (Коровин). С.100-101. См. также: РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1120. Л.195.

[10]Капустин М.И. Поэзия и проза в старой Пермской семинарии// ТПУАК. Вып.4. Пермь, 1901. С.13. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1122. Л.76 об.

[11]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.24. Л.261-261 об. См. также: Д.31. Л.26. Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С.436.

[12]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.77. Л.2.

[13]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.22. Л.173 об., 339, 343-345.

[14]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.58-60.

[15]Там же. Д.24. Л.12. См. также: Д.52. Л.134, 262-262 об. Д.48. Л.14-14 об.

[16]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.192 об. См. также: Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.20-21. Д.58. Л.332-333. Д.98. Л.57. Д.112. Л.144-145.

[17]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.58. Л.338–339. См.также: Ф.6. Оп.2. Д.462. Л.45.

[18]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.31–31 об., 56–56 об., 168. Ф.251. Оп.1. Д.58. Л.171-172. Д.67. Л.61. Д.112. Л.175.

[19]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.7–7 об.

[20]Материалы для истории церквей города Екатеринбурга//ЕЕВ, 1902. С.849–850.

[21]Розанов А.И. Указ. соч. С.89–90. См. также: Белюстин И.С. Указ. соч. С.69. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С.18.

[22]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1120. Л.191 об. Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С.394.

[23]К толкам о положении духовенства//ЕЕВ, 1887. С.1065–1066.

[24]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.7–8 об. Двоегласие (многогласие): клирики проводили каждый свою часть службы не по порядку, а начинали все одновременно. Служба значительно укорачивалась, но понять что-нибудь в ней было невозможно.

[25]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.32. Л.74.

[26]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.459. Л.1.

[27]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.26–27.

[28]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.187.

[29]Зольникова Н.Д. Сословные... С.155.

[30]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.17. Л.14-14об. Д.39. Д.52. Л.40.

[31]Там же. Д.7. Л.165. РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.838. Л.14.

[32]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.511.

[33]Там же. Д.416. Л.128.

[34]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.137 об.

[35]Там же. Д.14. Л.241–241 об.

[36]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.187. РГИА. Ф.796. Оп.205. Д.894. Л.43об.

[37]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.77. Л.1–1 об. ПСП(Н). С.565.

[38]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.140, 281–282.

[39]Там же. Д.107. Л.11.

[40]Там же. Д.102. Л.107 об.–110 об.

[41]Там же. Л.355–357 об.

[42]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1870. С.199.

[43]Там же//ПЕВ, 1871. С.557, 564.

[44]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.75.

[45]Подробнее см.:Ситников Л.А. Екатеринбургский книголюб конца XVIII — начала XIX столетий//Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С.12–14.

[46]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.102. Л.225–227.

[47]Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. Вып.III. Пг, 1916. С.992–1048.

[48]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.516. Л.48. Д.523. Л.2 об.

[49]ГАПО. Ф.37. Оп.1. Д.494. Л.2–2 об.

[50]Там же. Л.3–4 об.

[51]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.415. Л.34 об.

[52]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.28.

[53]Там же. Д.10. Л.21.

[54]Freeze J.L. The Parish Clergy... P.162.

[55]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.14. Л.43–43 об.

[56]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1871. С.414.

[57]Freeze J.L. The Parish Clergy... P.40.

[58]ПСП(Н). С.73, 107. См. также: РГИА. Ф.796. Оп.108. Д.1131.

[59]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.508. Л.52 об.

[60]Там же. Д.435.

[61]Цвиркун в. Крестная сила//Родина, 1992. №№6–7. С.83.

[62]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.445. См.также: ГАПО. Ф.37. Оп.4. Д.25. Л.29–29 об.

[63]Преосвященный Палладий, епископ Олонецкий и Петрозаводский//ПЕВ, 1882. С.119. РГИА. Ф.796. Оп.120. Д.1659. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.488. Л.331 об.

[64]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1119. Л.91 об. См. также:Ростиславов Д.И. Указ соч. С.417.

[65]Устав Духовных Консисторий. С.137, 146, 148, 149, 159.

[66]Смолич И.К. Указ. соч. — Т.1. С.355.

[67]ПСП (П). С.13, 61.

[68]Рункевич С.Г. Указ. соч. С.77 (ошибочно указано, что в 1801 г. было освобождено от телесных наказаний все духовенство). См. также: ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.14. Л.24–24 об. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.189 об.

[69]ПСП(Н). С.872. См. также: Доброклонский А. Указ. соч. С.173.

[70]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.420. Л.38 об.-39, 68 об.-69. См. также: Д.415. Л.21 об., 30 об.

[71]Там же. Ф.251. Оп.1. Д.72. Л.9-10. Д.83. Л.24-24 об. Д.86. Л.16. См.также: Д.34. Л.283 об.-284. ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.49. Л.42-43 об. РГИА. Ф.796. Оп.89. Д.154, 155, Оп.90. Д.592. Оп.106. Д.1363. Оп.109. Д.1020. Оп.112. Д.570. Оп.115. Д.1993. Оп.116. Д.311.

[72]Цыпин В.А. Церковное право. М., 1994. С.400-402. РГИА. Ф.796. Оп.119. Д.1072.

[73]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.34. Л.70-71.

[74]Там же. Д.34. Л.113-113 об.

[75]Там же. Ф.6. Оп.2. Д.420. Л.200.

[76]Там же. Д.462. Л.187.

[77]Там же. Д.420. Л.125. См.также: Д.415. Л.24 об.

[78]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.51. Л.299. См.также: РГИА. Ф.796. Оп.103. Д.782.

[79]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.464. Л.151.

[80]Там же. Д.462. Л.53.

[81]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.49. Л.386.

[82]Там же. Л.69-71 об. См.также: РГИА. Ф.796. Оп.84, Д.551. Оп.106. Д.1287.

[83]ГАСО. Ф.251. Оп.1. Д.102. Л.385-385 об.

[84]См.: Устав духовных Консисторий. С.187-211.

[85]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.49. Л.95-96.

[86]ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.462. Л.39.

[87]Там же. Д.420. Л.92.

[88]Там же. Д.462. Л.21.

[89]Там же. Д.420. Л.11.

[90]Там же. Д.464. Л.33.

[91]Там же. Д.420. Л.10.

[92]Там же. Д.462. Л.193.

[93]Там же. Д.420. Л.134.

[94]Доброклонский А. Указ. соч. С.111.

[95]См.: Лесков Н.С. Епархиальный суд//Собр. соч. в 12 томах. Т.6. М., 1989. С.336-353.

[96]Титлинов Б.В. Указ. соч. С.263.

[97]Об иерархах... С.21.

[98]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1874. С.490.

[99]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1119. Л.80 об.

[100]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.14. Л.40. ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.414. Л.172. Ф.251. Оп.1. Д.7. Л.269. Д.14. Л.110–111.

[101]ГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.470. Л.22. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.108–109: в дневнике семинариста встречаются отдельные слова на иврите.

[102]Капустин М.И. Поэзия... С.9–12.

[103]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.114 об.

[104]Там же. Л.31 об. См.также: Л.16, 101а, 101б. Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого. С.433.

[105]Лаговский И.Е. Указ. соч.//ПЕВ, 1876. С.97–98.

[106]Бернштам Т.А. Указ. соч. С.95.

[107]Лаговский И. Указ. соч.//ПЕВ, 1876. С.98.

[108]Бернштам Т.А. Указ. соч. С.211–212.

[109]ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.70. Л.174–174 об.

[110]Капустин М.И. Лубочная картинка начала XIX столетия: «Разговор между профессором и крестьянином»//ТПУАК, вып.4. С.154–157. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С.222.

[111]См., напр.: ГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.470. РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1121. Л.9. Та же ситуация была характерна и для центральной России. См. напр.: Маренин В.И. Школьные и семейные воспоминания (Очерк духовной школы и быта в половине прошлого столетия). СПб., 1911. С.79–80: Описание быта духовенства г.Торжка). Жизнь пастыря в мире. СПб., 1844. С.23–26: призыв к духовенству больше общаться друг с другом, а не с «низшими».

[112]Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С.495.

[113]РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.41 об.–43.

[114]Там же. Л.36.

[115]Там же. Д.1120. Л.188об. Д.1121. Л.8.

[116]ГАСО. Ф.101. Оп.1. Д.470. Л.1, 13об., 15, 23, 24. Судя по всему, тому же Ф.Л. Карпинскому было адресовано письмо епископа Иустина от 22 февраля 1806 г.: «Пречестный отец Протоирей! Похваляют вас, что искусно играете в карты, и что представляете лице забавного смехотвора. О сем вашем занятии некоторые смеялись и хохотали; а я вместо вас стыдился и краснел. Прошу вас покорно, не доводить меня до стыда своими поступками, также и до тяжкого воздыхания. Жалко мне, жалко, что вы проиграли и просмеяли доброе у меня о себе мнение. А сия потеря не мала! Вспомните когда нибудь, вспомните, что вы представляете в себе лице протопопа, члена духовного Правления и Первыя в Екатеринбурге особы, и что на вас

прочие, а наипаче духовные взирают, примечают ваши поступки, и те, которые не так, как вы философствуют, соблазняются». Ф.101. Оп.1. Д.503. Л.2.

[117]Здравосмыслов А. Прот. Ф.Л. Карпинский. С.76.

[118]Некролог Нижне-Тагильского о.протоиерея Алексея Львовича Карпинского//ПЕВ, 1877. С.89–90.

[119]Здравосмыслов А. Прот. Ф.Л. Карпинский. С.73. См.также: РГИА. Ф.834. Оп.4. Д.1118. Л.2.

[120]Мамин-Сибиряк Д.Н. Указ. соч. С.426.

[121]См. напр.: Шереметевский В.В. Фамильные прозвища великорусского духовенства. М., 1908. С.36–37.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Участие духовенства в крестьянских выступлениях, прежде всего — в крестьянской войне 1773 — 1775 гг., заставило правительство несколько пересмотреть свою политику по отношению к духовному сословию. Не отказываясь от прежнего, сугубо прагматического отношения к духовенству, государство основной акцент делает на его идеологическую функцию. Для того, чтобы духовенство более эффективно выполняло свою «охранительную» роль, необходимо было поднять престиж сословия, чему в XVIII в. придавалось гораздо меньшее значение. Другим фактором, оказавшим существенное влияние на правительственную политику первой половины XIX в. стало стремление к бюрократическому упорядочиванию всех сфер общественной жизни. С этой тенденцией связано все большее уподобление духовенства чиновничеству, а также активизация антистарообрядческой деятельности в царствование Николая I, что также, естественно, сказалось на положении духовенства.

Главным препятствием проведению новой государственной политики являлась зависимость белого духовенства от прихожан, а в юридической сфере — и от местных церковных властей. Материальная зависимость от прихожан грозила свести на нет «охранительную» роль духовенства, а также препятствовала окончательному превращению клириков в государственных служащих, так как в идеале чиновник должен полностью зависеть

от того, кому он служит. Кроме того, занятие земледелием и внешне сближало духовенство с крестьянством. Единственным решением этой проблемы мог бы стать перевод духовенства на государственное жалование, на что правительство так и не решилось, ограничившись посреднической ролью между духовенством и прихожанами при наделении церквей землей при проведении Генерального межевания. В Пермской епархии и посредничество государства оказалось во многом лишь формальным, так как договор об условиях пользования церковной землей заключался без участия представителей светских властей. В период проведения реформы государственной деревни была сделана попытка использовать связи духовенства с крестьянством для распространения среди крестьян прогрессивных сельскохозяйственных технологий, но условия, на которых священнослужителям предлагалась аренда государственных земель, не привлекли их внимания: сказывались нехватка времени и неустойчивость материального положения клириков (то же касается и намерений правительства превратить клириков в сельских врачей и учителей). Кроме того, на растущее нежелание священнослужителей заниматься «побочной деятельностью» оказали влияние рост их образовательного уровня, в связи с чем они должны были более ценить свою профессию, и повышение их официального статуса (рост числа привилегий, более широкая раздача церковных и светских наград).

В первой половине XIX в. властям наконец удается создать широкую сеть духовных учебных заведений, что обеспечило значительный рост образовательного уровня духовенства и прежде всего — священнослужителей. Быстрота, с которой был решен этот вопрос спустя столетие после его возникновения,

еще раз показывает, что теперь правительство видит свою основную задачу в подъеме авторитета духовенства. Этим же объясняется масштабность программы семинарского образования, которое становится обязательным для претендующих на священнослужительские места. Изменение программы в 1840 г. в целях ее приближения к потребностям сельской жизни встретило негативную реакцию церковных властей, отстаивавших культурную независимость духовенства, и самих клириков.

Государство переходит к новой системе регулирования численности духовного сословия: периодически проводившиеся военные разборы XVIII в. сменяются непрерывно происходившим оттоком из сословия лиц, не получивших достаточного образования.

Духовенство остается замкнутым сословием, причем, в отличие от XVIII в., выход из него закрывается уже не только церковными властями, получившими необходимое число квалифицированных кадров, но и правительством. Система духовного образования создавалась параллельно с системой светской школы (следовательно, государство не собиралось «открывать» духовное сословие), поэтому государство теперь не только не нуждается в образованных кадрах из духовной среды, но и опасается конкуренции с их стороны для учеников светской школы. В условиях для выхода из сословия проявилась разница отношения правительства к двум группам служащего духовенства. Сыновьям причетников, не получившим среднего образования, было легче всего выйти из духовного сословия, но крайне сложно поступить на государственную службу (исключая канцелярских должностей в духовных правлениях и консисториях). Детям

священнослужителей предоставлялось больше возможностей для поступления на государственную службу, но власти препятствовали выходу из сословия тех из них, кто получил достаточно высокое образование. В результате в составе сословия растет число лишних людей, либо не имеющих образования, либо не могущих занять место, соответствующее полученному образованию. Сравнительно мягкие условия, существовавшие в Пермской епархии, были уравнены с общероссийскими благодаря разрешению переводить окончивших семинарский курс из других епархий.

Закреплению в сословии лишних людей способствовала достаточно разработанная система социальной защиты, выработавшаяся в условиях сословной замкнутости. Невмешательство правительства в такую сферу как, например, епархиальный суд, можно объяснить тем, что подобное вмешательство неминуемо вывело бы на проблему обеспечения семей штрафованных, заштатных и т. п., что потребовало бы выделения средств из государственного бюджета. Кроме того, упорядочивание церковного законодательства, его интеграция в общероссийскую юридическую систему не могла не затронуть авторитета духовенства — так, по крайней мере, казалось правительству Николая I.

Замкнутость сословия даже возрастает в первой половине XIX в. благодаря прекращению доступа в него не только мужчин из других сословий, но и женщин. С прекращением притока в сословие крестьянок и мещанок менее очевидным стал и реальный социальный статус духовенства.

Поднять престиж духовенства в глазах прихожан правительству не удается. В приходской общине продолжают дей-

ствовать сложившиеся ранее отношения, а мероприятия, направленные на все большее подчинение ее епархиальным властям в равной степени бьют по интересам как общины, так и приходского духовенства. Активизация борьбы со староверием приводит к распространению единоверческих приходских общин, которым предоставлялась бо́льшая самостоятельность, чем собственно православным, что должно было негативно отразиться на настроениях в последних. Кроме того, борьба со старообрядчеством приводит к усилению контроля за приходским духовенством со стороны светских и церковных властей, нарушает связи между духовенством и приходской общиной в целом, сложившиеся в предыдущем столетии, подчеркивает фискальную роль духовенства.

Независимая сословная культура духовенства в рассматриваемый период окончательно еще не сложилась Духовенство легко приспосабливается к той культурной среде, в которую оно попадает, поэтому выходцы из него достаточно легко приживаются в любом сословии. Культурная ориентация подчеркивает растущее социальное расслоение в среде белого духовенства: причетники продолжают придерживаться народных бытовых традиций, в то время как священнослужители, особенно городские, уже начинают подражать дворянскому быту. В то же время в среде священнослужителей наблюдается растущая тяга к культурной обособленности даже от высших сословий (в этом проявляется и пассивное сопротивление зависимости духовенства от государства и от олицетворяющего его чиновничества). С другой стороны, в мировосприятии духовенства нарастает осознание собственной маргинальности, присущей духовенству в силу его медиативных функций в общинном микрокосме и

усиленной экономическими и социальными факторами: зависимостью от прихожан, дефицитом штатных мест, подчеркнутых исключением духовенства из различных сфер общественной жизни, общим несоответствием официального статуса духовенства его реальному положению в обществе.

Выходцы из духовного сословия, весьма существенно пополнявшие состав разночинной интеллигенции, принесли туда свое маргинальное мировосприятие и негативное отношение к духовенству. Взаимные нападки интеллигенции и духовенства станут темой оживленной полемики в 60-е гг. XIX в. Окончательно взаимопонимание так и не будет найдено, но постоянные «стычки» с интеллигенцией будут способствовать «пробуждению» духовенства, изживанию маргинальных черт в сознании и активизации борьбы за изменение положения духовенства в обществе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАПО	Государственный архив Пермской области
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ЕЕВ	Екатеринбургские епархиальные ведомости (Неофициальный отдел)
ПЕВ	Пермские епархиальные ведомости (Неофициальный отдел)
ПСП. Т.1.	Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Том.1
ПСП (П)	Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Павла I
ПСП (Н)	Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I
РГАДА	Российский Государственный Архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы Института русской Литературы (Пушкинский дом)
ТПУАК	Труды Пермской ученой архивной комиссии

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДУХОВЕНСТВА ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во чел.	Приходское училище		Уездное училище		Семинария – отделения						Академия		Всего	
							низшее отд.		среднее отд.		высшее отд.					
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1806	Священник	49			1	2,04	1	2,04	1	2,04			1	2,04	4	8,16
	Диакон	33			1	3,03	2	6,06	1	3,03					4	12,12
	Дьячок	46			4	8,7	1	2,17							5	10,87
	Пономарь	46			10	21,74	2	4,35							11	23,91
	ВСЕГО	174			16	9,2	5	2,87	2	1,15					24	13,79
1807	Священник	50			1	2	1	2	3	6					5	10
	Диакон	32			2	6,25	2	6,25							4	12,5
	Дьячок	44	1	2,27	4	9,09	2	4,55							7	15,91
	Пономарь	46			8	17,39	1	2,17							9	19,57
	ВСЕГО	172	1	0,58	15	8,72	6	3,49	3	1,74					25	14,53
1808	Священник	47			1	2,13	2	4,26	2	4,26	3	6,38			8	17,02
	Диакон	29			1	3,45	2	6,9							3	10,34
	Дьячок	44	2	4,55	6	13,64	2	4,55							10	22,73
	Пономарь	39	2	5,13	5	12,82									7	17,95
	ВСЕГО	159	4	2,52	13	8,18	6	3,77	2	1,26	3	1,89			28	17,61
1817	Священник	59			3	5,08	14	23,73	7	11,86	1	1,69			25	42,37
	Диакон	34	1	2,94	2	5,88	2	5,88							5	14,71
	Дьячок	45	3	6,67	7	15,56	4	8,89							14	31,11
	Пономарь	49	6	12,24	5	10,2	2	4,08							13	26,53
	ВСЕГО	187	10	5,35	17	9,09	22	11,76	7	3,74	1	0,53			57	30,48
1818	Священник	50			3	6	14	28	6	12	1	2			24	48
	Диакон	27	1	3,7			5	18,52							6	22,22
	Дьячок	33	5	15,15	6	18,18	2	6,06							13	39,39
	Пономарь	40	8	20	5	12,5	2	5							15	37,5
	ВСЕГО	150	14	9,33	14	9,33	23	15,33	6	4	1	0,67			58	38,67

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1836	Священник	69	1	1,45	9	13,04	12	17,39	1	1,45	25	36,23			48	69,57
	Диакон	43	2	4,65	18	41,86	6	13,95	4	9,3					30	69,77
	Дьячок	55	3	5,45	15	27,27	11	20	2	3,64	2	3,64			33	60
	Пономарь	49	7	14,29	15	30,61	1	2,04	2	4,08					25	51,02
	ВСЕГО	216	13	6,02	57	26,39	30	13,89	9	4,17	27	12,5			136	62,96
1842	Священник	74	1	1,35	7	9,46	11	14,86	3	4,05	36	48,65			58	78,38
	Диакон	45	2	4,44	21	46,67	2	4,44	6	13,33	2	4,44			33	73,33
	Дьячок	65	4	6,15	26	40	13	20	2	3,08					45	69,23
	Пономарь	51	2	3,92	22	43,14	5	9,8							29	56,86
	ВСЕГО	235	9	3,83	76	32,34	31	13,19	11	4,68	38	16,17			165	70,21
1844	Священник	76	1	1,32	7	9,21	9	11,84	2	2,63	44	57,89			63	82,89
	Диакон	43	3	6,98	20	46,51			6	13,95	1	2,33			30	69,77
	Дьячок	58	3	5,17	23	39,66	15	25,86	2	3,45					43	74,14
	Пономарь	57	5	8,77	29	50,88	5	8,77	1	1,75					40	70,18
	ВСЕГО	234	12	5,13	79	33,76	29	12,39	11	4,7	45	19,23			176	75,21
1847	Священник	9			1	11,11	2	22,22			6	66,67			9	100
	Диакон	5							3	60	2	40			5	100
	Дьячок	7			2	28,57	4	57,14							6	85,71
	Пономарь	6	1	16,67	3	50	1	16,67							5	83,33
	ВСЕГО	27	1	3,7	6	22,22	7	25,93	3	11,11	8	29,63			25	92,59
1848	Священник	37			4	10,81	6	16,22	1	2,7	15	40,54			26	70,27
	Диакон	19	1	5,26	10	52,63	1	5,26	2	10,53	1	5,26			15	78,95
	Дьячок	24	1	4,17	12	50	3	12,5							16	66,67
	Пономарь	27	1	3,7	15	55,56			1	3,7					17	62,96
	ВСЕГО	107	3	2,8	41	38,32	10	9,35	4	3,74	16	14,95			74	69,16
1850	Священник	19							1	5,26	18	94,74			19	100
	Диакон	11			7	63,64	1	9,09			1	9,09			9	81,82
	Дьячок	15			8	53,33	3	20	1	6,67					12	80
	Пономарь	17	1	5,88	8	47,06	5	29,41	1	5,88					15	88,24
	ВСЕГО	62	1	1,61	23	37,1	9	14,52	3	4,84	19	30,65			55	88,71

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.424, 426, 429, 436, 437, 473, 485, 492, 507, 512, 522.

ТАБЛИЦА 2. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДУХОВЕНСТВА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во чел.	Приходское училище		Уездное училище		Семинария – отделения						Академия		Всего	
							низшее отд.		среднее отд.		высшее отд.					
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1806	Священник	60			4	6,67			3	5	4	6,67			11	18,33
	Диакон	33			2	6,06									2	6,06
	Дьячок	56	1	1,79	4	7,14									5	8,93
	Пономарь	55			5	9,09	1	1,82							6	10,91
	ВСЕГО	204	1	0,49	15	7,35	1	0,49	3	1,47	4	1,96			24	11,76
1809	Священник	62			4	6,45	1	1,61	4	6,45	4	6,45			13	20,97
	Диакон	37			4	10,81	4	10,81	1	2,7					9	24,32
	Дьячок	56	1	1,79	8	14,29									9	16,07
	Пономарь	54	2	3,7	9	16,67	1	1,85							12	22,22
	ВСЕГО	209	3	1,44	25	11,96	6	2,87	5	2,39	4	1,91			43	20,57
1818	Священник	75			7	9,33	6	8	9	12	3	4			25	33,33
	Диакон	44			6	13,64	6	13,64	2	4,55					14	31,82
	Дьячок	73			4	5,48	2	2,74							6	8,22
	Пономарь	73	2	2,74	10	13,7									12	16,44
	Всего	265	2	0,75	27	10,19	14	5,28	11	4,15	3	1,13			57	21,51
1824	Священник	76			10	13,16	10	13,16	6	7,89	6	7,89			32	42,11
	Диакон	47	1	2,13	7	14,89	3	6,38			1	2,13			12	25,53
	Дьячок	71			11	15,49	2	2,82	2	2,82					15	21,13
	Пономарь	63			11	17,46	3	4,76							14	22,22
	ВСЕГО	257	1	0,39	39	15,18	18	7	8	3,11	7	2,72			73	28,4
1825	Священник	76			9	11,84	12	15,79	6	7,89	5	6,58			32	42,11
	Диакон	50			7	14	3	6	2	4					12	24
	Дьячок	75			13	17,33	3	4	2	2,67					18	24
	Пономарь	71	1	1,41	20	28,17	3	4,23							24	33,8
	ВСЕГО	272	1	0,37	49	18,01	21	7,72	10	3,68	5	1,84			86	31,62
1826	Священник	77	1	1,3	10	12,99	11	14,29	5	6,49	5	6,49			32	41,56
	Диакон	52			8	15,38	3	5,77	2	3,85					13	25
	Дьячок	73			15	20,55	4	5,48	2	2,74					21	28,77
	Пономарь	71			22	30,99	2	2,82							24	33,8
	ВСЕГО	273	1	0,37	55	20,15	20	7,33	9	3,3	5	1,83			90	32,97

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1832	Священник	74	1	1,35	5	6,76	10	13,51	9	12,16	18	24,32	1	1,35	44	59,46
	Диакон	56	1	1,79	8	14,29	5	8,93	10	17,86					24	42,86
	Дьячок	70			16	22,86	6	8,57	1	1,43					23	32,86
	Пономарь	65	1	1,54	16	24,62	5	7,69							22	33,85
	ВСЕГО	265	3	1,13	45	16,98	26	9,81	20	7,55	18	6,79	1	0,38	113	42,64
1833	Священник	74	1	1,35	6	8,11	9	12,16	7	9,46	20	27,03	1	1,35	44	59,46
	Диакон	57	3	5,26	8	14,04	6	10,53	13	22,81					30	52.63
	Дьячок	69	1	1,45	21	30,43	7	10,14							29	42,03
	Пономарь	64	9	14,06	24	37,5	4	6,25							37	57,81
	ВСЕГО	264	14	5,3	59	22,35	26	9,85	20	7,58	20	7,58	1	0,38	140	53,03
1834	Священник	78	1	1,28	7	8,97	8	10,26	7	8,97	27	34,62	1	1,28	51	65,38
	Диакон	54	3	5,56	7	12,96	7	12,96	16	29,63					33	61,11
	Дьячок	73			29	39,73	7	9,59	1	1,37					37	50,68
	Пономарь	68	8	11,76	29	42,65	4	5,88							41	60,29
	ВСЕГО	273	12	4,4	72	26,37	26	9,52	24	8,79	27	9,89	1	0,37	162	59,34
1836	Священник	84	1	1,19	10	11,9	5	5,95	8	9,52	36	42,86	1	1,19	61	72,62
	Диакон	63	2	3,17	13	20,63	8	12,7	15	23,81					38	60,32
	Дьячок	77	1	1,3	31	40,26	7	9,09	3	3,9					42	54,55
	Пономарь	73	1	1,37	32	43,84	8	10,96							50	68,49
	ВСЕГО	297	14	4,71	86	28,96	28	9,43	26	8,75	36	12,12	1	0,34	191	64,31
1842	Священник	88	1	1,14	6	6,82	4	4,55	5	5,68	57	64,77	1	1,14	74	84,09
	Диакон	69	3	4,35	19	27,54	10	14,99	12	17,39	1	1,45			45	65,22
	Дьячок	80	4	5	37	46,25	7	8,75	3	3,75					51	63,75
	Пономарь	80	7	8,75	45	56,25	7	8,75							59	73,75
	ВСЕГО	317	15	4,73	107	33,75	28	8,83	20	6,31	58	18,3	1	0,32	229	72,24
1843	Священник	91	1	1,1	6	6,59	5	5.49	3	3,3	60	65,93	1	1,1	76	83,52
	Диакон	70	3	4,29	21	30	8	11,43	17	24,29	1	1,43			50	71,43
	Дьячок	79	3	3,8	33	41,77	8	10,13	5	6,33					49	62,03
	Пономарь	82	8	9,76	52	63,41	5	6,1	3	3,66					68	82,93
	ВСЕГО	322	15	4,66	112	34,78	26	8,07	28	8,7	61	18,94	1	0,31	243	75,47
1844	Священник	94	1	1,06	6	6,38	4	4,26	3	3,19	65	69,15	1	1,06	80	85,11
	Диакон	70	3	4,29	20	28,57	7	10	19	27,14	4	5,71			53	75,71
	Дьячок	79	4	5,06	31	39,24	10	12.66	4	5,06					49	62,03
	Пономарь	80	8	10	49	61,25	5	6,25	3	3,75					65	81,25
	ВСЕГО	323	16	4,95	106	32,82	26	8,05	29	8,98	69	21,36	1	0,31	247	76,47

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1846	Священник	19			1	5,26			1	5,26	11	57,89			13	68,42
	Диакон	15	1	6,67	3	20	4	26,67	3	20					11	73,33
	Дьячок	15	1	6,67	10	66,67	2	13,33							13	86,67
	Пономарь	16	1	6,25	10	62,5			1	6,25					12	75
	ВСЕГО	65	3	4,62	24	36,92	6	9,23	5	7,69	11	16,92			49	75,38
1848	Священник	47	1	2,13	5	10,64	1	2,13			35	74,47			42	89,36
	Диакон	32	1	3,13	8	25	3	9,38	9	28,13	6	18,75			27	84,38
	Дьячок	36			19	52,78	3	8,33	2	5,56					24	66,67
	Пономарь	32	2	6,25	21	65,63	2	6,25	1	3,13					26	81,25
	ВСЕГО	147	4	2,72	53	36,05	9	6,12	12	8,16	41	27,89			119	80,95
1849	Священник	20	1	5	1	5	1	5	1	5	15	75			19	95
	Диакон	14			3	21,43			6	42,85					9	64,29
	Дьячок	18	2	11,11	10	55,56	4	22,22							16	88,89
	Пономарь	15	2	13,33	9	60	1	6,67							12	80
	ВСЕГО	67	5	7,46	23	34,33	6	8,96	7	10,45	15	22,39			56	83,58
1850	Священник	55	1	1,82	8	14,55	1	1,82	1	1,82	43	78,18			54	98,18
	Диакон	39	2	5,13	9	23,08	5	12,82	11	28,21	2	5,13			29	74,36
	Дьячок	49	3	6,12	26	53,06	4	8,16							33	67,35
	Пономарь	46	5	10,87	33	71,74	2	4,35							40	86,96
	ВСЕГО	189	11	5,82	76	40,21	12	6,35	12	6,35	45	23,81			156	82,54

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.423, 431, 438, 445, 449, 451, 456, 466, 469, 472, 483, 488, 490, 498, 509, 510, 520, 521, 523.

ТАБЛИЦА 3. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДУХОВЕНСТВА Г. ЕКАТЕРИНБУРГА

Год	Сан	Кол-во чел.	Приходское училище		Уездное училище		Семинария – отделения						Академия		Всего	
							низшее.		среднее .		высшее.					
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1806	Священник	9							1	11,11	4	44,44			5	55,56
	Диакон	4			1	25									1	25
	Дьячок	7			1	14,29									1	14,29
	Пономарь	6					1	16,67							1	16,67
	ВСЕГО	26			2	7,69	1	3,85	1	3,85	4	15,38			8	30,77
1809	Священник	8							1	12,5	3	37,5			4	50
	Диакон	5			1	20	1	20							2	40
	Дьячок	7			1	14,29									1	14,29
	Пономарь	7			2	28,57									2	28,57
	ВСЕГО	27			4	14,81	1	3,7	1	3,7	3	11,11			9	33,33
1818	Священник	11			1	9,09			4	36,36	3	27,27			8	72,73
	Диакон	5					1	20	1	20					2	40
	Дьячок	7					1	14,29							1	14,29
	Пономарь	9			5	55,56									5	55,56
	ВСЕГО	32			6	18,75	2	6,25	5	15,63	3	9,38			16	50
1825	Священник	9			1	11,11	1	11,11			5	55,56			7	77,78
1826	Диакон	6			2	33,33	1	16,67							3	50
	Дьчок	8			1	12,5			1	12,5					2	25
	Пономарь	10			3	30	1	10							4	40
	ВСЕГО	33			7	21,21	3	9,09	1	3,03	5	15,15			16	48,48
1832	Священник	10					1	10	2	20	5	50	1	10	9	90
	Диакон	8	1	12,5	3	37,5	2	25							6	75
	Дьячок	7			2	28,57	3	42,86							5	71,43
	Пономарь	8	1	12,5	1	12,5	3	37,5							5	62,5
	ВСЕГО	33	2	6,06	6	18,18	9	27,27	2	6,06	5	15,15	1	3,03	25	75,76
1833	Священник	11			1	9,09			1	9,09	6	54,55	1	9,09	9	81,82
	Диакон	10	1	10	2	20	4	40	1	10					8	80
	Дьячок	8			2	25	4	50							6	75
	Пономарь	4	1	25	1	25	1	25							3	75
	ВСЕГО	33	2	6,06	6	18,18	9	27,27	2	36,06	6	18,18	1	3,03	26	78,79

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1834	Священник	10							1	10	6	60	1	10	8	80
	Диакон	11			1	9,09	3	27,27	5	45,45					9	81,82
	Дьячок	8			1	12,5	4	50							5	62,5
	Пономарь	6	1	16,67	2	33,33	2	33,33							5	83,33
	ВСЕГО	35	1	2,86	4	11,43	9	25,71	6	17,14	6	17,14	1	2,86	27	77,14
1836	Священник	15			1	6,67			3	20	9	60	1	6,67	14	93,33
	Диакон	11			2	18,18	4	36,36	2	18,18					8	72,73
	Дьячок	8			3	37,5	2	25							5	62,5
	Пономарь	8			5	62,5	3	37,5							8	100
	ВСЕГО	42			11	26,19	9	21,43	5	11,9	9	21,43	1	2,38	35	83,33
1842	Священник	16			1	6,25			1	6,25	10	62,5	1	6,25	13	81,25
	Диакон	13			5	38,46	3	23,08			1	7,69			9	69,23
	Дьячок	6			3	50	2	33,33							5	83,33
	Пономарь	8			4	50	3	37,5	1	12,5					8	100
	ВСЕГО	43			13	30,23	8	18,6	2	4,65	11	25,58	1	2,33	35	81,4
1843	Священник	14			1	7,14			1	7,14	10	71,43	1	7,14	13	92,86
	Диакон	12			5	41,67	1	8,33	3	25	1	8,33			10	83,33
	Дьячок	7			2	28,57	2	28,57	2	28,57					6	85,71
	Пономарь	8			6	75	2	25							8	100
	ВСЕГО	41			14	34,15	5	12,2	6	14,63	11	26,83	1	2,44	37	90,24

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.423, 431, 438, 449, 465, 466, 469, 472, 483, 488.

ТАБЛИЦА 4. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДУХОВЕНСТВА ИРБИТСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во чел.	Приходское училище		Уездное училище		Семинария – отделения						Академия		Всего	
							низшее		среднее		высшее					
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1803	Священник	62			9	14,52	3	4,84			5	8,06			17	27,42
	Диакон	38			4	10,53	1	2,63							5	13,16
	Дьячок	61	2	3,28	2	3,28	1	1,64							5	8,2
	Пономарь	55			5	9,09	2	3,64							7	12,73
	ВСЕГО	216	2	0,93	20	9,26	7	3,24			5	2,31			34	15,74
1805	Священник	63			9	14,29	3	4,76			5	7,94			17	26,98
	Диакон	38			3	7,89	1	2,63							4	10,53
	Дьячок	58	2	3,45	2	3,45	2	3,45							6	10,34
	Пономарь	55			3	5,45	3	5,45							6	10,91
	ВСЕГО	214	2	0,93	17	7,94	9	4,21			5	2,34			33	15,42
1816	Священник	64			9	14,06	11	17,19	8	12,5	1	1,56			29	45,31
	Диакон	40			6	15	2	5	1	2,5					9	22,5
	Дьячок	64	2	3,13	3	4,69	2	3,13							7	10,94
	Пономарь	65	1	1,54	6	9,23	3	4,62							10	15,38
	ВСЕГО	233	3	1,29	24	10,3	18	7,73	9	3,86	1	0,43			55	23,61
1830	Священник	50			5	10	4	8	2	4	4	8			15	30
	Диакон	31			2	6,45	5	16,13	1	3,23					8	25,81
	Дьячок	48			6	12,5	7	14,58							13	27,08
	Пономарь	50			11	22	2	4							13	26
	ВСЕГО	179			24	13,41	18	10,06	3	1,68	4	2,23			49	27,37
1831	Священник	51			5	9,8	4	7,84	2	3,92	5	9,8			16	31,37
	Диакон	31			2	6,45	5	16,13	1	3,23					8	25,81
	Дьячок	48			6	12,5	7	14,58							13	27,08
	Пономарь	45			10	22,22	2	4,44	1	2,22					13	28,89
	ВСЕГО	175			23	13,14	18	10,29	4	2,29	5	2,86			50	28,57

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1834	Священник	50			5	10	7	14	5	10	13	26			30	60
	Диакон	30			5	16,67	8	26,67	1	3,33					14	46,67
	Дьячок	48			8	16,67	6	12,5							14	29,17
	Пономарь	44			10	22,73	2	4,55	1	2,27					13	29,55
	ВСЕГО	172			28	16,28	23	13,37	7	4,07	13	7,56			71	41,28
1836	Священник	43			6	13,95	5	11,63	5	11,63	14	32,56			30	69,77
	Диакон	33			7	21,21	7	21,21	2	6,06	1	3.03			17	51,51
	Дьячок	47			7	14,89	6	12,77							13	27,66
	Пономарь	46			12	26,09	3	6,52	1	2,17					16	34,78
	ВСЕГО	169			32	18,93	21	12,43	8	4,73	15	8,88			76	44,97
1837	Священник	48			4	8,33	7	14,58	7	14,58	13	27,08	1	2,08	32	66,67
	Диакон	31			7	22,58	8	25,81	1	3,23	1	3,23			17	54,84
	Дьячок	49			8	16,33	7	14,29							15	30,61
	Пономарь	47			15	31,91	5	10,64	1	2,13					21	44,68
	ВСЕГО	175			34	19,43	27	15,43	9	5,14	14	8	1	0,57	85	48,57
1846	Священник	50			6	12	4	8	3	6	26	52			39	78
	Диакон	33	2	6,06	7	21,21	6	18,18	7	21,21					22	66,67
	Дьячок	48			13	27,08	7	14,58							20	41,67
	Пономарь	43			19	44,19	9	20,93							28	65,12
	ВСЕГО	174	2	1,15	45	25,86	26	14,94	10	5,75	26	14,94			109	62,64
1847	Священник	51	1	1,96	5	9,8	3	5,88	4	7,84	27	52,94			40	78,43
	Диакон	32	2	6,25	6	18,75	6	18,75	7	21,88					21	65,63
	Дьячок	44			12	27,27	6	13,64							18	40,91
	Пономарь	43			19	44,19	9	20,93							28	65,12
	ВСЕГО	170	3	1,76	42	24,71	24	14,12	11	6,47	27	15,88			107	62,94
1850	Священник	24			2	8,33	1	4,17	1	4,17	15	62,5			19	79,17
	Диакон	15	1	6,67	4	26,67	2	13,33	4	26,67	1	6,67			12	80
	Дьячок	20			4	20	3	15							7	35
	Пономарь	19	1	5,26	9	47,37	3	15,79							13	68,42
	ВСЕГО	78	2	2,56	19	24,36	9	11,54	5	6,41	16	20,51			51	65,38

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д. 420, 421, 435, 462, 464, 470, 474, 478, 501, 506, 524.

ТАБЛИЦА 5. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДУХОВЕНСТВА КАМЫШЛОВСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во чел.	Приходское училище		Уездное училище		Семинария – отделение						Академия		Всего	
							Низшее		Среднее		Высшее					
			чел	%	чел	%	чел.	%	чел .	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1800	Священник	69	1	1,45	11	15,94	2	2,9	1	1,45	1	1,45			16	23,19
	диакон	41	1	2,44	3	7,32	2	4,88							6	14,63
	дьячок	64	2	3,13	2	3,13	2	3,13							6	9,38
	пономарь	64	1	1,56	2	3,13									3	4,69
	ВСЕГО	238	5	2,1	18	7,56	6	2,52	1	0,42	1	0,42			31	13,03
1807	священник	74	1	1,35	7	9,46	5	6,76	2	2,7					15	20,27
	диакон	41	1	2,44	2	4,88	3	7,32							6	14,63
	дьячок	70			8	11,43	1	1,43							9	12,86
	пономарь	66			6	9,09	1	1,52							7	10,61
	ВСЕГО:	251	2	0,8	23	9,16	10	3,98	2	0,8					37	14,74
1812	священник	76			5	6,58	6	7,89	6	7,89					17	22,37
	диакон	46	1	2,17	4	8,7	7	15,22							12	26,09
	дьячок	71	1	1,41	7	9,86	1	1,41							9	12,68
	пономарь	69	1	1,45	2	2,9	1	1,45							4	5,8
	ВСЕГО:	162	3	1,85	18	11,11	15	9,26	6	3,7					42	25,93
1815	священник	65			5	7,69	5	7,69	5	7,69					15	23,08
	диакон	38	1	2,63	7	18,42	5	13,16							13	34,21
	дьячок	57	1	1,75	9	15,79	2	3,51							12	21,05
	пономарь	56			2	3,57									2	3,57
	ВСЕГО	216	2	0,93	23	10,65	12	5,56	5	2,31					42	19,44
1820	священник	76	1	1,32	4	5,26	9	11,84	2	2,63	6	7,89			22	28,95
	диакон	46	2	4,35	7	15,22	2	4,35	2	4,35	2	4,35			15	32,61
	дьячок	71	3	4,23	8	11,27									11	15,49
	пономарь	72			8	11,11	1	1,39							9	12,5
	ВСЕГО	265	6	2,26	27	10,19	12	4,53	4	1,51	8	3,02			57	21,51
1824	священник	78	1	1,28	4	5,13	9	11,54	3	3,85	7	8,97			24	30,77
	диакон	47	1	2,13	8	17,02	1	2,13	2	4,26	1	2,13			13	27,66
	дьячок	76	4	5,26	9	11,84									13	17,11
	пономарь	75			6	8	1	1,33							7	9,33
	ВСЕГО	276	6	2,17	27	9,78	11	3,99	5	1,81	8	2,9			57	20,65

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1832	священник	18			3	16,67	1	5,56	2	11,11	1	5,56			7	38,99
	диакон	7			1	14,29			2	28,57					3	42,86
	дьячок	16			4	25									4	25
	пономарь	15			4	26,67	1	6,67							5	33,33
	ВСЕГО	56			12	21,43	2	3,57	4	7,14	1	1,79			19	33,93

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.415, 428, 433, 434, 440, 448. Ф.251. Оп.1. Д.8.

ТАБЛИЦА 6. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДУХОВЕНСТВА ШАДРИНСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во чел.	Приходское училище		Уездное училище		Семинария – отделения						Академия		Всего	
							низшее.		среднее		высшее					
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1806	Священник	70			3	4,29			1	1,43	3	4,29			7	10
	Диакон	43			1	2,33	1	2,33							2	4,65
	Дьячок	61	1	1,64	4	6,56	2	3,28							7	11,48
	Пономарь	65			3	4,62									3	4,62
	ВСЕГО	239	1	0,42	11	4,6	3	1,26	1	0,42	3	1,26			19	7,95
1833	Священник	60			5	8,33	5	8,33	3	5	18	30			31	51,67
	Диакон	49			11	22,45	6	12,24	3	6,12					20	40,82
	Дьячок	60	1	1,67	21	35	5	8,33							27	45
	Пономарь	61	1	1,64	26	42,62	2	3,28	1	1,64					30	49,18
	ВСЕГО	230	2	0,87	63	27,39	18	7,83	7	3,04	18	7,83			108	46,96
1847	Священник	40			7	17,5	3	7,5	4	10	23	57,5			37	92,5
	Диакон	16			4	25	3	18,75	5	31,25	2	12,5			14	87,5
	Дьячок	36			18	50	6	16,67	1	2,78					25	69,44
	Пономарь	28			18	64,29	4	14,29	1	3,57					23	82,14
	ВСЕГО	120			47	39,17	16	13,33	11	9,17	25	20,83			99	82,5
1848	Священник	39			7	17,95	2	5,13	6	15,38	19	48,72			34	87,18
	Диакон	25			7	28	5	20	6	24	1	4			19	76
	Дьячок	35			16	45,71	5	14,29	1	2,86					22	62,86
	Пономарь	35			19	54,29	3	8,57	2	5,71					24	68,57
	ВСЕГО	134			49	36,57	15	11,19	15	11,19	20	14,93			99	73,88

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.430, 467, 508, 513.

ТАБЛИЦА 7. СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ПОСВЯЩЕНИЯ В СТИХАРЬ

уезд / год	1800	1803	1806	1807	1808	1812	1817	1818	1824	1832	1833	1834	1836	1842	1844	1846	1847	1848	1849	1850
Верхотурский			16,4		15,8		16,4						17,4		17,9			17,9		19
Екатеринбургский			16					15,3	15,5	16,5				17,8		17,1		18,4	19,5	18,1
Ирбитский		15,9										16,4	16,6			17.3				18
Камышловский	17			16		15,3			15,9							17,8			18,3	
Шадринский					16						16,1						18,4			

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.415, 420, 423, 424, 428, 429, 430, 433, 436, 438, 445, 448, 463, 467, 470, 473, 474, 483, 492, 498, 499, 501, 508, 509, 510, 512, 516, 517, 520, 521, 522, 523, 524.

ТАБЛИЦА 8. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА В 1806 Г.

№	Церковь	Руга	Покос (десятин)	Пашня	Жалование (в год)	Юридическое оформление
1	2	3	4	5	6	7
1	г.Верхотурье, Троицкий собор				свящ. – 45 р.27,5 к. диак. – 34 р.16 к. дьяч. – 16 р.93 к. пон. – 16 р. 93 к. от казны	
2	г.Верхотурье, Воскресенская					
3	г.Верхотурье, Покровская	вольная				
4	г.Верхотурье, Знаменская		«малая часть» от прихожан			
5	г.Верхотурье, Одигитриевская	вольная				
6	Лялинский погост	рядная	на 100 копен			
7	Николаепавдинский завод				свящ. – 150 р. в год диак – 90 р. от казны	
8	Суходуйский рудник				свящ. – 150 р. диак. – 72 р. дьяч. – 36 р. пон. – 36 р. от казны	
9	Петропавловский завод		от конторы		свящ. – 120 р. диак. – 60 р. дьяч. – 30 р. пон. – 26 р. от заводской конторы	
10	Красногорский погост	вольная	13 десятин	13 десятин	свящ. – по 50 коп. с души от прихожан	
11	Катайский погост	рядная	5 десятин			

1	2	3	4	5	6	7
12	Меркушинский погост	вольная	3 десятины от прихожан	11 десятин от прихожан		
13	Дерябинский погост	вольная	6 десятин от прихожан			
14	Фоминский погост	рядная	10 десятин от прихожан			
15	Кишкинский погост	вольная	17 десятин от прихожан	4 десятины от прихожан		
16	Тагильская слобода		80 десятин «с заведения церкви»	45 десятин «с заведения церкви»		«межевые крепости имеются»
17	Мугайский погост	рядная	30 десятин	30 десятин		
18	Шипицынский погост	рядная	40 десятин			
19	Салдинский погост	вольная	на 300 коен	20 десятин		
20	Глинская слобода	вольная	8 десятин			
21	Невьянский завод				свящ. – 150 р. в год диак. – 100 р. причт – по 84 р. от владельца	
22	Липовское село	рядная	на 150 копен			
23	Черемисское село	рядная	на 500 копен			
24	Аятская слобода	рядная	на 300 копен			
25	Быньговский завод				свящ. – 150 р. диак. – 100 р. причт – по 84 р. от владельца	
26	Краснопольская слобода		на 250 копен		60 руб. в год от владельца	
27	Мурзинская слобода	вольная	6 десятин			
28	Нижнетуринский завод		«небольшая часть»		по 30 коп. с женатых, по 20-с холостых от прихожан	

1	2	3	4	5	6	7
29	Туринския завод		на 100 копен от заводской конторы		свящ. – 20 р. диак. – 16 р. на причт – 20 р. от прихожан	
30	Кушвинский завод				до 60 руб. в год от прихожан	
31	Нижнетагильский завод				свящ. – 100 р. диак. – 90 р. дьяч. – 60 р. пон. – 55 р. от владельца	
32	Салдинский завод	вольная			свящ. – 125 р. диак. – 75 р. дьяч. – 60 р. пон. – 55 р. от владельца	
33	Висимоутский завод		на 25 копен – священнику от владельца		свящ. – 130 р. дьяч. – 60 р. пон. – 55 р. от владельца	
34	Баранчинский завод		«малая часть» от казны		1ый свящ. – 340 р. 2ой свящ. – 150 р. 3 ий свящ. – 72 р. диак. – 72 р. дьяч. – 64 р. пон. – 36 р. От казны	

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.424.

ТАБЛИЦА 9. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА В 1844 Г.

№	Церковь	Руга	Покос	Пашня	Жалование (в год)	Юридическое оформление
1	2	3	4	5	6	7
1	г.Верхотурье, Троицкий собор					
2	г.Верхотурье, Воскресенская					
3	г.Верхотурье, Покровская					
4	г.Верхотурье, Знаменская		9 десятин	9 десятин		
5	Лялинский погост				по Горному положению от казны	
6	Богословский завод				по Горному положению от казны	
7	Туринские рудники				по Горному положению от казны	
8	Николаевавдинский завод				по Горному положению от казны	
9	Петропавловский завод				по Горному положению от казны	
10	Всеволодо-Благодатский завод				свящ – 550 р. дьяч. – 100 р. пон. – 100 р. сер. от владельца	
11	Красногорский погост	вольная	9 десятин	90 десятин		
12	Катайский погост	вольная	9 десятин	90 десятин	85 р. 71 к. сер. от казны	сенокос не принят
13	Меркушинский погост	вольная	18 десятин	180 десятин		
14	Дерябинский погост	вольная	9 десятин	90 десятин		
15	Фоминский погост	вольная	9 десятин	90 десятин		
16	Кишкинский погост	вольная	9 десятин	90 десятин		66 десятин не приняты
17	Тагильская слобода	вольная	80 десятин с «заведения церкви»	45 десятин с “заведения церкви”		
18	Мугайский погост	вольная		78 десятин		
19	Шипицинский погост	вольная	9 десятин	90 десятин		
20	Салдинский погост	рядная	6 десятин	60 десятин		
21	Невьянское экономическое село	вольная	от прихожан	15 десятин от прихожан	свящ. – 150 р. асс. диак. – 100 р. причт – по 60 р.	
22	Мурзинская слобода	вольная	9 десятин	90 десятин		
23	Нижнетуринский завод		от завода		по Горному положению от казны	
24	Кушвинский завод		от завода		по Горному положению от казны	

1	2	3	4	5	6	7
25	Верхнетуринский завод		от завода		по Горному положению от казны	
26	Баранчинский завод		от завода		по Горному положению от казны	
27	В.-Баранчинский завод		от завода		по Горному положению от казны	
28	с. Романовское	вольная	6 десятин	80 десятин		
29	сл. Коптеловская	вольная	от прихожан	19,5 десятин		земля не принята
30	Арамашевская сл.	вольная	от прихожан			
31	с. Мироновское	вольная	от прихожан	33 десятины		земля не принята
32	с. Леневское	вольная	от прихожан	33 десятины		
33	сл. Краснопольская	вольная	от прихожан			
34	Алапаевский завод		от завода		свящ. – 400 р. асс. диак. – 250 р. дьяч. – 175 р. пон. – 150 р. от завода	
35	Верхне-Синячихинский завод		от завода		см. Алапаевский завод, от завода	
36	Нижне-Синячихинский завод		от завода		см. Алапаевский завод, от завода	
37	Сучанский завод		от завода		см. Алапаевский завод, от завода	
38	Н.-Тагильская Входо-Иерусалимская церковь				протоиерей – 1250 р. свящ. – 500 р. асс. диак. – 306 р. причт – по 200 р. от владельца	протоиерей преподавал в училище
39	Нижне-Тагильская Введенская				свящ. – 500 асс. диак. – 300 р. дьяч. – 200 р. пон. – 150 р. от владельца	
40	Черноисточинский завод				свящ. – 500 р. диак. – 250 р. асс. дьяч. – 175 р. пон. – 150 р. от владельца	
41	Висимо-Шайтанский завод				см. Черноисточинск	
42	Лайский завод				см. Черноисточинск	
43	с.Воскресенское				см. Черноисточинск	
44	В.-Салдинский завод				см. Черноисточинск	
45	Н.-Салдинский завод				см. Черноисточинск	
46	Висимоуткинский завод				см. Черноисточинск	

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.492.

ТАБЛИЦА 10. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА В 1806 Г.

	Приход	Руга	Покос	Пашня	Денежное жалование руб. в год
1	2	3	4	5	6
1 2 3 4	г.Екатеринбург Екатерининский Богоявленский Вознесенский Сошествиевский				плата за требы
5	Березовский казенный завод	рядная денежная	+		
6	Верх-Нейвинский завод Яковлева		для священника		Священник – 25 Диакон – 20 Причетники – по 12
7	Уктусский казенный завод				Плата за требы
8	Северский завод Турчаниновой				Священник – 40 причетники – по 24 от помещицы
9	Ревдинский завод Зеленцова		сено		Священник – 100 Диакон – 70 Причетники – по 40 от помещика
10	Верхне-Тагильский завод Яковлева		+		Священник – 15 Диакон – 12 Причетники – по 7 от помещика Священник – 50 Диакон – 40 Причетники – по 22 от прихожан
11	Уткинская слобода		+		Священник – 100 Диакон – 35
12	Гробовская крепость				Священник – 70 Причетники – по 35

1	2	3	4	5	6
13	Билимбаевский завод Строганова		для причетников		Священник – 120 Диакон – 80, сено, дрова Причетники – по 40, дрова, покос от помещика
14	Шайтанский завод Ширяева		для священника		Священник – 60 Диакон – 50 Причетники – по 30 от помещика
15	Горнощитское село		+		Священник – 70 Причетники – по 30
16	Арамильская слобода	рядная	+		
17	Бобровское село	+	+		
18	Брусянская слобода	+	+		
19	Логиновское село	+	+		
20	Камышловская слобода	рядная	+		
21	Истокское село	рядная	+	+	
22	Смолинское село	+	+		
23	Покровская слобода	+	+		
24	Кисловское село	рядная	+		
25	Брусницинское село	+	+	+	
26	Белоярская слобода	+	+		
27	Полевской завод		от Турчаниновых		1-ый священник – 50 2-ой священник – 40 Диакон – 36 Причетники – по 21 от Турчаниновых
28	Сысертский завод		от Турчаниновых		Священник – 70 Диакон – 50 Причетники – по 30 от Турчаниновых
29	Щелкунская слобода	рядная	+		
30	Боевская слобода	рядная	+		

1	2	3	4	5	6
31	Багарякская слобода	рядная	+		
32	Огневское село	рядная	+		
33	Каневская крепость	рядная	+		
34	Тюбутское село	рядная	+	10 десятин	Священник – 24, хлеб Диакон – 70 пудов хлеба Причетники – за требы
35	Воскресенское село	от прихожан	от прихожан		Священник – 100 Диакон – 60 Причетники – по 30 от Демидова
36	Каслинский завод		от прихожан		Священник – 100 Диакон – 60 Причетники – по 30 от Демидова
37	Кыштымский завод		от Демидова		Священник – 100 Диакон – 60 Причетники – по 30 от Демидова
38	Уфалейский завод		от Губина		Священник – 100 Причетники – по 30 от Губина

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.423.

ТАБЛИЦА 11. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА В 1850 Г.

	Приход	Руга	Покос	Пашня	Денежное жалованье руб. в год
1	2	3	4	5	6
1	Кыштымский завод		6 десятин от заводской конторы		Священник – 800 руб. асс. Диакон – 500 Причетники – по 255 от заводской конторы
2	Каслинский завод		33 десятины от конторы		также, как в Кыштыме
3	Воскресенское село		33 десятины от конторы		также, как в Кыштыме
4	Кузнецкое село		33 десятины от Кыштымской конторы		также, как в Кыштыме
5	Щелкунская слобода		24 десятины от прихожан		Священник – 630 руб. асс. Диакон – 315 Причетники – по 168 и «провиант против горных нижних чинов» от заводской конторы
6	Тиминское село	+	2 1/4 десятины от государственных крестьян	11 десятин от государственных крестьян	Священник – 100 руб. сер. Причетники – по 48
7	Маминская слобода	+	49,5 десятин		
8	Боевское село	рядная	3 десятины от прихожан		
9	Истокское село	+	7 десятин от прихожан		
10	Багарякское село	рядная	10 десятин от прихожан		
11	Огневское село	рядная	10 десятин от прихожан		
12	Коневская слобода	рядная	198 десятин		
13	Булзинское село	рядная		24 десятины от прихожан	
14	Тюбукское село	от Ярцова	18 десятин от купца Ярцова		Священник – 150 руб. асс. Диакон –100 Причетники – по 42
15	Куяшское село	от крестьян	9 десятин от Турчаниновых		Священник – 200 руб. асс. Диакон –150 Причетники – по 75 от помещика А. Зубова

1	2	3	4	5	6
16	Сысертский завод	+	198 десятин		Священник– 271 руб. 43 коп. сер. Диакон – 114 руб. 28,5 коп. Причетники – по 48 руб.
17	Арамильское село		от прихожан		Священник – 270 руб. сер. Диакон –150 руб. Причетники – по 48 руб. и провиант
18	Горнощитское село		«от Горного начальства»		Священник – 300 руб. сер. Диакон –150 Причетники – по 48 руб. и провиант
19	Мраморский завод		3 десятины от конторы		Священник – 180 руб. сер. Дьячок – 57 руб. 14 $^{1}/_{4}$ коп.
20	Бобровское село		6 десятин от прихожан		Священник – 270 руб. сер. Диакон – 150 руб. Причетники – по 48 руб. и провиант
21	Брусянское село	рядная	8 десятин от прихожан		
22	Логиновская слобода	рядная	15 десятин от прихожан		
23	Троицкое село	рядная	4 десятины от прихожан		
24	Белоярское село	рядная	15 десятин от прихожан		
25	Кочневское село	рядная	33 десятины		
26	Кисловское село	рядная	10 десятин от прихожан		
27	Покровское село	рядная	от прихожан		
28	Камышловское село	рядная	10 десятин от прихожан		
29	Смолинское село	рядная	4 десятины от прихожан		
30	Темное село	рядная			
31	Храмцовское село	рядная	15 десятин		
32	Нижне–Уфалейский завод				Священник – 114 руб. сер. Причетники – по 42 руб.; дрова, деньги на сено и свечи – всем
33	Верхне–Уфалейский завод				Священник – 105 руб. 71 $^{1}/_{2}$ коп. сер. Диакон – 69 руб. 14 $^{1}/_{4}$ коп. Причетники – по 41 руб. 28 $^{1}/_{2}$ коп.; дрова, деньги на сено и свечи – всем
34	Ревдинский завод		сено		Священник – 400 руб. асс. Диакон – 250 Дьячок – 150, пономарь – 120 от конторы – дрова

1	2	3	4	5	6
35	Шайтанский завод		сено		740 руб. асе на один штат, дрова, свечи
36	Билимбаевский завод		сено	198 десятин	священник – 86 руб. сер. диакон – 57 причетники – по 28,5 дрова, свечи
37	Уткинский завод		сено		священник – 500 руб. асс. диакон – 300 дьячок – 200, пономарь – 175 дрова, сено
38	Уткинское село		6 десятин от прихожан		священник – 72 руб. сер. диакон – 56 причетники – по 42
39	Грабовское село		от прихожан		священник – 300 руб. асс. причетники – по 90
40	Северский завод		99 десятин		священник – 180 руб. диакон – 90 причетники по 48 руб.; дрова
41	Полевской завод			198 десятин	священник – 630 руб. диакон – 315 причетники – по 168 руб. и хлеб; дрова
42	Полдневское село		от прихожан		священник – 180 руб. сер., свечи диакон – 90, свечи причетники – по 48 руб., хлеб; дрова

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.492.

ТАБЛИЦА 12. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ ДУХОВЕНСТВА ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во человек	В чтении неисправен		В пении неисправен		В знании Катехизиса неисправен		Неисправен		Пишет неисправно	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1807	Священник	50										
	Диакон	32										
	Дьячок	44							2	4,55		
	Пономарь	46			1	2,17						
	ВСЕГО	172			1	0,58			2	1,16		
1808	Священник	47							2	4,26		
	Диакон	29							1	3,45		
	Дьячок	44							2	4,55		
	Пономарь	39							2	5,13		
	ВСЕГО	159							7	4,4		
1818	Священник	50					1	2	1	2	1	2
	Диакон	27					2	7,41	2	7,41		
	Дьячок	33			2	6,06	6	18,18	2	6,06		
	Пономарь	40	2	5	4	10	12	30	3	7,5	2	5
	ВСЕГО	150	2	1,33	6	4	21	14	8	5,33	3	2
1836	Священник	69										
	Диакон	43	2	4,65	4	9,3	3	6,98				
	Дьячок	55	3	5,45	3	5,45	5	9,09				
	Пономарь	49	10	20,41	14	28,57	16	32,65				
	ВСЕГО	216	15	6,94	21	9,72	24	11,11				
1844	Священник	76										
	Диакон	43					1	2,33				
	Дьячок	58					6	10,34				
	Пономарь	57	3	5,26	11	19,3	11	19,3				
	ВСЕГО	234	3	1,28	11	4,7	18	7,69				
1850	Священник	19										
	Диакон	11							1	9,09		
	Дьячок	15							3	20		
	Пономарь	17							4	23,53		
	ВСЕГО	62							8	12,9		

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.426, 429, 437, 473, 492, 522.

ТАБЛИЦА 13. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ ДУХОВЕНСТВА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во человек	В чтении неисправен		В пении неисправен		В знании Катехизиса неисправен		Неисправен		Неспособен к поучениям	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1806	Священник	60	1	1,67	1	1,67	2	3,33	4	6,67		
	Диакон	33	2	6,06	2	6,06	4	12,12	1	3,03		
	Дьячок	56	8	14,29	11	19,64	12	21,43	2	3,57		
	Пономарь	55	11	20	12	21,82	14	25,45	6	10,91		
	ВСЕГО	204	22	10,78	26	12,75	32	15,69	13	6,37		
1809	Священник	62	2	3,23	6	9,68	3	4,84				
	Диакон	37	2	5,41	2	5,41	4	10,81				
	Дьячок	56	8	14,29	13	23,21	2	3,57				
	Пономарь	54	8	14,81	7	12,96	6	11,11				
	ВСЕГО	209	20	9,57	28	13,4	15	7,18				
1824	Священник	80	1	1,25	1	1,25	1	1,25	3	3,75	3	3,75
	Диакон	47	3	6,38	3	6,38	3	6,38	6	12,77	2	4,26
	Дьячок	71	13	18,31	14	18,72	20	28,17	7	9,86		
	Пономарь	63	18	28,57	18	28,57	22	34,92	7	11,11		
	ВСЕГО	261	35	13,41	36	13,79	46	17,62	23	8,81	5	3,94*
1825	Священник	80							5	6,25		
	Диакон	50							5	10		
	Дьячок	75							7	9,33		
	Пономарь	71							5	7,04		
	ВСЕГО	276							22	7,97		
1826	Священник	77							5	6,49		
	Диакон	52	2	3,85	3	5,77	2	3,85	5	9,62		
	Дьячок	73	9	12,33	11	15,07	10	13,7	2	2,74		
	Пономарь	71	9	12,68	9	12,68	13	18,31	5	7,04		
	ВСЕГО	273	20	7,33	23	8,42	25	9,16	17	6,23		
1832	Священник	74					1	1,35				
	Диакон	56	1	1,79	1	1,79	7	12,5				
	Дьячок	70	2	2,86	4	5,71	16	22,86				
	Пономарь	65	2	3,08	7	10,77	14	21,54				
	ВСЕГО	265	5	1,89	12	4,53	38	14,34				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1833	Священник	74					2	2,7				
	Диакон	57					5	8,77				
	Дьячок	69	2	2,9	3	4,35	6	8,7				
	Пономарь	64	4	6,25	6	9,38	12	18,75				
	ВСЕГО	264	6	2,27	9	3,41	25	9,47				
1834	Священник	78	1	1,28	1	1,28	3	3,85				
	Диакон	54			1	1,85	4	7,41				
	Дьячок	73	2	2,74	3	4,11	7	9,59				
	Пономарь	68	5	7,35	10	14,71	14	20,59				
	ВСЕГО	273	8	2,93	15	5,49	28	10,26				
1836	Священник	84					1	1,19				
	Диакон	63	1	1,59			4	6,35				
	Дьячок	77	3	3,9	3	3,9	13	16,88				
	Пономарь	73	3	4,11	8	10,96	18	24,66				
	ВСЕГО	297	7	2,36	11	3,7	36	12,12				
1842	Священник	86										
	Диакон	69						2,9				
	Дьячок	80	2	2,5	2	2,5	16	20				
	Пономарь	80	3	3,75	3	3,75	23	28,75				
	ВСЕГО	315	5	1,59	5	1,59	41	13,02				
1843	Священник	91										
	Диакон	70					2	2,86				
	Дьячок	79					16	20,25				
	Пономарь	82	7	8,54	7	8,54	20	24,39				
	ВСЕГО	322	7	2,17	7	2,17	38	11,8				
1844	Священник	94										
	Диакон	70					4	5,71				
	Дьячок	79	1	1,27	1	1,27	17	21,52				
	Пономарь	80	3	3,75	6	7,5	19	23,75				
	ВСЕГО	323	4	1,24	7	2,17	40	12,38				
1848	Священник	21										
	Диакон	14										
	Дьячок	21			1	4,76	8	38,1				
	Пономарь	18					3	16,67				
	ВСЕГО	74			1	1,35	11	14,86				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1849	Священник	20										
	Диакон	14					2	14,29				
	Дьячок	18			1	5,56	6	33,33				
	Пономарь	15			1	6,67	8	53,33				
	ВСЕГО	67			2	2,99	16	23,88				
1850	Священник	37										
	Диакон	26					2	7,69				
	Дьячок	32					12	37,5				
	Пономарь	32	1	3,13	1	3,13	13	40,63				
	ВСЕГО	127	1	0,79	1	0,79	27	21,26				

*При высчитывании процента «малоспособных к поучениям» учитывалось общее число только священнослужителей.

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.423, 431, 445, 449, 451, 465, 466, 469, 472, 483, 488, 490, 509, 510, 516, 520, 521, 523.

ТАБЛИЦА 14. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ ДУХОВЕНСТВА ИРБИТСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во человек	В чтении неисправен		В пении неисправен		В знании Катехизиса неисправен		Неисправен		Пишет некорыстно	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1816	Священник	64	1	1,56	1	1,56					5	7,81
	Диакон	40	6	15	5	12,5	6	15			8	20
	Дьячок	64	7	10,94	8	12,5	13	20,31			19	29,69
	Пономарь	65	23	35,38	22	33,85	28	43,08			31	47,69
	ВСЕГО	233	37	15,88	36	15,45	47	20,17			63	27,04
1830	Священник	50	1	2	2	4	5	10				
	Диакон	31	6	19,35	5	16,13	8	25,81				
	Дьячок	48	9	18,75	10	20,83	16	33,33				
	Пономарь	50	15	30	14	28	21	42				
	ВСЕГО	179	34	18,99	31	17,32	50	27,93				
1834	Священник	50			7	14	5	10				
	Диакон	30	1	3,33	6	20	3	10				
	Дьячок	48	3	6,25	8	16,67	7	14,58				
	Пономарь	44	8	18,18	9	20,45	7	15,91				
	ВСЕГО	172	12	6,98	30	17,44	22	12,79				
1836	Священник	43	1	2,33	5	11,63	5	11,63				
	Диакон	33	1	3,03	5	15,15	3	9,09				
	Дьячок	47	5	10,64	9	19,15	8	17,02				
	Пономарь	46	9	19,57	9	19,57	15	32,61				
	ВСЕГО	169	16	9,47	28	16,57	31	18,34				
1837	Священник	48			4	8,33	4	8,33				
	Диакон	31			4	12,9	4	12,9				
	Дьячок	49			6	12,24	6	12,24				
	Пономарь	47	5	10,64	9	19,15	9	19,15				
	ВСЕГО	175	5	2,86	23	13,14	23	13,14				
1846	Священник	50	1	2	1	2	1	2				
	Диакон	33			3	9,09	4	12,12				
	Дьячок	48	1	2,08	6	12,5	9	18,75				
	Пономарь	43	2	4,65	7	16,28	7	16,28				
	ВСЕГО	174	4	2,3	17	9,77	21	12,07				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1847	Священник	51	1	1,96								
	Диакон	32	1	3,13	4	12,5	5	15,63				
	Дьячок	44	4	9,09	7	15,91	9	20,45				
	Пономарь	43	8	18,6	14	32,56	15	34,88				
	ВСЕГО	170	14	8,24	25	14,71	29	17,06				
1850	Священник	24	3	12,5	3	12,5	4	16,67				
	Диакон	15										
	Дьячок	20	1	5	3	15	3	15				
	Пономарь	19	1	5,26	2	10,53	3	15,79				
	ВСЕГО	78	5	6,41	8	10,26	10	12,82				

Источник: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.435, 462, 470, 474, 478, 501, 506, 524.

ТАБЛИЦА 15. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ ДУХОВЕНСТВА КАМЫШЛОВСКОГО УЕЗДА

Год	Сан	Кол-во человек	В чтении неисправен		В пении неисправен		В знании Катехизиса неисправен		Неисправен		К поучениям малоспособен	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1800	Священник	69	15	21,74	15	21,74	5	7,25			14	20,29
	Диакон	41	21	51,22	21	51,22	3	7,32			20	48,78
	Дьячок	64	30	46,88	30	46,88	1	1,56	1	1,56		
	Пономарь	64	50	78,13	50	78,13	9	14,06	7	10,94		
	ВСЕГО	238	116	48,74	116	48,74	18	7,56	8	3,36	34	30,91*
1807	Священник	74					4	5,41	7	9,46		
	Диакон	41					3	7,32	2	4,88		
	Дьячок	70					8	11,43	4	5,71		
	Пономарь	66	1	1,52	2	3,03	17	25,76	5	7,58		
	ВСЕГО	251	1	0,4	2	0,8	32	12,75	18	7,17		
1812	Священник	76							2	2,63		
	Диакон	46							3	6,52		
	Дьячок	71							2	2,82		
	Пономарь	69							10	14,49		
	ВСЕГО	262							17	6,49		
1815	Священник	65	4	6,15	4	6,15	5	7,69			10	15,38
	Диакон	38	3	7,89	3	7,89	3	7,89			8	21,05
	Дьячок	57	11	19,3	11	19,3	10	17,54	1	1,75		
	Пономарь	56	18	32,14	18	32,14	16	28,57				
	ВСЕГО	216	36	16,67	36	16,67	34	15,74	1	0,46	18	17,48*
1820	Священник	76	20	26,32	19	25	20	26,32			19	25
	Диакон	46	19	41,3	19	41,3	16	34,78			12	26,09
	Дьячок	71	32	45,07	38	53,52	37	52,11				
	Пономарь	72	52	72,22	51	70,83	45	62,5				
	ВСЕГО	265	123	46,42	127	47,92	118	44,53			31	25,41*
1824	Священник	78	17	21,79	18	23,08	21	26,92	10	12,82	25	32,05
	Диакон	47	18	38,3	17	36,17	23	48,94	6	12,77	24	51,06
	Дьячок	76	44	57,89	48	63,16	55	72,37	13	17,11		
	Пономарь	75	54	72	53	70,67	57	76	15	20		
	ВСЕГО	276	133	48,19	136	49,28	156	56,52	44	15,94	49	39,2*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1846	Священник	24					1	4,17				
	Диакон	15										
	Дьячок	21			1	4,76						
	Пономарь	22			4	18,18	2	9,09				
	ВСЕГО	82			5	6,1	3	3,66				
1849	Священник	31										
	Диакон	23			3	13,04	5	21,74				
	Дьячок	24			1	4,17	6	25				
	Пономарь	22			2	9,09	7	31,82				
	ВСЕГО	100			6	6	18	18				

*При высчитывании процента «малоспособных к поучениям» учитывалось общее число только священнослужителей.

Источники: ГАСО. Ф.6. Оп.2. Д.415, 428, 433, 434, 440, 448, 499, 515.

Анна Владимировна
Мангилева

Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии)

монография

Отзывы, предложения и замечания по данному изданию высылайте
по адресу 620151, Екатеринбург, а/я 442
ИД Урал НАУКА

Авторская редакция

Компьютерный набор и верстка
Е.М. Иванова, Ю.В. Клюкина

Оригинал-макет подготовлен на базе
Лаборатории археографических исследований
Уральского государственного университета

ЛР N 065722 от 10.03.98
Сдано в набор 10.04.98 Подписано к печати 18.04.98
Формат 60 x 84/16. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,75 Усл.-изд. л. 16
Тираж 500. Цена свободная
Заказ 408

Издательский дом "Урал НАУКА"
620017 Екатеринбург, Калиновский пер., 11.
Типография ОАО "Полиграфист"
620219 Екатеринбург, Тургенева, 20.